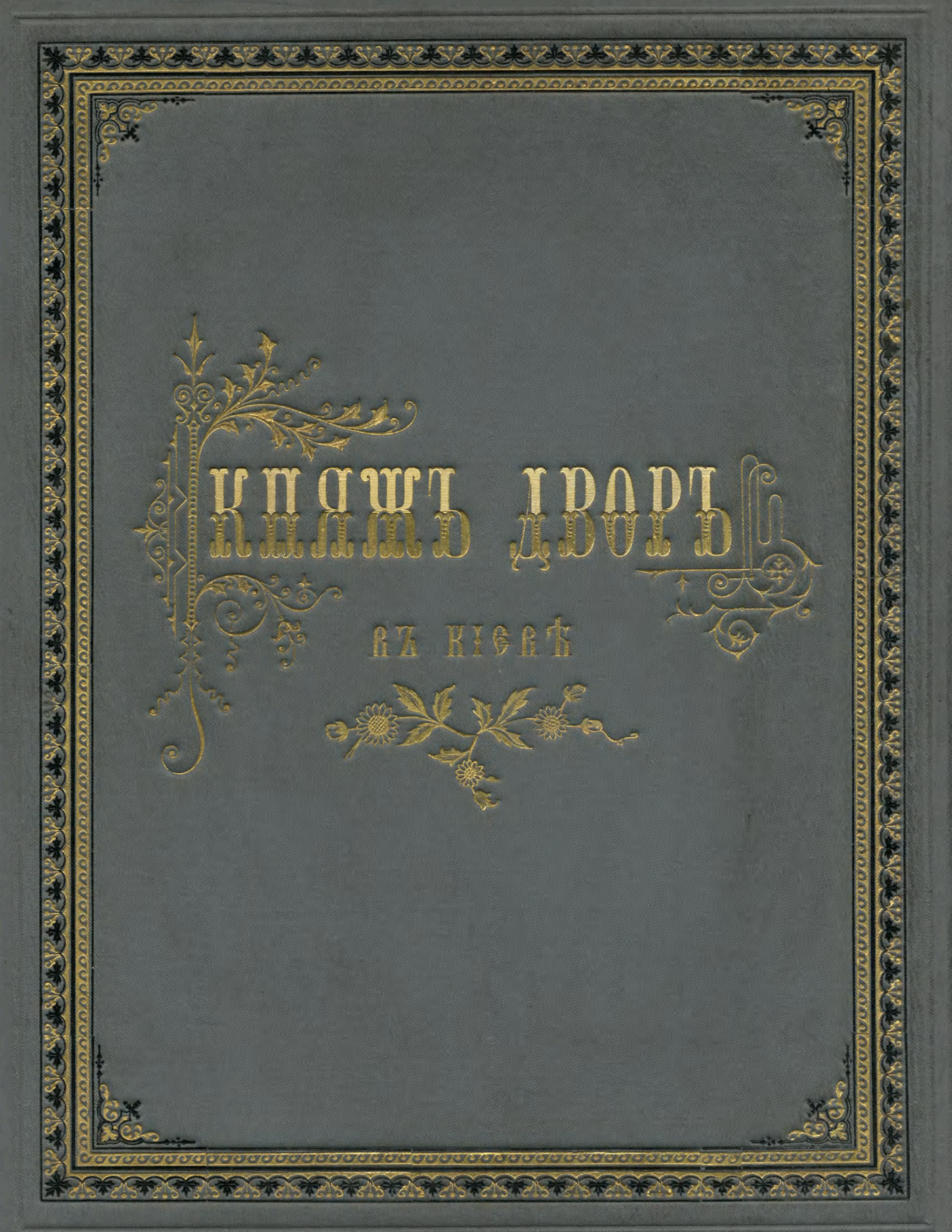

Княжъ дворъ
въ Кіевѣ

Arch. Wezh 1618

MUZEUM
ARCHEOLOGICZNE
JÓZEFA
CHOJNOWSKIEGO.

РАСКОПКИ

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ДВОРА

ДРЕВНЯГО ГРАДА КІЕВА,

ПРОИЗВЕДЕННЫЯ ВЕСНОЮ 1892 ГОДА.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИ-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

иллюстрированное 156 рисунками,

І. А. Хойновскаго.

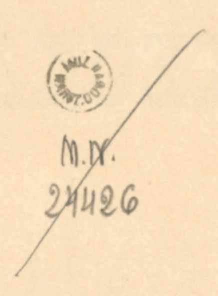

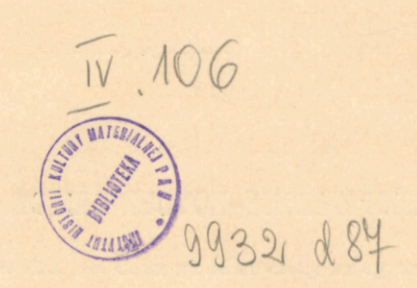

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская ул., домъ № 4.
1893.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 16 Февраля 1893 года.

СОДЕРЖАНІЕ ОПИСАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Кіевѣ въ 1874 г. происходило засѣданіе 3-го археологическаго съѣзда; собравшіеся на этотъ съѣздъ ученые и профессора, осматривая достопримѣчательныя древности Кіева, между прочимъ, посѣтили и Десятинную церковь; выйдя изъ воротъ церковной ограды, археологи, остановившись на бугоркѣ около церковныхъ воротъ, смотрѣли на стоявшій съ другой стороны улицы домъ съ просторной усадьбой и большимъ фруктовымъ садомъ. Руководящій осмотромъ знатокъ кіевскихъ древностей, указывая на эту усадьбу, принадлежащую князю Трубецкому, объяснялъ членамъ съѣзда, что на этомъ мѣстѣ и въ слѣдующихъ за нимъ усадьбахъ древняго града, въ началѣ Руси былъ Княжъ-Дворъ, что здѣсь, на этой горѣ жилъ какъ лѣтописный Кій, такъ и основатели Русскаго государства, первые князья Кіевскіе. Теперь эта усадьба составляетъ частную собственность ея владѣльца, но прійдетъ время, что ее купятъ археологи, раскопаютъ, каждую былинку разсмотрятъ и просѣютъ, и тутъ только найдутъ безцѣнный матеріалъ для начальной исторіи Руси. Это патріотическое увлеченіе страстнаго любителя родной старины не сбылось въ деталяхъ; но Провидѣнію угодно было, чтобы раскопка части этой мѣстности досталась въ мои руки. Понимая важное значеніе и отвѣтственную роль передъ обществомъ, я старался исполнить выпавшую на мою долю задачу, насколько мои средства, какъ умственныя, такъ и денежныя, а главное, насколько сложившіяся обстоятельства, при которыхъ производилась раскопка, мнѣ позволили. Пятаго февраля 1892 г. въ мѣстныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что князь Трубецкой продалъ часть своей усадьбы инженеру Кривцову и что для постройки въ купленномъ участкѣ дома будетъ произведена съемка земли въ количествѣ довольно значительномъ, для того, чтобы выровнять усадьбу съ высотой улицы. Дѣлая въ прежнее время разныя изысканія на площади Кіева, въ Кіановской улицѣ, около Выдубицкаго монастыря, въ завалившейся пещерѣ, около сѣнной площади въ усадьбѣ Гребеня, и помѣщая результаты добытыхъ свѣдѣній въ газетахъ: «Заря» и «Кіевское Слово», мнѣ пришлось, для объясненія въ печати своихъ изслѣдованій, много изучать, какъ лѣтописи, такъ и описанія прошлаго времени Кіева; поэтому газетное объявленіе застало меня уже достаточно свѣдущимъ въ исторіи Кіева, и я зналъ хорошо важное историческое значеніе и блестящее прошедшее участка, на которомъ

начиналась съемка земли, а потому рѣшился наблюдать, и если окажется возможнымъ, то и принять энергическое участіе въ изслѣдованіяхъ того мѣста при раскопкѣ, какъ своимъ опытомъ, познаніями, такъ и денежными средствами. Обстоятельства помогли моему усердію: въ Кіевъ въ это время начали съѣзжаться помѣщики юго-западнаго края на годичную ярмарку-контракты. Увеселенія масляницы, званные блины, балы, концерты и дѣловое время контрактовъ поглотили все вниманіе кіевлянъ, а въ томъ числѣ и археологовъ; профессора же были заняты лекціями въ университетѣ, да кромѣ того слякоть въ перемежку съ двѣнадцати-градуснымъ морозомъ и снѣжною мятелью такъ устрашили любознательныхъ, что никто не рѣшался сидѣть по цѣлымъ днямъ при работахъ. Всѣ эти условія, а можетъ быть незнаніе большинствомъ прошлаго раскапываемой мѣстности сдѣлали то, что соперниковъ на этотъ трудъ у меня не оказалось, за исключеніемъ барышниковъ, торгуюшихъ древностями, которые вскорѣ начали красть находки, а потому были изгнаны. Владѣлецъ усадьбы Я В. Кривцовъ, узнавши отъ меня исторію мѣстности, оказалъ полное сочувствіе моимъ изслѣдованіямъ, и въ виду моихъ трудовъ и моего заявленія, что я намѣренъ издать описаніе древностей, здѣсь найденныхъ, предоставилъ въ мою пользу свою половину найденныхъ предметовъ. Съ этого времени мое положеніе при раскопкахъ сдѣлалось вполнѣ опредѣленнымъ и я, не жалѣя трудовъ и средствъ, занялся присмотромъ и собираніемъ древностей. Правильность археологической раскопки была, въ этомъ случаѣ, немыслима. Земля снималась не послойно, а сразу вся четырехъ-аршинная ея высота. Двадцать человѣкъ землекоповъ становились въ рядъ на высотѣ края земли, ломами откалывали на аршинномъ пространствѣ промерзшій верхній слой, потомъ снимали его вглубь до уровня улицы, выкидая землю прямо въ ящики грабарокъ, вывозившихъ ее сейчасъ со двора. Окончивъ выемку такой стѣны земли, занимали сверху другую стѣнку и работа быстро подвигалась впередъ. Подрядчикъ, условившійся получать плату отъ куба вывезенной земли, наблюдалъ за быстротой съемки. При этихъ условіяхъ присмотръ за находками на протяженіи 21 саж., безъ вниманія къ нимъ самихъ землекоповъ, сдѣлался очень труднымъ и я, убѣдившись скоро въ этомъ, придумалъ единственное въ такомъ положеніи средство—развить между рабочими корыстолюбіе и соревнованіе, а потому обѣщалъ имъ, что за всякій предметъ, найденный въ землѣ, буду сейчасъ имъ платить деньги, приказывая внимательно присматриваться къ выбрасываемой землѣ и собирать все около себя, не выбрасывая ни малѣйшей вещи въ ящики. Расчетъ мой былъ тотъ, что рабочій, внимательно собирая всякую мелочь, не пропуститъ предмета, хотя и мелкаго, но для меня интереснаго, за все получая вознагражденіе, а я если заплачу за двадцать находокъ безъ значенія, то этимъ не упущу двадцать перваго предмета, имѣющаго какой-нибудь научный интересъ. Вооружаясь каждое утро кошелькомъ съ мелкимъ серебромъ и кредитками, я, кажется, успѣлъ спасти много предметовъ, довольно интересныхъ въ научномъ значеніи, которые иначе были бы засыпаны въ яръ, куда сваливали вывезенную землю. Приказчики же хозяевъ помогали мнѣ въ присмотрѣ, въ интересѣ своихъ господъ. Замедлять ходъ съемки никто не могъ, потому что съемка земли усло-

віемъ договора должна была быть окончена къ 15 марта и заботой подрядчика было, содержа столько людей и лошадей, выгадать поспѣшностью съемки свои барыши изъ этого подряда. Проходя часто по линіи съемки и болѣе наблюдая мѣста съ человѣческими костями, я занятъ былъ преимущественно изслѣдованіемъ раскапываемыхъ могилъ. Рабочіе же въ это время на всемъ пространствѣ собирали древности и я, отбирая находки при обходѣ, если находилъ предметъ интересный, то тутъ же осматривалъ мѣсто, съ котораго онъ былъ снятъ, для своихъ личныхъ соображеній о времени его производства и окружавшихъ его другихъ предметовъ. Изъяснивъ всѣ условія, при которыхъ производилась эта съемка земли и осматривая, по окончаніи ея, добытые результаты, какъ научные, такъ и вещественные, я съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, что сдѣлалъ все, что при данныхъ условіяхъ могъ сдѣлать и добылъ такіе результаты, какіе энергія и деньги могли добыть мнѣ. При этомъ я не отрицаю, что когда бы эта съемка была произведена лѣтомъ и производилась бы какъ слѣдуетъ археологической раскопкѣ быть произведенной, т. е. чтобы земля снималась послойно рабочими и повозками поденными, а не отъ куба вывезенной земли, то и результаты изслѣдованій могли бы быть совершеннѣе и количество находокъ значительнѣе; но это не отъ меня зависѣло, а купившій землю для постройки дома, какъ человѣкъ, недавно поселившійся въ Кіевѣ, не зналъ прошлаго своей усадьбы и не думалъ объ археологіи, заключая условіе на съемку земли съ подрядчикомъ.

Первоначальныя лѣтописныя свѣдѣнія о Кіевской горѣ.

На Трехсвятительской улицѣ въ усадьбѣ князя Трубецкого (планъ табл. № 1, рис. № 1), на пространствѣ 21-й сажени по улицѣ и 18-ть саж. въ глубину усадьбы произведена была планировка грунта съ уровнемъ улицы, для чего пришлось снять до четырехъ аршинъ поверхности земли, бывшей подъ садомъ князя. Это мѣсто въ старомъ нагорномъ участкѣ города Кіева, находящееся въ серединѣ между Трехсвятительской, Десятинной и Андреевской церквами, извѣстно по лѣтописямъ подъ именемъ Княжа-Двора,—хотя и не все поступило подъ съемку, потому что большая часть сада князя и сосѣднія усадьбы по Трехсвятительской улицѣ остались не изслѣдованными, во всякомъ случаѣ важны и тѣ 360 кв. сажень болѣе возвышенной исторической площади, на которой совершались великія историческія событія и гдѣ стояли дворы великихъ князей кіевскихъ перваго періода, а впослѣдствіи Яничъ монастырь.

Древній Кіевъ въ X столѣтіи занималъ небольшое пространство земли на горѣ; такое мнѣніе мы пріобрѣли изъ нѣсколькихъ повѣствованій Нестора, записанныхъ въ его лѣтописи. Въ сказаніи о мести Ольги надъ послами Древлянъ находимъ подъ 945 г. такое разъясненіе о древнемъ Кіевѣ: «И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ольгѣ и присташа надъ Боричевымъ в—лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въ здолѣ (внизу у подножія) горы Кыевския и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идѣже есть нынѣ (т. е. во

время описанія Несторомъ, въ 1108 г.) дворъ Гордятинъ и Нифовъ; а дворъ Княжъ бяше, идѣже есть дворъ Воротиславль и Чюдинъ. А Перевѣсище (теперешній Крещатикъ) бѣ внѣ града, И бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ (Деместниковъ) за святою Богородицею: надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ (Лаврент., изд. Кэн. 47).

Изъ словъ лѣтописца мы видимъ, что первоначальный градъ Кыевъ занималъ небольшое пространство на горѣ, гдѣ въ Несторово время находились только двѣ усадьбы. Это время основанія поселенія древнѣйшаго града, т. е. что здѣсь поселились первые люди патріархальнаго быта въ своихъ землянкахъ и отъ этого центральнаго пункта поселеніе расширялось, т е. увеличивалось число поселенцевъ. Около первой землянки построили вторую, третью и т. д., строились, расширяя границы заселенія на горѣ. Когда же поселеніе стало многолюдно, избрало себѣ старшину, кагана, или князя, былъ ли то Кій или Аскольдъ, то этотъ князь жилъ въ своей усадьбѣ, или княжемъ дворѣ, а эта усадьба первыхъ князей находилась на томъ мѣстѣ горы, гдѣ во время Нестора имѣли свои усадьбы Воротиславль и Чюдинъ. Но кромѣ этого главнаго двора, стоявшаго въ градѣ, т. е. въ пространствѣ, огороженномъ частоколомъ и рвами и укрѣпленномъ по понятіямъ того времени, былъ еще дворъ другой внѣ града, за Св. Богородицей, на мѣстѣ котораго во время Нестора жили пѣвчіе (дворъ Демьстниковъ).

Кромѣ того, во время Ольги былъ дворъ Теремный. «Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ Теремскомъ внѣ града и заутра Ольга сѣдяще въ Теремѣ посла по гости». (Шлецеръ. Т. III, стр. 299). Въ названіяхъ, которыя Несторъ даетъ дворамъ въ своемъ описаніи, мы видимъ различіе ихъ назначенія. Первый дворъ, находившійся во градѣ, Несторъ назвалъ ясно Княжъ-дворъ, т. е. жилище кіевскаго князя, второй дворъ Несторъ назвалъ безъ слова «княжъ»: «и бѣ внѣ града дворъ другый» и «на дворѣ Теремскомъ внѣ града»; изъ этого опредѣленія ясно видно, что главный Княжъ-дворъ былъ во градѣ и въ немъ жилъ князь, но у князя была семья: братья, взрослые сыновья, которые особо жили за оградой крѣпости; да въ языческое время, когда было многоженство, князья, жившіе въ одномъ домѣ, либо дворѣ со своей дружиной, держали своихъ женъ въ теремномъ дворѣ, построенномъ надъ обрывомъ кіевской горы, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на горѣ Уздыхальницѣ, съ вершины которой видно живописное теченіе Днѣпра, бархатные, зеленые луга и сосновые лѣса лѣвобережія на нѣсколько десятковъ верстъ. При потомкахъ Рюрика этотъ древнѣйшій градъ Кыевъ помѣщался до Ярослава I на верхней площади центральной кіевской горы, высоко стоящей у впаденія ручья Почайны въ Днѣпръ, и древніе кіевляне чаще всего употребляли одно только слово для названія своего города, называя его горой. 1067 г. «Людие створиша вѣче на торговищи (собиравшемся на Подолѣ), идоша на гору съ вѣча. 1068 г. Изяславъ же възгна торгъ на гору. 1124 г. Погоре Подолье все; въ утрый же день погорѣ гора; 1146 г. Игорь созва Кыяне вси на гору, на Ярославль дворъ; 1180 г. погорѣша дворове на горе и церкви зажжеся велика Митрополья Софья. 1202 г. И въѣхавъ въ Подолье, посла на гору къ Рюрикови. 1203 г. Не токмо одино Подолье взяша

и пожгоша ино гору взяша и Митрополью (Св. Софью)». Это названіе горы употребляли лѣтописцы для опредѣленія въ Кіевѣ древняго города до XIII столѣтія. Гора эта, или собственно древній городъ, укрѣпленъ былъ валомъ и деревянной стѣной, построенной изъ дубоваго частоколу. (Смотр. планъ древняго града. Табл. № 2, рис. № 3). Внѣ этого древнѣйшаго града все пространство было покрыто лѣсомъ, садами, либо песчаными полями, какъ говоритъ Несторъ: «и бяше около града лѣсъ и боръ великъ». Сѣвернымъ предѣломъ Кіева была гора Уздыхальница (гдѣ нынѣ Андреевская церковь), на восточномъ краю города былъ высокій въ 45 саж. обрывъ къ берегу Почайны—притока Днѣпра и части города, называемой Подолъ. Съ юго-восточной стороны проходила дорога до южныхъ воротъ града, по которой сообщались жители горы съ Набережнымъ Подоломъ и Днѣпромъ; эта дорога была въ высшей степени крутая и называлась Боричевъ ввозъ (межъ Трехсвятительской церковью и сѣверной оградой Михайловскаго монастыря); дальше шелъ валъ по задней оградѣ, теперешней Реальной гимназіи, а южной границей былъ оврагъ (гдѣ нынѣ Большая Житомирская улица); тамъ перекинутъ былъ мостъ черезъ оврагъ и стояли западныя ворота, называемыя Софійскіе, а позднѣе Батыевы (на пересѣченіи Житомирской улицы съ Владимирской), а на западѣ валъ проходилъ между Деместниковымъ дворомъ, стоявшимъ внѣ града, и церковью Пресв. Богородицы (Десятинной), окружая ее и направляясь къ Трехсвятительской церкви. Пройти въ градъ или въ укрѣпленіе можно было черезъ ворота, укрѣпленныя башнями, въ которыхъ черезъ рвы и овраги перекинуты были мосты. Съ Подола на гору вели двѣ дороги: одна по Боричеву ввозу, вела къ южнымъ воротамъ, а другая, по яру кожемятниковъ, по-за Десятинной церковью, съ сѣверо-западной ея стороны, вела къ западнымъ воротамъ, называемымъ впослѣдствіи Софіевскими и Батыевыми. Сѣверо-восточная часть града, стоявшая надъ высокимъ обрывомъ горы, была по природѣ недоступна для ѣзды и крута для пѣшеходовъ на всемъ пространствѣ между Боричевымъ ввозомъ и Кожемяками. Андреевскаго спуска тогда не существовало, только въ XIV столѣтіи, въ Литовскій періодъ, были устроены на южной сторонѣ Десятинной церкви ворота Драбскія, для проѣзда въ старый городъ изъ Литовскаго замка (крѣпости). Проѣзжая дорога со Стараго города на Подолъ, возлѣ Андреевской церкви, только въ 1715 г. была прокопана княземъ Голицынымъ.

Объяснивъ вкратцѣ мѣсто, на которомъ находилась въ древнемъ Кыевѣ лѣтописная гора и границы ея, т. е. града Кыева, мнѣ теперь надо опредѣлить, что означаетъ лѣтописное названіе Княжъ-дворъ и его мѣсто на горѣ. Г. Закревскій (Описаніе Кіева, стр. 839), въ своихъ трудолюбивыхъ изысканіяхъ по древнему Кіеву, ошибочно объясняетъ, что Княжъ-дворъ означало домъ, зданіе, т. е. дворецъ, гдѣ жилъ князь, но не пространство, или площадь при домѣ; по моимъ же изысканіямъ, которыя будутъ ясны изъ ряда лѣтописныхъ сказаній, какія мнѣ прійдется здѣсь же привести, Княжъ-дворъ означаетъ въ лѣтописяхъ не только домъ, занимаемый княземъ, но и совокупность всѣхъ построекъ, въ которыхъ жили князья, помѣщались: его прислуга, его дружина, кухни, конюшни, кладовыя и проч. и все пространство, занятое этими постройками; количество этихъ построекъ съ каждымъ

княземъ увеличивалось, занимая постепенно все большее пространство кіевской горы у восточнаго ея вала. Объ обширности Княжаго-двора мы лучше всего можемъ судить по сказанію Ипатьевскаго лѣтописца съ 1150 г. «Изяславъ же поклонивъся святой Софьи и възъѣха на дворъ на Ярославль всимъ своимъ полкомъ и Кіянъ съ нимъ приде множество. Въ то же время Вячеславъ сѣдяше на сѣньици и мнози начаша молвити князю Изяславу: «Княже! ими и, дружину его изъемли; друзіе же молвяхуть: «ать посѣчемъ подъ нимъ сѣни». Изяславъ же рече: «не дай ми того Богъ, язъ не убійца есмь братіи своей; а се ми есть яко отецъ стрый свой, а язъ самъ полѣзу къ нему» - поима съ собою мало дружины, и лѣзе на сѣни къ Вячеславу къ строеви своему, и поклонися ему. Вячеславъ же въста противу Изяславу, и цѣловастася, и сѣдоста оба по мѣсту. Изяславъ же рече Вячеславу: «Отце! кланяютися нелзѣ ми ся съ тобою рядити, видиши ли народа силу, людій полкъ, стояща, а много ти лиха замысливаютъ»... Изяславъ же пріѣха въ Кіевъ, и тако ударя у трубы съзва Кіяны, и пойде изъ Кіева полкы своими противу Володимиру... По возвращеніи Изяслава въ Кіевъ и бѣгства Игоря, находимъ описаніе пріема кіевлянами возвратившагося князя и угощенія кіевлянъ. «Кіяне же, услышавше Изяслава. изидоша противу ему съ радостью. Изяславъ же въ Кыевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего съ честью великою, много изъимаша дружины Гюргевы по Кіеву. Изяславъ же отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли и пребыша у велипѣ весельи, тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ многое множество. Кіяне же дивяхутся Угромъ множеству, и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ». Отнявъ Кіевъ побѣдами у Всеслава, Изяславъ входитъ въ свой Княжъ-дворъ, унаслѣдованный имъ отъ отца и дѣда. Этотъ дворъ настолько обширенъ, что въ немъ помѣстились полкъ, князья и вспомогательный отрядъ венгерскаго войска, т. е. вся армія князя и жители Кіева. Всѣхъ собравшихся людей князь кормитъ и угощаетъ на радости. Между тѣмъ мы видимъ, что площадь града Кыева, окруженная валами, занимала около десяти десятинъ пространства. Выключивъ пространство, занимаемое двумя церквями, Св. Василія и Пресвятой Богородицы и двумя монастырями: Янчинымъ, съ церковью Св. Андрея и Вотчь, съ церковью Св. Феодора, да Бабій торжокъ возлѣ Десятинной церкви, то ясно увидимъ, что въ предѣлахъ града мало уже остается площади и свободное мѣсто между Янчинымъ монастыремъ и церковью Св. Василія (Трехсвятительской), у восточнаго вала, занималъ Княжъ-дворецъ, а на остальной площади стояли другіе дома родичей и для помѣщенія дружины и службы князя. Только въ первоначальныхъ лѣтописяхъ, въ объемѣ древняго града, упоминается лѣтописцами о нѣсколькихъ усадьбахъ Воротиславля и Чюдина, совѣтниковъ Ярослава I. да дворъ Гордятина, Нифова и усадьба Варяга, на которой построена Десятинная церковь. Но послѣ Ярослава I усадьбы частныхъ лицъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, были внѣ древняго града за Батыевыми воротами (дворы Брячислава, Глѣба). О расположеніи построекъ на пространствѣ древняго града, соображаясь съ уцѣлѣвшими ихъ остатками, узнаемъ изъ разсказа лѣтописца объ убіеніи Игоря Ольговича

въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, разсказанной дополняя сказанія лѣтописца своими объясненіями мѣстности усадебъ, указываемыхъ лѣтописцемъ. Князь кіевскій Изяславъ выступилъ съ своей дружиной къ Чернигову, но, удостовѣрившись во время пути, что черниговскіе князья хотѣли его заманутъ къ себѣ, съ намѣреніемъ его захватить и отнять у него Кіевскій великокняжескій удѣлъ, озлобился на нихъ и прислалъ распоряженіе къ двумъ оставшимся въ Кіевѣ братьямъ своимъ Владимиру и Михаилу: собрать кіевлянъ на вѣче во дворѣ Св. Софіи и, объяснивъ имъ измѣну, требовать, чтобы Кіяне, вооружившись, спѣшили къ нему на помощь для наказанія черниговскихъ князей. Кіевляне согласились, но, не довѣряя остающемуся въ Кіевѣ схимнику Вотчь монастыря, Игорю, бывшему передъ тѣмъ кіевскимъ княземъ, и опасаясь, что во время отсутствія изъ Кіева всѣхъ гражданъ и князей, Гюргій натворитъ бѣды Кіеву, рѣшились, передъ выступленіемъ изъ города, убить Гюргя. Митрополитъ Климъ, тысяцкій Лазарь и князья отговаривали ихъ отъ убійства, но увѣщанія не помогли, и кіевляне всей толпой двинулись отъ Св. Софіи въ старый городъ для исполненія своего рѣшенія. «Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути увороти коня на право мимо Глѣбовъ дворъ, и вскорѣша Кіяне передъ Володимиромъ. Игорь же, услышавъ, пойде въ церковь Св. Ѳеодора, они же устремишась нань яко звѣрье свѣрьпіи и похитиша его на обѣднѣ въ церкви святого Ѳеодора, и манотью на немъ оторгоша... и емше поведоша изъ монастыря, и срѣтѣ и Володимиръ въ вратѣхъ монастырскихъ». Когда народъ изъ Софійскаго двора побѣжалъ по мосту чрезъ западныя ворота въ Вотчь монастырь, въ которомъ жилъ инокъ Игорь, то Владимиръ вскочилъ на свою верховую лошадь, на которой пріѣхалъ на вѣче въ Софію и погналъ коня, желая впередъ толпы явиться къ Игорю, чтобы его спрятать, либо спасти какимъ-нибудь образомъ. Прискакавъ къ мосту и увидѣвъ его набитымъ тѣснившимся народомъ, онъ поворотилъ коня вправо, мимо Глѣбова двора, надѣясь промчаться къ монастырю, быстрѣе черезъ южныя ворота. Но толпа его опередила, такъ какъ Вотчь монастырь былъ ближе западныхъ, нежели южныхъ воротъ. Монастырь этотъ съ церковью Св. Ѳеодора и кельями былъ огороженъ заборомъ, и входъ въ монастырь былъ съ востока, отъ стороны Княжаго-двора. Изъ смысла словъ лѣтописи Патріаршей, стр. 116, мы узнаемъ, что каменная церковь Св. Ѳеодора Вотчь монастыря была недалеко отъ городскихъ западныхъ воротъ и въ недальнемъ разстояніи со стороны воротъ этого монастыря была Андреевская церковь женскаго Янкина монастыря, часть стѣны церкви Св. Ѳеодора видѣлъ въ 1638 г. Кальнофойскій и показалъ ихъ на своемъ планѣ (Закревскій, 224 стр.). Толпа, схвативъ Игоря въ церкви и сорвавъ мантію, выводила его изъ воротъ ограды монастыря въ то время, когда къ этимъ воротамъ прискакалъ Владимиръ. «Игорь възря нань: оохъ брате, камо мя ведутъ? Искочи Володимиръ съ коня и огну и корзномъ, река Кіянемъ: братіе моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря, и доведе и Володимиръ воротъ матери своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира, бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то, искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ

же вмча и во дворъ матери своея, Игоря хороня, и затвори ворота; бьюче же Михаила, отторгаша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству, убивающимъ Игоря (и пригна Володимиръ Мьстиславичь, искочи съ коня паде на Игори) и тако Игорь въста и вниде въ дворъ Мстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря и тако изъ народа стояще, и възрѣша Игоря вълѣгша въ Мьстиславль дворъ и тако народъ двигнушася и выломиша ворота и тако побиша». Увидѣвъ Игоря во власти толпы безъ одежды, Владимиръ вырвалъ его изъ рукъ убійцъ, прикрывъ наготу его своимъ плащемъ, и увелъ его въ ближайшій дворъ княгини матери своей, т. е. вдовы князя Мстислава, которая, вѣроятно, жила вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Михаиломъ и имѣла свой дворъ ближе другихъ княжихъ дворовъ, находившихся отъ мѣста происшествій, но въ воротахъ, когда кіевляне замѣтили, что жертва могла изъ рукъ ихъ уйти, то уже не стѣсняясь князя Владимира, кинулись отнимать силою Игоря, прибѣжавшій князь Михаилъ, увидя, что бьютъ не только Игоря, но и Владимира, соскочивъ съ коня, ринулся спасать князей и завязалъ рукопашную свалку съ кіевлянами, вѣроятно ему помогали, какъ прислуга, такъ и тысяцкіе съ тивунами и всѣ люди, которые на вѣче въ Софійскомъ дворѣ были противъ убійства Игоря. Борьба была упорная настолько, что одежды, крестъ съ мощами и шейная золотая гривна Михаила были сорваны, но драка приверженцевъ князей дала время Владимиру провести Игоря во дворъ и запереть ворота. Когда же Владиміръ увидѣлъ, что бьютъ брата его Михаила, то оставилъ Игоря спасаться, какъ самъ знаетъ, а вернулся помогать брату, и теперь толпа, озлобленная тѣмъ, что не видитъ уже Игоря, чуть не убила Владимира за уводъ Игоря. Игорь воспользовался временемъ драки, не чувствуя себя здѣсь въ безопасности, закрытый оградой двора, бѣжалъ подальше и пробрался по за оградой Вотчь монастыря въ другой княжій дворъ Мстиславль, который, вѣроятно, находился на западъ отъ Десятинной церкви. Но кто то изъ лицъ, не участвовавшихъ въ борьбѣ, замѣтилъ Игоря, спасавшагося во дворъ Мстиславля, и когда народъ, осиливъ княжескихъ приверженцевъ и поколотивъ князей, не нашелъ Игоря во дворѣ матери князей, то по указанію видѣвшаго спасавшагося Игоря, народъ устремился на дворъ Мстиславовъ, выломалъ ворота и тамъ поймалъ Игоря и убилъ его. Повторяющіяся слова лѣтописи: «и прогна Володимиръ Мьстиславль искочи съ коня паде на Игоре» были написаны второй разъ переписчикомъ по ошибкѣ; продолженіе текста лѣтописи такъ гласитъ: «Беззаконіи же немилостивіи побивше и отъинудъ тѣло его наго оставиша и поверзъше ужемъ за ногы уволочиша; и еще живу сущу ему, ругающеся царьскому и священному тѣлу и волокша и съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на Княжъ-дворъ, и ту прикончаша и... И оттуда възложиша и на кола, и везоша и на Подолье, на Торговище». Избитаго на дворѣ Мстислава Игоря, привязавъ къ ногамъ веревки, поволокли черезъ Бабинъ торжекъ на Княжъ-дворъ, чтобы тамъ взять повозку, на которой перевезли убитаго Игоря на Подолъ. Извѣстно, что Бабинъ торжекъ находился на площади между Десятинной и Св. Ѳеодора церквами, черезъ эту же площадь проходила улица отъ западныхъ воротъ къ княжему дворцу, слѣдовательно, Мстиславль дворъ былъ съ

западной стороны Десятинной церкви. Для двора же вдовы Мстислава, матери князей, жившихъ въ своемъ дворѣ, ближе другихъ къ Вотчь монастырю находилось только на южной сторонѣ Вотчь монастыря свободное мѣсто и оба двора были огорожены заборомъ съ крѣпкими воротами. Княжъ-же дворъ былъ обширнѣе всѣхъ, гдѣ князья могли угощать тысячи народа и свои полки, а съ галереи (сѣни) трубой созывали кіевлянъ къ себѣ на совѣтъ. Пространство подходящее, какъ болѣе защищенное неприступными обрывами, съ прекраснымъ видомъ на Заднѣпровье, и болѣе другихъ обширное, чтобы помѣстить Великій Ярославъ, или Княжъ-дворъ было только у восточнаго вала древняго града, а двое городскихъ вратъ стояли насупротивъ дворца. Въ такомъ положеніи былъ древній градъ до князя Владимира, но со времени княженія Владимира, державшаго мощной рукой власть надъ разными племенами, вошедшими въ составъ Руси, и значительно расширившаго границы подвластныхъ ему народцевъ, древній градъ становился тѣснымъ для возрастающаго народонаселенія; знатные горожане начали строить дома на плоскости Софіевской, вблизи укрѣпленія древняго города, и сынъ Владимира Ярославъ увидѣлъ необходимость окружить укрѣпленіями и вновь заселившуюся часть города, распространившуюся до Золотыхъ воротъ на западъ и жидовскихъ воротъ (сѣнная площадь) на сѣверо-западъ, украсилъ новую часть города многими каменными строеніями, какъ Софійской митрополіею, Ирининскимъ женскимъ и Георгіевскимъ мужескимъ монастырями, Золотыми воротами и проч. Подолъ и Печерская обитель также заселились и укрѣпились, такъ что Кіевъ, въ половинѣ XI столѣтія сдѣлался довольно значительнымъ и богатымъ городомъ. По кончинѣ Ярослава, на пространствѣ между Трехсвятительской и Десятинной церквами, въ 1086 г., Всеволодъ Ярославичъ «заложи церковь Св. Андрея, створи у церкви тоя монастырь, въ немъ же пострижеся дщи его дѣвою именемъ Янька». Монастырь этотъ назывался Яничъ и Янкинъ и тамъ погребены были: въ 1111 г. Анна, вторая супруга Всеволода, въ 1112 г. инокиня Янька, для которой былъ основанъ монастырь этотъ; въ 1139 г. Ярополкъ II, погребенный рядомъ съ Янкой. Въ 1170 г. погребенъ Володимиръ, сынъ князя Андрея Боголюбскаго. (Закревскій, стр. 188, т. I). При нашествіи монголовъ, Батый, въ 1240 г. разрушилъ этотъ монастырь и о немъ забыли; только по прошествіи 500 лѣтъ, новую Андреевскую церковь построила Императрица Елисавета въ другомъ мѣстѣ, на горѣ Уздыхальницѣ въ 1750 г., гдѣ она и нынѣ находится. Рядомъ съ раскопаннымъ теперь мѣстомъ къ югу былъ Вотчь-мужской монастырь Св. Ѳеодора, который въ 1128 г. основалъ князь Мстиславъ, сынъ Владимира Мономаха, около котораго было похоронено много князей Рюрикова дома: Мстиславъ Владимировичъ, Изяславъ Мстиславичъ, Ростиславъ, Мстиславъ и Владимиръ Мстиславичи, Изяславъ Ярославичъ, Глѣбъ Юрьевичъ и друг. Церковь эта каменная, тоже разрушена была въ погромъ монгольскій, но часть стѣны этой церкви просуществовала до 1638 г. и, постепенно разбираемая окрестными жителями, исчезла безслѣдно. Изъ всего здѣсь сказаннаго и перечисленныхъ именъ князей, похороненныхъ на этомъ участкѣ, достаточно убѣждаемся, что древній градъ былъ вмѣстѣ усыпальницей Велико-княжескаго періода Кіевскихъ князей. Но этотъ Пантеонъ Рюриковичей, какъ и весь

Кіевъ въ монгольскій періодъ, былъ разрушенъ въ 1240 г., и Кіевъ въ продолженіе 10 лѣтъ послѣ погрома былъ такой пустыней, что только волки по немъ бродили. Подъ натискомъ монголовъ всѣ кіевляне и окрестные жители, сбѣжавшіеся въ крѣпость, столпились въ послѣдній часъ борьбы около Десятинной перкви, гдѣ монголы ихъ избивали: «и люди вся изсѣкоша, мужи, жены и чада, и не бѣ стонущаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаще» (Софійскій временникъ). Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ монгольскаго нашествія, въ 1320 г., всѣ бояре Волынской области признали своимъ княземъ могущественнаго Литовскаго князя Гедимина, удержавъ обычаи и вѣру свои. Соловьевъ, русск. истор. въ т. III, стр. 305, о покореніи Кіева такъ разсказываетъ: «На слѣдующій, 1321 г., Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой то князь Станиславъ. На помощь къ Станиславу пришли князья: Олегъ Переяславскій, Святославъ и Василій Брянскіе и бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ и встрѣтили Литовцевъ надъ рѣкою Ирпенемъ. Гедиминъ разбилъ соединенное войско князей. Олегъ и Левъ были убиты въ сраженіи, а Станиславъ съ Брянскими князьями бѣжали съ побоища. Бѣлгородъ сдался побѣдителю, а Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду, но граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшились поддаться Литовскому князю, который съ тріумфомъ въѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева. Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Первымъ намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовгъ, князь Гольшанскій. Съ тѣхъ поръ Кіевъ раздѣлялъ историческую судьбу Литовскаго княжества въ продолженіе 346 лѣтъ до Андрусовскаго мира, заключеннаго въ 1667 г. 20-го Января, между Яномъ Казиміромъ, королемъ Польши и Алексѣемъ Михайловичемъ, царемъ Московскимъ. Въ Литовскій періодъ мѣстность, нами раскопанная, находилась на границѣ Кіевскаго замка, т. е. крѣпости, построенной Гедиминомъ или Ольгердомъ, для защиты города отъ нападенія татаръ. Въ замкѣ жилъ воевода, стояли казармы для войскъ гарнизона и дома управленія краемъ. Укрѣпленія замка были окружены валомъ и высокимъ частоколомъ, или острогомъ и шестигранными трехъ-этажными рублеными башнями, числомъ пятнадцать. Укрѣпленія занимали горы: Уздыхальницу и Киселевку, которыя въ то время не были раздѣлены Андреевскимъ спускомъ, прорѣзаннымъ Голицынымъ въ 1715 г., а составляли вмѣстѣ одну площадь. Въ районѣ Десятинной перкви къ югу, были южныя ворота крѣпости, называемыя Драбскія, для проѣзда изъ замка въ Старый городъ. Хотя замокъ и весь Кіевъ былъ выжженъ и разрушенъ въ 1482 г. крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, но польскіе короли опять его возстановили и замокъ существовалъ до 1649 г. Съ присоединеніемъ лѣвобережной Малороссіи и Кіева къ Россіи съ 1654 г. крѣпость была устроена на Старомъ городѣ и крѣпостные валы обхватили значительное пространство, они выдвинуты были къ Золотымъ воротамъ и на Большую Подвальную улицу.

Извѣстныя намъ раскопки въ этой мѣстности произведены были въ 1832 г. на Десятинной улицѣ Кондратомъ Лохвицкимъ на счетъ графа Сакена. Найденныя

тамъ ямы съ пшеницею, по мнѣнію преосвященнаго Евгенія Болховитинова, были признакомъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ домъ коменданта Кіевскаго замка.

Вторая раскопка въ той же мѣстности была сдѣлана, въ 1838 г., членомъ комитета изысканія древностей, профессоромъ Ставровскимъ, въ усадьбѣ Королева, которая была на западъ отъ нынѣшней усадьбы князя Трубецкого, гдѣ найдены: фундаменты церкви Св. Ѳеодора, бывшей въ монастырѣ Вотчь, основанномъ княземъ Мстиславомъ, сыномъ Владимира Мономаха въ 1128 г.; близъ стѣны фундамента найдена гробница со слѣдами истлѣвшаго деревяннаго гроба съ прахомъ и костями, а поблизости найдено было нѣсколько вещей: образокъ, золотые перстни и другіе предметы. Вещи, тамъ найденныя, хранятся въ археологическомъ собраніи при Кіевскомъ университетѣ (Закревск. Т. I, стр. 224). Около воротъ замка, называемыхъ Драбскія, стояли развалины Десятинной церкви и только малый кусочекъ стѣнки возвышался надъ поверхностью мусора. Митрополитъ Петръ Могила въ 1635 году расчистилъ это мѣсто и своимъ иждивеніемъ устроилъ малую церковь Десятинную. Низъ въ ней былъ каменный, а верхъ деревянный. При митрополитѣ Евгеніѣ церковь эта была ветха и онъ поручилъ, въ 1824 г., приходскому ея священнику совмѣстно съ чиновникомъ Кондратомъ Лохвицкимъ, раскопать это мѣсто. Въ два мѣсяца были открыты фундаменты старой Десятинной церкви, а въ щебнѣ найдены куски колоннъ, карнизовъ и саркофаговъ бѣлаго мрамора, кусочки мелкой мозаики изъ иконъ и крупной, каменной мозаики изъ пола алтарной части, квадратныя цѣнинныя кафли пола боковыхъ притворовъ и четыре каменные гроба изъ шиферныхъ плитъ, связанныхъ желѣзными прутьями, нѣсколько крестовъ, перстней, колецъ, частей иконныхъ окладовъ, лампадныхъ и кадильныхъ обломковъ, монетъ, называемыхъ Кіевскія гривны, а также Византійскихъ и польскихъ, золотая цѣпочка, деревянный крестикъ, оправленный въ золото. Въ одной гробницѣ, изъ плитъ краснаго шифера, связанныхъ желѣзными прутьями, найденъ скелетъ съ кусками парчи, золотой пуговицей и мужскіе башмаки. «Предполагаемая Владимирова». Внѣ пространства Владимировой церкви вырыта другая гробница изъ плоскихъ плитъ краснаго шифера, со скелетомъ какой-то княжны въ женскомъ парчевомъ облаченіи и два небольшіе колокола коринфской мѣди (§ 47 Закревскаго). Изъ найденныхъ вещей гробы опять замурованы подъ церковью; всѣ камни пошли на устройство пола въ церкви. Нѣкоторые предметы поднесены Императору Николаю и Императрицѣ, другіе отправлены въ Академію Художествъ, Московскій университетъ. Въ музей Кіевскаго университета переданы Анненковымъ, строителемъ Десятинной церкви: два наперстные мѣдные креста, большая серебряная серьга съ изображеніемъ птицы, серебряная серьга Кіевскаго типа съ тремя шариками. Нѣкоторыя вещи хранятся въ ризницѣ Софійскаго собора, а другія въ ризницѣ Десятинной церкви.

Такъ были распредѣлены археологическія находки этой сокровищницы Владимировой, котораго черепъ главы перенесенъ въ Лавру. Въ 1872 г., передъ домомъ князя Трубецкого, на тротуарѣ, при прокладкѣ трубъ для газа, была вырыта яма для постановки уличнаго фонаря, въ ней найденъ сѣрый глиняный кувшинчикъ съ одной ручкой, въ 4 вершка высоты. Кувшинчикъ, хотя древній, но принадле-

житъ ко второму періоду гончарнаго искусства и сдѣланъ уже въ то время, когда гончары были знакомы съ гончарнымъ кружиломъ и на немъ уже выдѣлывали свои издѣлія. (Рис. № 4, т. III). Бороздки вращенія на стѣнкѣ остались на поверхности. Другой большій кувшинчикъ, распавшійся, наполненъ былъ серебряными женскими украшеніями. При нападеніи варваровъ тюркскихъ, обладательница этихъ украшеній зарыла ихъ въ землю. Лучшими предметами въ этомъ кладѣ надо считать: 1) пару большихъ серебряныхъ серегъ (Рис. № 5, табл. № IV), на среднихъ щитахъ коихъ, въ $33^{м}/_{м}$ діаметра, звѣриный фантастическій орнаментъ, выемчатый въ пластинкѣ щита и напущенный темнозеленой мастикой, втертой въ углубленія выемокъ и заглаженной грабштихелемъ. Археологи, не изучавшіе исторіи искусствъ и разныхъ техническихъ производствъ въ древности, называютъ ошибочно это эмалью или финифтью. Отъ украшенныхъ этимъ способомъ щитиковъ идутъ вокругъ, въ видѣ сіянія, густые радіусы изъ тонкой проволоки, концы которыхъ прикрѣплены къ обхватывающему ихъ ободку филигранной работы, вверху проволочная дужка на шалнерахъ, на которой виситъ серьга; изъ этой пары одна серьга сохранилась въ цѣлости, а другая разломана. Мастиковый орнаментъ этотъ сдѣланъ на обѣихъ сторонахъ серьги, вся ширина серьги съ ушкомъ $59^{м}/_{м}$, подобныя серьги найдены были въ Кіевѣ нѣсколько разъ. Изъ найденныхъ близъ Десятинной церкви въ саду Анненкова въ 1837 г., одна такая же серьга, съ изображеніемъ птицы, имѣетъ $2^{1}/_{4}$ дюйма въ поперечникѣ и хранится въ Кіевскомъ университетѣ. Три подобныя же серьги, съ такими же изображеніями, найденныя г. Бѣляшевскимъ въ 1891 г. на Княжей горѣ, близъ Канева, находятся въ собраніи древностей В. Тарнавскаго. 2) Три серебряныя большія серьги цѣлыя и двѣ поломанныя, самаго обыкновеннаго Кіевскаго типа (рис. № 6, табл. № IV), на круглой проволокѣ нанизаны по три шарика формы ананаса. Такой формы серегъ, какъ серебряныхъ, такъ и золотыхъ, въ моемъ собраніи историческихъ древностей есть шесть серебряныхъ, найденныхъ близъ сѣнной площади и двѣ золотыхъ, найденныхъ мною въ Роднѣ въ 1889 г. Въ собраніи Тарнавскаго находится такихъ же серебряныхъ пять серегъ съ Княжей горы, найденныхъ въ 1891 году. Извѣстна мнѣ въ Кіевскомъ университетѣ такая же серьга, найденная въ 1824 г. Харщевскимъ въ Кіевѣ. Рисунокъ моей золотой серьги № 7, табл. № IV. На этой же таблицѣ изображены въ рисункахъ: 8, 9, 10, 11 и 12 золотыя серьги другихъ типовъ Великокняжескаго Кіевскаго періода, найденныхъ въ Роднѣ, для характеристики искусства того времени. 3) Серебряный широкій браслетъ (рис. № 13, табл. № IV), состоящій изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ, во всю ихъ вершковую ширину, шалнеромъ въ родѣ петли, на какой висятъ дверцы шкафа. Діаметръ браслета $78^{м}/_{м}$, а ширина ободка $40^{м}/_{м}$. На браслетѣ есть рѣзной затѣйливый узоръ, изображающій фантастическихъ животныхъ и птицъ: барса, грифона, сокола и плетеный орнаментъ, различный на каждой половинкѣ, какъ видно на рисункахъ №№ 14 и 15 сей же IV табл. Фонъ покрытъ пятнами зеленой мастики, по срединѣ придѣланы рельефные золоченые цвѣточки, а по окружности три золоченыхъ пояска. Такой же ширины и формы похожей, находятся въ моемъ собраніи два серебряныхъ браслета, тонкой филиграновой

работы, поля ихъ гладкія, вызолоченныя. Пріобрѣтены мною изъ раскопокъ, которыя производилъ въ нашей мѣстности, въ восьмидесятыхъ годахъ г. Кибальчичъ, а въ 1890 г. распродавшій съ аукціона свои находки. (Рис. № 16, табл. № IV). 4) Серебряный перстень съ мастиковымъ орнаментомъ. 5) Шестигранная малая игральная кость, въ формѣ бусы, въ 15м/м ширины, съ просверлиной для надѣванія на шнурокъ, на каждой грани вырѣзаны кружки отъ одного до шести. (Рис. № 17, табл. № IV). При дальнѣйшемъ раскапываніи улипы, близъ этого мѣста найдено было около тысячи малыхъ квадратиковъ разноцвѣтнаго смальту изъ разбитой мозаиковой иконы. Должно быть, церковь Янича монастыря была ими украшена, на это соображеніе наводитъ разсказъ жильцовъ этой усадьбы, которые мнѣ говорили, что погреба этого дома устроены межъ фундаментами древней кладки. По разсказамъ князя, археологъ Звенигородскій дѣлалъ въ 1881 г., пробныя раскопки во дворѣ этой усадьбы и нашелъ, около дровяного сарая,—древней кладки полукруглый фундаментъ, съ нѣсколькими наружными выступами, какъ бы алтарной абсиды; съ этого фундамента вынута была одна шиферная плита, положенная теперь подъ водопроводную трубу, и найдено было шесть костяковъ, черепа которыхъ садовникъ зарылъ въ саду и фундаментъ не разбирали, а вновь засыпали землей. Въ 1869 г. возлѣ коровника найдена была прямоугольная продолговатая шиферная плита, на которой высѣченъ былъ греческій крестъ. Плита эта подарена была княземъ М. В. Юзефовичу. Въ 1879 г., около сѣвернаго угла дома на улицѣ существовалъ бугоръ, похожій на часть вала. Раскопалъ этотъ бугоръ Т. Кибальчичъ, который нашелъ тамъ костяную крупную привѣску подъ узду лошади, сдѣланную въ видѣ двойной новой луны, одна подъ другой, соединенныхъ поперекъ столбикомъ съ ушкомъ для продѣванія шнурка въ верхнемъ концѣ ея; тамъ же найдены наконечники стрѣлъ, пикъ и друг. предметы, которые г. Кибальчичъ забралъ въ свою пользу.

Познакомивъ читателя въ краткихъ словахъ съ главными историческими происшествіями, рѣшавшими судьбу этого мѣста и сдѣлавъ краткій очеркъ произведенныхъ до меня на томъ мѣстѣ изысканій, я долженъ объяснить, что о прошломъ времени града я почерпнулъ свѣдѣнія изъ лѣтописныхъ преданій, т. е. сухого хронологическаго перечисленія разныхъ событій, совершавшихся на этомъ мѣстѣ, но жизнь людей, тамъ проживавшихъ, ихъ домашнюю обстановку и обычаи, ихъ радость и горе я узналъ только теперь, слѣдя, какъ въ панорамѣ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ за постоянно новыми картинами бытовой обстановки, которую мнѣ открывали нѣдра земли. Предо мной раскрывались постепенно страницы исторіи жившихъ тамъ людей и языческаго времени, съ ихъ жертвоприношеніями; увидѣлъ я обстановку перваго поселенца на горѣ, въ его землянкѣ и очагѣ, и роскошную обстановку Великокняжескаго двора, и всѣ ужасы поруба, или Княжей тюрьмы и поголовную рѣзню монголовъ, ихъ дикое кощунство и всеобъемлющее истребленіе, а послѣ того погрома всѣ великія страницы былого померкли, исчезли, канули въ вѣчность забвенія и появились картины будничной жизни и бытовой обстановкп Драбовъ Литовскаго войска въ польскомъ замкѣ, крѣпостные валы, казармы и провіантскіе магазины московскаго и новѣйшаго времени. Эти постепенно раскрывав-

шіяся нѣдра земли были для меня—знавшаго прошлое и опытнаго въ выводахъ изъ находокъ соображеній—живой исторической книгой. По какъ повѣсть написанную можно понять только хорошо прочитавши ее отъ начала до конца, такъ и раскопку на такомъ значительномъ пространствѣ могъ понять только тотъ, кто за ней слѣдилъ все время и кто ее производилъ, поэтому меня удивляла охота нѣкоторыхъ лицъ браться за описаніе этой раскопки на томъ только основаніи, что увидѣли найденныя тамъ вещи и посѣтили на нѣсколько минутъ раскопанное мѣсто. Этотъ писатель будетъ похожъ на человѣка, прочитавшаго эпилогъ повѣсти и судящаго о содержаніи всей повѣсти. Желаю имъ успѣха, но не желаю руководствоваться ихъ описаніемъ. Послѣ краткой лѣтописной исторіи этой мѣстности, я перечислилъ извѣстныя мнѣ, сдѣланныя прежде изслѣдованія близъ раскопаннаго теперь мѣста, и описалъ находки, добытыя тамъ; сдѣлалъ я это въ виду того, чтобы читатель могъ полнѣе ознакомиться съ бытовыми памятниками старѣйшаго Великокняжескаго періода, на этомъ пантеонѣ первыхъ кіевскихъ князей Рюрикова дома. Произведенныя раскопки: Лохвицкимъ, Звенигородскимъ, Анненковымъ, Ставровскимъ и Кибальчичемъ развалинъ, на площади Десятинной церкви, Вотчь и Янича монастырей въ той же мѣстности, или совсѣмъ не описаны, или такъ слабо описаны, что представляютъ изъ себя только сухой краткій перечень находокъ; между тѣмъ какъ та Великокняжеская эпоха настолько интересна и такъ мало извѣдана, что должна бы возбуждать болѣе интереса изслѣдователей, и пора имъ выйти изъ рамокъ лѣтописи на просторъ и захватить сколько можно больше данныхъ изъ археологическихъ изслѣдованій, а тогда, опираясь на лѣтописномъ фундаментѣ, можно будетъ имъ построить картину прошлаго, оживленную наглядными бытовыми памятниками того времени, добытыми изъ раскопокъ, уясняющихъ намъ смыслъ жизни древнихъ кіевлянъ, ихъ обычаи, вѣрованія, занятія и промышленныя производства; только тогда мы будемъ знать нашихъ древнихъ кіевлянъ и ихъ князей.

Дневникъ раскопки.

Съемка земли началась 6-го февраля съ Трехсвятительской улицы, и потому во всемъ моемъ описаніи, эта сторона будетъ для меня исходной и обозначеніе правой или лѣвой стороны и глубины разстояній буду всегда считать отъ фронта выстроеннаго дома съ Трехсвятительской улицы. Высокій четырехъ-аршинный досчатый заборъ подпиралъ насыпь усадьбы, возвышающейся надъ улицей на $4^1/_2$ арш., а къ углу усадьбы и больше того. Какъ оказалось впослѣдствіи, послѣ съемки большей части земли усадьбы, досчатый заборъ поддерживалъ крѣпостной валъ, которымъ былъ окруженъ древній градъ Кыевъ, или гора, какъ называли въ старину эту возвышенность. Валъ этотъ поворачивалъ отъ усадьбы князя Трубецкого къ сторонѣ Днѣпра, окружалъ надъ краемъ обрыва горы Трехсвятительскую церковь (гдѣ и теперь часть его сохранилась), поворачивалъ къ югу надъ Боричевымъ ввозомъ, до пересѣченія Владимирской улицы съ Житомирской, а дальше, окруживъ

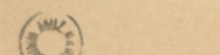
Десятинную церковь, выходилъ на Трехсвятительскую улицу. Въ этомъ древнѣйшемъ градѣ жили князья, приближенные къ нимъ люди и дружина. Здѣсь стоялъ главный идолъ Перунъ съ серебряной головой и золотыми усами, а по низверженіи его главныя церкви: Св. Василія (Трехсвятительская), Пресвятыя Богородицы (Десятинная), Св. Андрея и при ней женскій монастырь Яничь и Св. Ѳеодора, а при ней мужской монастырь Вотчь. Ярославъ I, построивъ Св. Софію и Золотыя ворота, раздвинулъ границы города, а до него первые князья, жившіе въ старомъ градѣ, постарались его сильно укрѣпить, въ чемъ мы и убѣдились при теперешней раскопкѣ. Какія укрѣпленія были въ другихъ мѣстахъ этой крѣпости—судить трудно, потому что всѣ эти укрѣпленія срыты до основанія. Оставшійся кусочекъ вала за Трехсвятительской церковью на краю обрыва такъ разрушенъ и такъ сползаетъ ежегодно, что въ нѣсколько лѣтъ и слѣда его не останется. Оказавшійся при Трехсвятительской улицѣ крѣпостной валъ двойной съ двойнымъ рвомъ, былъ въ давнее время засыпанъ и выровнянъ, надо предполагать послѣ 1321 г., когда Гедиминъ или Ольгердъ строили въ новомъ мѣстѣ крѣпость. Рвы, засыпанные мусорной землей, смѣшанной съ щебнемъ разрушенныхъ монголами построекъ, такъ отчетливо отличались отъ материка укрѣпленій, что не представлялось затрудненія измѣрить и срисовать ихъ контуры. Для нагляднаго уразумѣнія этого описанія я здѣсь привожу чертежъ разрѣза укрѣпленія, какой оказался послѣ съемки земли (Рис. № 18, табл. № V).

Контуры рвовъ и валовъ обозначались цвѣтомъ желтой глины материка, изъ котораго они были построены. Въ періодъ послѣ рѣзни монголовъ Кіевъ превратился въ пустыню и въ продолженіе десяти лѣтъ по немъ бродили только волки, въ это время валы, никѣмъ не оберегаемые, осыпались, осунувшаяся земля засыпала рвы полукругомъ такъ, что рвы получили вогнутую форму, земля съ валовъ была безъ мусору и этотъ полукругъ заросъ травою и слѣды густой проросли были видны и теперь. Въ Литовскій періодъ все это пространство выравнено и рвы засыпаны мусорной землей, которая ясно отличается отъ чистаго материка осунувшейся земли по обилію кирпичнаго щебня. Въ это время планировки, вѣроятно, верхи валовъ были срыты, потому что высота внутренняго вала осталась только въ три аршина, при ширинѣ у основанія около дна рвовъ 6 арш., высота же наружнаго вала при улицѣ осталась 4 арш. 2 верш., при ширинѣ его сверху $3^1/_2$ арш., а у основанія 5 арш. Этотъ послѣдній наружный валъ былъ, вѣроятно, возобновленъ послѣ присоединенія Кіева къ Московскому государству, а внутренній валъ оставался засыпаннымъ, потому что понятія фортификаціи при огнестрѣльномъ оружіи измѣнили систему укрѣпленій. Въ Великокняжескій періодъ, при рукопашной защитѣ два вала, два рва и острогъ съ частокола представляли врагу многочисленныя преграды для доступа, когда всѣ эти преграды надо было перелѣзть, чтобы мечемъ или топоромъ поразить осажденныхъ. При огнестрѣльномъ оружіи такія преграды не спасали, потому что пули и ядра перелетали черезъ нихъ и поражали осажденныхъ. Сила огня рѣшала бой и валъ былъ прикрытіемъ, ограждая осажденныхъ отъ нечаянныхъ нападеній. Въ первомъ планѣ своемъ я нарисовалъ разрѣзъ укрѣп-

ленія, какимъ онъ теперь оказался, на второмъ же планѣ я представилъ валы, возстановленные при тѣхъ же размѣрахъ нижней части, которую время не измѣнило (рис. № 19, табл. № V).

При снятіи перваго вала никакихъ особенностей и находокъ не было замѣчено; въ лѣвой сторонѣ встрѣченъ былъ поперечный ровъ, наполненный прогнившимъ навозомъ, съ остатками битаго стекла и сгнившаго дерева; какъ оказалось по распросамъ старожиловъ, на этомъ мѣстѣ были парники, но когда снято было отъ улицы четыре аршина земли, то показался, на трехъ съ половиной аршинной глубинѣ, сплошной пластъ въ аршинъ толщины костей человѣческихъ въ нѣсколько тысячъ скелетовъ, въ особенности много ихъ было на срединѣ къ правой сторонѣ. (рис. № 2, табл. 1, буква а). Къ лѣвой также много было скелетовъ, но слой костей былъ тоньше, не столь густо онѣ были здѣсь свалены. Во время раскопки трудно было сообразить, какая могла быть причина такого нагроможденія костей человѣческихъ, потому что никто не могъ знать того, что мы раскапывали валъ и ровъ укрѣпленій, которыя обнаружились гораздо позже. Эта масса костей лежала подъ землей, смѣшанной съ коричневой пылью сгнившаго дерева, при нихъ находилось много черепковъ глиняной посуды; другихъ предметовъ, какъ то: слѣдовъ одежды, оружія, крестиковъ—ничего не было. Совсѣмъ къ правой сторонѣ я различилъ скелетъ взрослаго человѣка, а на немъ другой скелетъ подростка, скорченныхъ, лежащихъ голова на головѣ, возлѣ нихъ черный глиняный горшокъ, въ срединѣ муравленый въ зеленый цвѣтъ, наполненъ онъ былъ какъ бы пшенною кашею. Комья истлѣвшей каши обратились въ сѣрую пыль, но середина зеренъ пшена, покрытая сѣрою пылью, сохранила черное ядро, величиною въ маковое зерно. Около упомянутыхъ двухъ прежнихъ лежало нѣсколько скелетовъ другихъ, а при нихъ стояли глечики для воды. Толстые брусья дерева, покрывавшіе ихъ, представляли видъ завалившагося погреба. (Планъ раскопки буква б). Теперь, по окончаніи съемки, могу сдѣлать тотъ выводъ, что въ этомъ валу было нѣсколько погребовъ для осужденныхъ, а та сплошная масса костей, находившаяся по линіи рва на 20 арш. пространствѣ, оказалась потому, что монголы, избивъ Кіевлянъ въ послѣдній часъ борьбы и содравъ съ нихъ одежду и все, что они при себѣ имѣли, снесли тѣла ихъ въ этотъ ровъ и присыпали ихъ землей. Какъ видно изъ плана, величиной точной, не измѣнившейся въ продолженіе минувшихъ вѣковъ, осталась только ширина дна обоихъ рвовъ по 11$^1/_2$ арш. Во всѣхъ четырехъ углахъ на днѣ обоихъ рвовъ лежали сгнившіе дубовые брусья неизвѣстнаго назначенія, можно догадываться, что бока рвовъ были обложены досками, прикрѣпленными къ этимъ брусьямъ. Обшивка эта не допускала осыпку земли крутой стѣнки вала, а во-вторыхъ, затрудняла вылазку на валъ изъ рвовъ. Въ земляныя насыпи, обложенныя дерномъ въ древности, мы знаемъ многіе примѣры, что непріятель при штурмѣ вбивалъ стрѣлы и копья въ откосы земляные и по нимъ взлѣзалъ на валъ. Въ 1166 г. на Поморьи Балтійскомъ, во время осады Вольдемаромъ Датскимъ крѣпости Арконы, штурмовавшіе солдаты вбивали тяжелыя стрѣлы въ дернъ, покрывавшій валъ, и по нимъ, какъ по ступенямъ лѣстницы, взлѣзали на верхъ (Saxo Grammaticus Historia Daniae LXIV, str. 317).

Насколько легко было заткнуть стрѣлы и копья въ дернъ, настолько трудно было углубить ихъ въ деревянную обшивку. По вершинѣ вала шелъ острогъ съ частокола, верхніе концы котораго были заострены. За частоколомъ становились стрѣлки, мечущіе изъ луковъ стрѣлы. На это мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ: Ипатьевской подъ 1097 г. и у Соловьева, стр. 67, томъ II Истор. Рос. Когда Мстиславъ Святополковичъ, защищая замокъ Владиміръ-Волынскій противъ Давыда Игорьевича, стоялъ на валу и изъ-за частокола прицѣливался, чтобы выпустить стрѣлу изъ лука, то былъ въ тотъ мигъ пораженъ непріятельской стрѣлою подъ пазуху, которая пролетѣла межъ досокъ загороди и убила его. Двойной валъ и двойной ровъ не впервые случается намъ видѣть въ древнихъ укрѣпленіяхъ Кіева; указанія на двойные и тройные рвы, которыми окружены были въ древности остроги, мы находимъ у Violet le duc Dict. de l'arch. и у Mar. Sokolovski Ruiny Legnicy. Str. 237. Въ укрѣпленіяхъ Кіевской горы, со стороны обрыва къ Днѣпру и Почайнѣ, какъ сторонѣ, менѣе всего подверженной нападенію непріятеля, находился во рву порубъ, или княжеская тюрьма, состоящая изъ низкихъ коморокъ, устроенныхъ въ наружномъ валѣ, на уровнѣ дна рва укрѣпленія изъ бревенъ, сложенныхъ въ срубъ, гдѣ князья заключали провинившихся. Тамъ мы нашли скелеты взрослаго и отрока, лежащихъ рядомъ, а при нихъ горшокъ съ пшенной кашей и глечикъ для питья воды, подобные же скелеты были и въ другихъ отдѣленіяхъ поруба. Въ лѣтописяхъ находимъ прямое сему свидѣтельство подъ 1067 г. Въ Ипатьевской лѣтописи сказано, что Ярославичи, обманувъ Всеслава «и яша его со двомя сынами и всадиша въ порубъ въ Кыевѣ». Въ 1068 г. находимъ, что Кіевляне, недовольные Изяславомъ, пошли на Княжій дворъ, и раздѣлившись на двое, «и едины нападоша на дворъ княжій, друзіи же, отворивши порубъ, изведоша Всеслава и ведоша на дворъ княжій». Но кромѣ поруба, бывшаго близъ Княжа двора, была въ Софійскомъ отдѣленіи со временъ Ярослава, увеличившаго границы города, еще и другая городская темница порубъ, или погреба, которая имѣла особое названіе «Пересѣченская». Подъ 1161 г. Ростиславъ, недовольный Новгородцами, велѣлъ изловить жившихъ въ Кіевѣ «и повелѣ изоймати Новгородцы и уметати ѣ у Пересѣченскый погребъ и въ одину ночь умре ихъ 14 мужи; и повѣдаша Ростиславу, оже задъхлися въ погребѣ и печаленъ бысть». (Ипатьевская, 88 стр.). Въ эти первые дни съемки, по 14 февраля, снято было восьми-аршинное пространство земли отъ улицы; черепа рѣдко вынимались цѣлыми, но много при такомъ количествѣ скелетовъ я промѣрилъ, наскоро обводя по окружностямъ тесемкой съ метрическимъ дѣленіемъ, по надбровнымъ дугамъ и затылку и получалъ окружность отъ 48—52 см.; не собиралъ я череповъ изъ этой кучи, намѣреваясь брать тѣ черепа, которыхъ погребенія въ обособленныхъ могилахъ, съ признаками похоронными, будутъ меня больше занимать. Всѣ черепа, видѣнные мною, въ большинствѣ были короткоголовые (брахицефалы и мезоцефалы), лобъ низкій, менѣе вершка отъ надбровныхъ дугъ, но правильно поднятый, и округленное чело. Сильно уходящей назадъ лобной области, какъ въ черепахъ скифовъ и сарматовъ—не замѣтилъ. Оставленная на восьмомъ аршинѣ, по срединѣ, земляная тумба, промѣренная мною, показала глубину съемки въ этомъ мѣстѣ 3 арш. 10 вершк.

Когда начиналась раскопка рва, то съ этого времени находили много кусковъ старинной кафли, цѣнинныхъ и цементныхъ плитокъ, а иногда и цѣлые кирпичи разныхъ періодовъ, куски плитокъ смальта, лѣпнаго орнамента, монеты, которыя я часто отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ. Здѣсь же, не желая обременять читателя частыми повтореніями, я выпущу всѣ эти находки и представлю ихъ вниманію читателя послѣ, въ особомъ изложеніи, дополненномъ рисунками и размѣрами, а теперь буду описывать предметы и могилы, болѣе характерные въ этой раскопкѣ. Чѣмъ дальше подвигалась съемка вглубь усадьбы, тѣмъ чаще мы встрѣчали изолированныя могилы съ признаками погребенія, особенно много могилъ находилось въ лѣвой сторонѣ усадьбы. На восьмомъ арш. съемки, въ могилѣ близъ тумбы, рабочій, при спѣшной копкѣ, нашелъ серебряный ободокъ отъ серьги, такой же формы, какая была описана подъ № рис. 5, табл. IV, по распросамъ можно догадаться, что онъ разбилъ ее лопатой и выбросилъ середку серьги въ ящикъ съ землей, ободокъ нашелъ послѣ, подскребая мелкую землю. Недалеко отъ этого же мѣста, 16-го февраля на днѣ показалась стѣнка, частью разрушенная, а частью не разбитая, такъ что для вывозки пришлось разбивать ломами куски ея. Она посрединѣ возвышалась на аршинъ, кладки старинной, кирпичъ лежалъ на кускахъ краснаго шифера, спайка древняя, известка разведена не съ пескомъ, а съ толченымъ кирпичемъ, въ длину стѣна протянулась на три аршина по направленію съ востока на юго-западъ. (На планѣ съемки буква в).

17-го числа, когда оканчивали разбирать стѣнку, то съ правой ея стороны на 3½-аршинной глубинѣ отъ поверхности земли, рабочіе нашли ребромъ торчащее круглое мѣдное блюдо, дно его ровное, 18 см. ширины, край поднятъ вверхъ отлого на 5 см. высоты и загнутъ наружу; діаметромъ въ верхнемъ растворѣ 27 см. (Рис. № 20, табл. № VI). Какъ дно, такъ и бокъ съ одной стороны изогнуты немного и въ нѣсколькихъ мѣстахъ ржавчиной проѣдены дырочки. Общей формой своей это блюдо похоже на теперешнюю подставку подъ большіе горшки съ цвѣтами; покрыто оно было густой зеленой мѣдной и бурой желѣзной окисью и глинянымъ осадкомъ такъ плотно, что и послѣ отмыванія въ теплой водѣ поверхность его была закрыта толстой патиною, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показались штрихи гравировки. Когда объ этой находкѣ узналъ профессоръ Праховъ, то пріѣхалъ ко мнѣ и любезно предложилъ свою помощь для отмучиванія этого блюда и обнаруженія рисунка. Какъ опытный археологъ, онъ тутъ же устроилъ химическую ванну изъ сѣрной кислоты, разведенной значительнымъ количествомъ теплой воды, и въ этой ваннѣ въ продолженіи трехъ часовъ полоскалъ блюдо, избѣгая тренія губкой, или щеткой. Какъ только ванна отъ глины и мѣдной патины загрязнялась, сейчасъ устраивали мы свѣжую ванну, въ перемежку съ сѣрными два раза устраивали мы содовую ванну и довели этими полосканіями блюдо до такого очищенія, что всѣ рисунки выяснились, остались пятна желѣзной и мѣдной окиси, но дальнѣйшія полосканія были опасны, чтобы сѣрная кислота не съѣла мѣди и рисунка. На срединѣ дна, какъ значится на прилагаемомъ рисункѣ, изображенъ рѣзцомъ херувимъ силъ небесныхъ въ профиль, съ приподнятыми немного крыльями, голова повернута

вправо, на нее надѣтъ шлемъ, а сзади головы висятъ изъ-подъ шлема завитки кудрей. По борту, поднимающемуся съ внутренней стороны блюда, изображены въ равныхъ разстояніяхъ четыре такой же величины и рисунка херувима, обернутыхъ лицомъ поперемѣнно, то въ правую, то въ лѣвую сторону; на промежуткахъ между ними сдѣланъ линейный орнаментъ, состоящій изъ лучей сіянія, расходящихся отъ дна къ верху, эти лучи отъ изгиба дна проведены густыми штрихами до середины подъема борта блюда, до черты, проведенной поперекъ штриховъ; отъ этой же черты расходятся четыре пучка сіяній, по три штриха въ каждомъ пучкѣ, и оканчиваются у края поперечной чертой. Архаическое изображеніе херувимовъ, по понятіямъ первобытной иконографіи, даетъ намъ право считать это блюдо древнѣйшимъ памятникомъ христіанства и церковныхъ обрядовъ, совершавшихся во время язычества въ Кіевѣ. Во время гоненія на христіанъ, блюдо это съ христіанскими изображеніями было зарыто близъ стѣны дома, какъ вещественное доказательство. Въ домѣ этомъ, вѣроятно, собирались вѣрующіе для тайныхъ богослуженій и, по обычаю первыхъ христіанъ, участникамъ богослуженія раздавали на немъ артосъ, то-есть куски освященнаго хлѣба. Первые христіане, собираясь для молитвъ, приносили прѣсный хлѣбъ и другіе дары. По освященіи во время таинства Евхаристіи принесеннаго хлѣба, изъ котораго вынимались частицы, хлѣбъ этотъ, по нашему просфора, разрѣзывался на куски и на блюдѣ раздавали его участвовавшимъ въ принесеніи даровъ и молитвы, какъ возвратные дары, называемые съ греческаго до нашего времени—антидоръ. Еще этотъ обычай въ церквахъ удерживался въ Кіевской землѣ до конца прошлаго столѣтія, что видно изъ описанія Нарушевича,—двухмѣсячнаго пребыванія короля польскаго Станислава-Августа въ 1785 г. въ Каневѣ, по случаю проѣзда Императрицы Екатерины II въ Крымъ. Король этотъ каждый воскресный и праздничный день ходилъ поочередно слушать обѣдню въ одну изъ трехъ перквей Канева и принималъ, наравнѣ со всѣми молящимися поселянами, раздаваемый въ концѣ богослуженія антидоръ, который они всѣ здѣсь же, не выходя изъ церкви, кушали, унося только для больныхъ частицы.

Невдалекѣ отъ стѣнки фундамента или, правильнѣе сказать, подмуровки подъ деревянную стѣну зданія найдено было еще нѣсколько предметовъ домашняго обихода древнихъ жильцовъ этого дома. Ножъ и вилка, оправленные въ ручки слоновой кости (Рис. № 21, табл. № VII). Ножикъ въ гладкой оправѣ, ручка его выточена изъ куска слоновой кости, желѣзко кверху уже и загнуто къ острію. Вилка состоитъ изъ двухъ зубцовъ, съѣденныхъ въ большей половинѣ ржавчиной, ручка изъ слоновой кости, украшена въ длину четырьмя рельефными поясками, длина ручки вилки $100^{м}/_{м}$, а толщина $20^{м}/_{м}$. Длина ручки ножа $68^{м}/_{м}$, а толщина $17^{м}/_{м}$. Обѣ ручки къ оправѣ желѣзка съуживаются немного, какъ видно на рисункахъ. Здѣсь же найдено было и веретено слоновой кости точеное, длиною $140^{м}/_{м}$, концы его немного попорчены, формы, какъ видно на рисункѣ № 23, табл. № IV, обыкновенныхъ веретенъ, употребляемыхъ пряхами; въ нижнемъ концѣ веретена надъ конусомъ, оставлено малое пространство не округленнымъ, а квадратной формы; на это мѣсто надѣвалась краснаго шифера, или иного камня пряслица, которая на квадрат-

номъ гнѣздѣ сидѣла плотно и не могла вращаться иначе, какъ вмѣстѣ съ веретеномъ. Здѣсь же найдена желѣзная трехножная подставка (рис. № 24, табл. № VIII) со столбикомъ и вилами для помѣщенія лучинъ, которыми освѣщали людскую избу. Треножка сохранилась хорошо, верхъ же такъ проржавѣлъ, что искрошился при перевозкѣ, и мой рисунокъ изображаетъ подставку въ томъ видѣ, въ какомъ я ее видѣлъ въ моментъ находки. Найденные тамъ же куски битой стеклянной посуды имѣютъ многіе признаки тѣ же, какіе находили въ стеклѣ развалинъ Херсонеса Таврическаго. Общее свойство найденнаго въ обоихъ мѣстахъ стекла это—сильная ирризація, неподражаемая обыкновенными красками игра цвѣтовъ радуги: нѣжно голубые тоны, переходящіе мѣстами въ багрянистый, желтый, зеленый и другіе цвѣта. Такую игру пріобрѣтаетъ стекло, пролежавшее въ землѣ многіе вѣка. Стеклянный сплавъ свѣтло-прозрачный, какъ въ теперешнихъ оконныхъ стеклахъ съ малымъ зеленымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ. Характерная особенность кіевскаго стекла, что донышка бутылокъ или круглыхъ флаконовъ узорчатыя, какъ видно на рисункахъ табл. IX. Цѣлыхъ сосудовъ этихъ не сохранилось, они были очень тонкаго стекла, донышка же, какъ болѣе плотныя, сохранились отъ многихъ флаконовъ въ цѣлости, они разныхъ діаметровъ: отъ 30 до 75 м/м. Самые малые донышка похожи на донышка флаконовъ для благовоній, находимыхъ въ Сарматскихъ гробницахъ, называемыхъ обыкновенно слезницами. Широкія же донышка остались отъ стакановъ и бутылокъ съ благовоніями, или косметическими предметами. Тоже найдена половинка расколотаго на-двое отъ верху до дна стаканчика, поверхность котораго гладка; формой своей онъ такъ похожъ на современный, что еслибы не былъ покрытъ толстымъ слоемъ серебристой окиси, то я бы затруднялся о немъ здѣсь упоминать, рис. № 25; какъ видно на табл. IX, одинъ флаконъ съ длинной ручкой, идущей отъ донышка до шейки, рис. № 26, украшенъ былъ по окружности накладнымъ завиткомъ, спирально обвивающимъ сосудъ отъ донышка до верхняго прикрѣпленія ручки. Этотъ сосудъ сдѣланъ изъ стекла свѣтло-коричневаго цвѣта, равно какъ и слезница (рис № 27, табл. IX), шарообразной формы, кувшинчикъ же, рис. № 28, и кубокъ, рис. № 29, сдѣланы изъ прозрачнаго зеленоватаго стекла, а слезницы рис. №№ 30 и 31, изъ стекла желтоватаго. Круглый дискосъ стеклянной, въ изломѣ цвѣта нѣжно-голубого, по верху стекло покрылось густой серебристой окисью. Гдѣ слой этой окиси отпалъ, то подъ нимъ показались радужные тоны цвѣта голубого съ багрянистымъ отливомъ. На всемъ дискосѣ идетъ рядъ концентрическихъ круговъ, какъ видно на рис. № 32, табл. X. Дискосъ этотъ по однородности стекла и его ирризапіи со стеклами Херсонеса былъ вѣроятно привезенъ оттуда для покрыванія чаши съ дарами. Откуда привезены представленные здѣсь сосуды, достовѣрно неизвѣстно; но, судя по составу стекла, можно предполагать, что слезницы привезены изъ Греціи, остальные предметы и въ томъ числѣ всѣ стеклянные браслеты, изображенные на табл. № X, я отношу къ предметамъ производства Древлянъ Волынской губ., Овручскаго уѣзда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я нашелъ тамъ, въ окрестности с. Збранки, слѣды стекляннаго производства и большой комъ наполовину сплавленныхъ кусковъ битыхъ стеклянныхъ браслетъ, разноцвѣтныхъ и раз-

ныхъ узоровъ, большей частью витыхъ, какъ видно на рисункахъ. Было время при первыхъ князьяхъ, какъ свидѣтельствуютъ могилы, что всѣ женщины украшали свои руки рядами этихъ браслетъ, которые ломались безпрестанно. Этотъ ломъ собирали и обмѣнивали на новые браслеты, а Овручскіе Древляне плавили это стекло, окрашенное дорогими цвѣтами, и опять изъ него дѣлали браслеты и продавали. Выдѣлка этихъ браслетъ чрезвычайно сложна, она была труднѣе и производилась искуснѣе, нежели издѣлія современной фабрики въ Венеціи, пользующейся такой громкой извѣстностью. Присмотримся къ рисункамъ № 33—гладкій браслетъ чернаго цвѣта, середина плоская; рис. № 34—браслетъ прозрачнаго лимоннаго стекла, обвитъ шнуркомъ желтаго не прозрачнаго стекла; рис. № 35 – витой фіолетовый, рис. № 36—витой пурпурный; рис. № 37—браслетъ обвитъ пятью темнозелеными, а шестымъ желтымъ стеклянными шнурками; рис. № 38—середина красная, а по ней навиты желтый, зеленый, красный, синій и пурпурнаго цвѣта стеклянные шнурки и т. д. Громадное разнообразіе въ цвѣтахъ стекла и провильность обдѣлки заставляютъ насъ причислить Древлянъ къ искуснымъ мастерамъ стекляннаго производства. Въ моихъ археологическихъ раскопкахъ довелось мнѣ два раза раскапывать плошади, на которыхъ безъ сомнѣнія жили Кіевскіе Великіе князья и на обѣихъ площадяхъ находилъ я множество стеклянныхъ браслетъ, поэтому я положительно убѣжденъ, что какъ жены, такъ и дѣвушки и прислужницы Кіевскихъ князей носили много этихъ браслетъ, которые выдѣлывали Овручскіе Древляне. Еще предки Овручскихъ древлянъ, подъ какими бы названіями въ исторіи они намъ не извѣстны были,—подъ названіемъ ли Скифовъ, или Сарматовъ,—выдѣлывали художественно разные предметы изъ камня, глины, желѣза и снабжали этими издѣліями весь нашъ край и Кіевскій Княжъ дворъ. Около с. Папирни въ каменный вѣкъ надъ р. Норынь, найдена была Ставровскимъ мастерская, гдѣ во множествѣ осколковъ найдено много дротиковъ, наконечниковъ стрѣлъ. Около деревни Швабы выдѣлывали каменные долота, дротики, шила, иглы, наконечники стрѣлъ; близъ с. Полоннаго выдѣлывали рѣдкой величины кремневые ножи, топоры, пилы, скребки. Въ этой же мѣстности выдѣлывались всевозможныя пряслицы рис. №№ 41, 42 и 43, табл. X и бусы рис. №№ 44 и 48, какъ изъ краснаго, такъ и бѣло-розоваго шифернаго камня и янтаря, а также топоры, копья и наконечники стрѣлъ желѣзные для кіевской дружины, вотивные горшечки съ орнаментомъ (рис. № 49, табл. X), найденные въ могилѣ при с. Васьковицахъ. У меня имѣется коллекція вотивныхъ желѣзныхъ топориковъ, собранная изъ могильника у с. Барды, представляющая выдающійся интересъ по размѣрамъ и формамъ, изъ которыхъ мы можемъ судить объ искусствѣ Древлянъ. Всѣ такіе предметы, найденные на Кіевской горѣ, привезены были Древлянами въ Кіевъ. Какъ кусокъ подмуровки, такъ и предметы, здѣсь перечисленные, сохранились отъ того, что на этомъ мѣстѣ былъ насыпанъ второй валъ укрѣпленія (См. рис. раск.). Землею, добываемою изъ рвовъ, прикрыты были остатки древнѣйшаго жилья, которое я отношу ко временамъ Св Ольги. При наслѣдникахъ ея, вѣрнѣе всего при Владимірѣ I, строителѣ древней горы, который украсилъ ее первыми христіанскими храмами Св. Василія и Пресв. Богородицы, богатство коихъ возбуждало жадный

аппетитъ сосѣднихъ кочевыхъ Печенѣговъ, понадобилось сильнѣе укрѣпить гору и, вѣроятно, Владиміръ внутри града вырылъ второй ровъ и усыпалъ второй валъ, чтобы вѣрнѣе обезопасить себя и свои сокровища отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей, вырыть же второй ровъ и насыпать второй валъ съ наружной стороны укрѣпленій онъ не могъ потому, что обрывъ горы и оврагъ Житомірской улицы этого не допускали. Сынъ его Ярославъ, какъ мы знаемъ, устраивалъ Софійскую часть города и въ этомъ направленіи расширялъ укрѣпленія, которыми, какъ передовыми, обезопасилъ лучше и древнѣйшую гору, которую съ того времени начали называть Дѣтинецъ, въ смыслѣ гнѣзда, отъ котораго началъ разростаться Кіевъ.

18-го числа, въ лѣвой сторонѣ, на аршинной глубинѣ отъ поверхности по плану раскопки буква г, найдена была большая связка, въ нѣсколько сотъ штукъ, кожаныхъ ноженъ отъ прямыхъ мечей. Со всѣхъ ноженъ оковка была снята, на двухъ ножнахъ найдены были только наконечники гладкіе жестяные, одинъ—желтой мѣди, другой желѣзный. По прямизнѣ и длинѣ ноженъ можно ихъ причислить ко времени Полтавской битвы; можетъ быть, произошла перемѣна вооруженія въ Петровское время, и интендантство Кіевской крѣпости, тамъ находившееся, какъ предметъ, вышедшій изъ употребленія и никуда негодный и не находящій покупателя, велѣло зарыть ихъ въ землю, снявъ предварительно металлическія части. Эту находку я считалъ безъ всякаго значенія и не оставлялъ у себя потому, что достаточно о ней упомянуть въ описаніи. Въ этотъ же день раскопаны были три могилы со скелетами, похороненными въ досчатыхъ гробахъ, сбитыхъ желѣзными гвоздями, гробы обратились въ пыль, равно и кости были трухлы.

19-го числа, недалеко отъ мѣста съ ножнами, вправо, на другой день найденъ былъ на $3^1/_2$-аршинной глубинѣ желѣзный топоръ, какимъ во времена Олега и Ярополка I вооружены были Кіевскія дружины. Этотъ боевой топоръ имѣетъ такіе характерные признаки, что знатоку его можно узнать между топорами, приготовляемыми для хозяйственныхъ работъ. Узкій обухъ соединяется квадратной шейкой съ остріемъ топора, сравнительно съ узостью обуха очень длиннымъ, да кромѣ того, остріе въ немъ дугообразно закругляется къ топорищу, какъ показываетъ рис. № 51, табл. XI. Изъ раскопокъ моихъ Замковища Родни, гдѣ защищался въ 980 г. Ярополкъ, осаждаемый Владиміромъ Святославичемъ, видно: что дружина Ярополка была вооружена такими же топорами, тяжелыми копьями и луками, которые я тамъ понаходилъ (См. въ каталогѣ музея, раскопки Родни). Топоръ этотъ былъ первообразомъ позднѣйшихъ Кіевскихъ алебардъ, которыми въ Литовскій періодъ были вооружены драбы кіевскаго магистрата (См. въ музеѣ алебарды кіевскія, найденныя въ Днѣпрѣ). По имѣющемуся въ музеѣ бердышу временъ Іоанна Грознаго видно, что удлинено было остріе топора Кіевскихъ дружинъ въ обѣ стороны и создалось новое тяжелое оружіе, которое послѣ изобрѣтенія пороха и вооруженія пѣхоты мушкетами было оставлено только для дворцовой и городской стражи. Этого же дня раскопаны были четыре могилы съ истлѣвшими гробами и костями, одинъ черепъ сохранившійся имѣлъ 50 см. окружности; предметовъ въ могилахъ, кромѣ про-

ржавленныхъ гвоздей, никакихъ, положеніе скелетовъ по странамъ свѣта разнообразное, чаще головы лежатъ къ юго-востоку.

20-го числа. На глубинѣ двухъ аршинъ найдена мѣдная золоченая бляха, длиною 67м/м, шириною 53м/м, басменной работы, на которой штампомъ выбито акантусовое украшеніе съ висящими гроздьями винограда. По формѣ этого куска можно догадываться, что этой бляхой обита была рама дверей Царскихъ вратъ (рис. № 52, табл. VII). Между пятью могилами, раскопанными сегодня, а также въ прежніе и послѣдующіе дни, попадались нѣкоторыя съ неопредѣленнымъ характеромъ погребенія, о которыхъ по отсутствію всякихъ предметовъ, за исключеніемъ малыхъ горшечковъ, опредѣленнаго ничего сказать нельзя. Характернымъ признакомъ языческихъ погребеній на этомъ пространствѣ были клыки дикихъ кабановъ. Кромѣ забранныхъ владѣльцами усадебъ, въ моемъ собраніи находится 14 штукъ цѣльныхъ клыковъ (рис. № 53, табл. XII), два куска отпиленныхъ медвѣжьихъ (рис. №№ 54 и 56) и одинъ клыкъ розовый съ бороздами по длинѣ, неизвѣстнаго животнаго, скорѣе всего барса (рис. № 55, табл. XII). Должно быть жившіе здѣсь Поляне-язычники, хороня своихъ покойниковъ, считали безусловно необходимымъ снабдить его клыкомъ дикаго кабана, а по неимѣнію цѣлаго, клали хоть кусокъ. Въ могилахъ Полянъ, какъ я, такъ и другіе археологи, не разъ находили клыки медвѣдя, волка, и дикаго кабана. Этотъ обычай, какъ видно изъ археологическихъ изслѣдованій, существовалъ и у многихъ другихъ славянскихъ племенъ. Въ запискахъ Познанской археологической комиссіи, т. I съ 1890 г, на стр. 36, въ описаніи раскопки каменной могилы Дольмена, въ головѣ вала, проходящаго возлѣ урочища Жешинки, близъ рѣки Гоплы въ Познанской области, при скелетѣ найдены два каменныхъ кремневыхъ клина, янтарная буса и большой клыкъ дикаго кабана Sus scrofaferr. Раскопка произведена и описана членомъ археологическаго общества докт. Влад. Лебинскимъ въ присутствіи гг. Амроговича и Жаковскаго. Поляне, выходя на сраженіе, привѣшивали клыкъ дикаго кабана, или медвѣдя на груди своей, или своей лошади, какъ амулетъ, оберегавшій его жизнь отъ вражеской стрѣлы. Славянское племя Полянъ, происходя отъ выходцевъ изъ Мидіи Сарматовъ, удержало въ IX столѣтіи, а отчасти и до нашихъ временъ многія повѣрья Арійскихъ народовъ. Носили они эти оберёги въ смыслѣ умилостивленія Аримана и его девовъ, создавшаго тьму и животныхъ, вредящихъ человѣку, въ томъ числѣ медвѣдя, волка, дикаго кабана и змѣя. Поляне, подобно Сарматамъ, снабжали покойника при погребеніи, какъ бы въ дальній путь: клали съ нимъ его оружіе и боевого коня (описаніе моихъ раскопокъ въ Гадомкѣ), ставили любимыя покойникомъ яства и питія и вѣрили, что при скитаніи усопшаго въ подземномъ царствѣ, во время длиннаго пути, все это, къ чему покойникъ привыкъ, что онъ любилъ, ему необходимо имѣть съ собою. Когда покойникъ прибудетъ къ мосту испытанія Чинаватѣ, то долженъ быть съ незапятнанной душой и имѣть признаки исполненія завѣта Ормузда, создавшаго міръ, царство свѣта, блага и полезныхъ животныхъ—вола, коня и пса, и повелѣвшаго бороться со зломъ и истреблять вредныхъ и нечистыхъ животныхъ. Дикій кабанъ, раздирающій человѣка и пса, олицетворяетъ нечистое и вредное животное, и клыкъ его

въ рукахъ покойника свидѣтельствуетъ исполненіе велѣній Создателя благъ міра— борьбы съ девами злаго и вредными животными, созданными ими. Такой смыслъ по моему этихъ вѣрованій народныхъ, хотя люди, не зная этого источника своихъ вѣрованій, исполняютъ ихъ, какъ обычай, унаслѣдованный отъ предковъ, толкуя его по своему разумѣнію, а чаще давая ему совершенно ложное значеніе, или вовсе не стараясь разъяснить себѣ значеніе обряда, дѣлаютъ то-же, что творили дѣды и отцы.

21-го февраля. Въ могилѣ съ лѣвой стороны по плану раскопки буква д, найдены были два скелета, лежащіе рядомъ, мужской и женскій, на постилкѣ изъ деревянныхъ досокъ, около нихъ большая терракотовая амфора съ орнаментомъ въ пояски и бороздки по окружности амфоры. На рукѣ женскаго скелета перстень коринфской мѣди, на квадратномъ щитикѣ котораго рѣзное изображеніе цвѣтка (Рис. № 57, табл. XIII). Черепъ мужской съ уходящей лобной областью и острымъ подбородкомъ, черепъ женскій малыхъ размѣровъ съ правильно округленнымъ, хотя и низкимъ челомъ. Тутъ найденъ костяной наконечникъ стрѣлки квадратной формы, съ противоположной острію стороны высверлено отверстіе для насадки на древко (Рис. № 58, табл. XII). Здѣсь же въ этой могилѣ найденъ стеклянный флаконъ типа, называемаго обыкновенно слезницею (Рис. № 30, табл. IX).

22-го февраля снѣгъ падалъ цѣлый день и очень мѣшалъ правильному наблюденію за раскопками. Въ лѣвой сторонѣ около тумбы на 4-хъ аршинной глубинѣ, нзмѣренной по высотѣ оставленной тумбы, найденъ былъ рабочимъ сѣрый кувшинчикъ типа похороннаго, весьма древняго; вмѣсто ушекъ на немъ сдѣланы съ двухъ сторонъ по толстому выступу, въ которыхъ проткнуты тонкія отверстія для продѣванія бичевки. Вѣроятно, такіе кувшинчики привѣшивались на веревочкѣ и служили для какого-то напитка, напр. для сытного меду; вмѣстимостью они не больше хорошаго стакана (Рис. № 59, табл. III). Рабочему удалось вырыть его не поврежденнымъ и онъ, обрадованный, прибѣжалъ ко мнѣ тотчасъ и принесъ кувшинчикъ, чтобы получить поощрительныхъ 30 копѣекъ за свое вниманіе. Въ это время я разговаривалъ съ сыномъ владѣльца усадьбы, но, догадавшись, что подъ кувшинчикомъ есть другіе предметы, побѣжали мы оба къ этому мѣсту и я велѣлъ раскапывать землю ниже уровня съемки. Могила шла, судя по направленію гнили досокъ,— съ востока на западъ. Кости истлѣвшія разсыпались при съемкѣ земли, въ головномъ мѣстѣ могилы найденъ былъ предметъ, интересный по своей древности, формой своей онъ представляетъ полъ-шара въ $14^1/_2$ см. діаметра, а высотой $67^{м}/_{м}$. раздѣленный отъ верхушки, какъ изъ центра, восемью расходящимися книзу поясами на восемь равныхъ частей (см. рис. № 60, табл. XIII). Сдѣланъ онъ изъ коринфской красновато-оранжевой мѣди, орнаментъ прорѣзной чередующихся крестовъ въ четырехъ перегородкахъ, а въ другихъ четырехъ частяхъ по медальону овальному, съ барельефными рѣзными изображеніями четырехъ евангелистовъ. Назначеніе этого предмета толкуется различно; скорѣе всего можно предположить, что это была крышка большого кадила. При дальнѣйшемъ углубленіи этой могилы подъ найденнымъ мѣднымъ предметомъ съ очень густой патиной найденъ былъ большой гребень

изъ слоновой кости, длина его 104 м/м, ширина 53 м/м (Рис. № 61, табл. VII). На одной сторонѣ гребень рѣдкій съ толстыми зубьями, а въ другой половинѣ гребень густой съ тонкими зубьями, нѣсколько зубьевъ отпало и весь гребень раскололся въ четырехъ мѣстахъ. Гребень съ обѣихъ сторонъ укрѣпленъ былъ сызнова продольными планками съ той же кости, ширина которыхъ 16 м/м. Обѣ планки насквозь просверчены вмѣстѣ съ гребнемъ 12 дырочками и скованы толстыми штифтами мѣдной проволоки. Насколько въ настоящее время, при машинномъ производствѣ, гребни изъ слоновой кости обыденны, настолько въ X стол., когда мастеръ принужденъ былъ ручнымъ инструментомъ вырѣзать каждый зубъ, такой гребень былъ цѣнный предметъ, употребляемый людьми со средствами. Подобные гребни съ того времени я видѣлъ только въ Мюнхенскомъ и Парижскомъ клюни-музеяхъ, да у насъ попадались древніе гребни въ сарматскихъ катакомбахъ. Въ этой же могилѣ, кромѣ кувшинчика, найдено было нѣсколько горшечковъ сѣрой глины, съ веревчатымъ орнаментомъ, муравленныхъ снаружи въ свѣтло-зеленый цвѣтъ; найдены также терракотовая амфора и янтарныя бусы. которыя были искрошены нѣсколькими накинувшимися на находку людьми. Эта могила была во многихъ отношеніяхъ изъ самыхъ интересныхъ, какъ по находкамъ, только что описаннымъ, такъ и по предметамъ, собраннымъ около нея послѣ; но изслѣдовать ее лучше не было никакой возможности: она проявилась въ тѣсномъ проѣздѣ, только что прокопанномъ для проѣзда грабарокъ, подбиравшихъ съ лѣвой стороны усадьбы землю; съ одной стороны проѣзда раскапывали и скидали землю, а съ другой торчала тумба. Остановить постоянный проѣздъ грабарокъ чрезъ это мѣсто хотя мнѣ и удавалось на нѣсколько минутъ, но вслѣдъ затѣмъ набѣгала лошадь, оглоблями толкала меня въ спину или сбивала осями и засыпала раскопанное мѣсто, а снѣгъ засыпалъ сверху; долго я возился при такихъ условіяхъ надъ этой могилой, но успѣлъ отыскать и подобрать еще нѣсколько цѣнныхъ находокъ. Здѣсь я нашелъ нѣсколько кусковъ мѣдной бляхи; бляха гладкая безъ орнамента, а отъ края бляхи отломившаяся скоба съ мѣднымъ крючкомъ, загнутымъ въ кольцо. Эта скоба выкована съ кольцомъ изъ одного куска толстой мѣди, въ нижней ея части она сдѣлана въ формѣ сердца, какъ поясняетъ рис. подъ № 62, табл. XIII; она приклепана была къ мѣдной гладкой бляхѣ тремя крѣпкими мѣдными же заклепками. По прямизнѣ бляхи можно видѣть, что это не былъ круглый сосудъ въ родѣ мѣдныхъ котловъ, находимыхъ въ курганахъ, а по тонкости бляхи не видно, чтобы изъ этой бляхи былъ сдѣланъ самостоятельный предметъ, но скорѣе всего можно предположить, что этой бляхой былъ обитъ какой-нибудь сундукъ, а найденные предметы по близости гроба на четырехъ-аршинной глубинѣ заставляютъ насъ предположить, что этой мѣдной бляхой былъ обитъ гробъ, а на приклепанной скобѣ висѣли кольца, или ручки гроба, или крышки его. Вся длина скобы съ кольцомъ 85 м/м, а ширина наибольшая 70 м/м. Найдено здѣсь же пять кусковъ витыхъ стеклянныхъ браслетъ краснаго и фіолетоваго цвѣта въ изломѣ, а снаружи покрывшихся свѣтло-шеколаднаго цвѣта окисью. Пара гвоздей желѣзныхъ, проржавленныхъ отъ сбитыхъ досокъ гроба, а въ лѣвой сторонѣ крошечный терракотовый вотивный горшочекъ, ширина котораго

35 м/м, а высота 31 м/м (рис. № 63, табл. XIV). Дно этого горшечка имѣетъ форму втулки въ 9 м/м высоты и предназначалось для вставливанія горшечка въ соотвѣтственное же углубленіе, должно быть въ жертвенномъ ставникѣ. Слѣдя уже преимущественно это мѣсто раскопки въ продолженіе дня, къ вечеру я замѣтилъ, что нѣкоторые посѣтители раскопокъ подняли изъ раскопанной земли кусокъ кирпича и, передавая одинъ другому, передали бывшему здѣсь студенту, который, осмотрѣвши его, выбросилъ въ ящикъ грабарки; но повозки поджидали насыпки перваго ящика и не выѣзжали. Проходя мимо этого ящика, я взялъ эту кирпичинку и полюбопытствовалъ взглянуть на нее, потому что толщина его была та-же, что и древнѣйшихъ кирпичей Десятинной церкви, но кирпичикъ такъ былъ замазанъ отвердѣвшей глиной, что присмотрѣться къ нему было трудно; меня, какъ опытнаго при постоянномъ осматриваніи подбираемыхъ кусковъ кирпича, озадачила тяжесть этого куска и я положилъ его въ карманъ для изслѣдованія причины этой тяжести, когда вернусь домой. Занявшись дома чаемъ и запиской дневника, я передъ этимъ намочилъ въ теплой водѣ нѣсколько залѣпленныхъ глиной предметовъ; каково же было мое удивленіе, когда отмоченные мною два тяжелыхъ кирпичика оказались драгоцѣнными плитками смальта! Одинъ, поднятый мною раньше кусокъ имѣлъ снаружи, какъ и въ изломахъ, патину зеркальнаго цвѣта и блеска, а въ срединѣ подъ патиной, или, сказавши правильнѣе, подъ наружной металлической окисью имѣетъ цвѣтъ желто-золотистый съ металлическимъ блескомъ (рис. № 64, табл. XV). Кусокъ, вынутый изъ ящика, оказался коричнево-вишневаго цвѣта съ жилами черными и свѣтло-зелено-оливковаго цвѣта (рис. № 65, табл. XV). Какіе это драгоцѣнные предметы, или орнаменты были сдѣланы, или украшены такими смальтовыми плитами, по найденнымъ кускамъ опредѣлить нельзя, одинъ только безошибочный выводъ сдѣлать можно какъ изъ этой находки, такъ и другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, найденныхъ на этомъ мѣстѣ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, что Княжій домъ хотя былъ построенъ изъ деревяннаго сруба,—но былъ украшенъ драгоцѣнными матеріалами, краснымъ порфиромъ, бѣлымъ мраморомъ и драгоцѣнными смальтами и что все это дикими монголами было изломано и побито. Не даромъ Дитмаръ Мерзебуржскій въ 1018 г. и Адамъ Бременскій въ 1046 г. писали о Кіевѣ, что онъ богатствомъ соперничаетъ съ Константинополемъ. Видно, слава Кіева была велика тогда (Шлецеръ, 265 стр., т. II).

24-го числа, послѣ воскреснаго отдыха, съ возобновленными силами принялся я слѣдить за раскопками. Разсматривая внимательно мѣсто вчерашнихъ находокъ, нашелъ я на землѣ византійскую мѣдную монетку Максима Дуки. Какъ эта монетка здѣсь принесенная, такъ и другія монетки, здѣсь найденныя, Алексія Комнина, свидѣтельствуютъ о дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей Кіевскаго князя Всеволода Ярославича. Найденныя монетки были ему современныя. Привожу изъ Ипатіевской лѣтописи. относящейся къ этому времени и мѣсту, сказанія: «Сѣде на княженіи Кіевскомъ Всеволодъ Ярославичъ въ лѣто 6586 (1078 г.). Въ се же лѣто нѣкто Никифоръ Ботоніятъ емъ Михаила Дуку, царя греческого со женою и чады и потсригъ въ монастырѣ затвори, а самъ въ его мѣсто бысть царемъ. Подъ 1080 г.

въ се лѣто Алексій Комнинъ согна зъ царства во монастырь Никифора, а самъ царемъ бысть во Грецѣхъ. Въ сіе лѣто посвященъ есть Іоаннъ Добрый на Митрополію Кіевскую, отъ патріарха Николая. Въ 1086 г. Всеволодъ Кіевскій заложи церковь святого Андрея и монастырь при ней, въ немъ же Янька, дщи его дѣвою пострижеся во иночество и собравши инокине многи, живяше съ ними, при Іоаннѣ Добромъ Митрополиту. 1089 г. Въ се же лѣто иде Янька дщи Всеволожа во Греки. 1090 г. Приведе Янька митрополита Іоанна скопчину, иже священъ бысть отъ патріарха Николая, его же узрѣвше люди не любяше всѣ и рекоша: «се мертвецъ пришелъ къ намъ», якоже въ сіе лѣто и умре. Бяше же сей митрополитъ не книженъ, и простъ, и просторѣкъ. 1093 г. Преставися великій князь Кіевскій Всеволодъ Ярославичъ и погребенъ бысть во Святой Софіи».

Эти выписки изъ лѣтописи я сдѣлалъ нарочно, какъ современныя найденнымъ монетамъ и имѣющія связь съ исторіей раскопанной мѣстности. Разумѣется, что на этомъ же мѣстѣ жили князья предки Всеволода, хотя монеты ихъ времени не попали въ число моихъ находокъ, потому что до Владиміра Мономаха Кіевскіе князья и не имѣли своей мелкой монеты, за исключеніемъ гривенъ да звѣриныхъ шкурокъ и, какъ видно изъ раскопокъ, довольствовались мелкой Византійской и Польской монетой.

24-го и 25-го числа февраля я пишу вмѣстѣ потому, что въ эти два дня, по независящимъ отъ меня причинамъ, я не имѣлъ постояннаго надзора за раскопками, а пріѣзжалъ разъ въ день для осмотра работъ. Предметовъ найдено было мало потому, что рабочіе, не поощряемые моимъ и моего кошелька присутствіемъ, не разыскивали внимательно древностей. Видѣлъ я квадратную шиферную въ 3/4 аршина плиту, желѣзный наконечникъ стрѣлы, два мѣдныя кольца отъ упряжи, два каменные пряща и нѣсколько разрываемыхъ въ это время могилъ. Находки этихъ двухъ дней, можетъ быть, я розыщу и помѣщу въ это описаніе.

26-го февраля. Убѣжденый совѣтами лицъ, сочувствовавшихъ моимъ изслѣдованіямъ и сохраненію предметовъ этой исторической мѣстности, я, въ виду общественнаго интереса, преодолѣлъ обрушившіяся на меня интриги и принялся опять за свои занятія. Пріѣхавъ съ утра на раскопки, я объявилъ рабочимъ, чтобы по прежнему внимательно розыскивали древности, за которыя буду ихъ награждать. Прежде всего въ этотъ день, на глубинѣ одного аршина, была найдена яма, а въ ней шесть человѣческихъ череповъ. Меня, въ началѣ, озадачила эта находка по отсутствію остальныхъ частей скелетовъ; я сначала думалъ, что это головы казненныхъ, но недоумѣвалъ, почему онѣ такъ неглубоко зарыты; началъ допрашивать старожиловъ этой усадьбы и по розыскамъ моимъ узналъ, что лѣтъ 15 тому назадъ археологъ Звенигородскій разыскивалъ во дворѣ этой усадьбы фундаменты древней кладки и при этихъ раскопкахъ найдены были эти черепа и послѣ зарыты садовникомъ, какъ ненужные, въ саду. Въ лѣвой сторонѣ усадьбы сегодня найдена была верхняя личинка мѣднаго замка отъ шкафа съ вырѣзнымъ и рельефнымъ орнаментомъ; форма его прямоугольная квадратная, какъ показываетъ рисунокъ № 66, табл. XIII, высота 54 м/м и ширина 50 м/м. Недалеко отъ этого же мѣста найденъ

черепокъ блюдечка изъ хрупкаго металла, какъ кажется, сплавъ серебра съ цинкомъ (рис. № 67, табл. XIII). Вѣроятно, оба эти предмета работы одного мастера, потому что какъ на замкѣ, такъ и на черепкѣ блюдечка, или дискоса орнаментъ сдѣланъ совершенно одинаково, онъ состоитъ изъ ряда круговъ малыхъ, проходящихъ въ разныхъ направленіяхъ, какъ каймы, выбитыхъ круглымъ штампомъ. На замкѣ прорѣзано съ правой стороны отверстіе для ключа и внутри сохранилось двѣ мѣдныхъ пластинки изъ механизма замка, приклепанныхъ мѣдными заклепками, головки которыхъ круглыя, выпуклыя, сидятъ на верху замка, изрѣзаны черточками орнамента; по угламъ четыре отверстія для прибивки замка. Сколько можно судить по оставшемуся внутреннему устройству, механизмъ состоялъ въ движеніи мѣдныхъ планокъ, прорѣзанныя отверстія которыхъ, заходя одно на другое, придерживали выдвинутый засовъ. Устройство похоже на щиколду въ дверяхъ крестьянской избы нашей мѣстности.

Въ изданіи Императорской археологической комиссіи за 1890 г., въ 4 номерѣ, съ описаніемъ древностей сѣверо-западнаго края, нашелъ я на 42 страницѣ рисунокъ замка, совершенно похожаго на мой замокъ. Этотъ замокъ былъ найденъ въ Дрогичинѣ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи въ 1889 г. мѣщаниномъ Баршевскимъ и Коханскимъ и проданъ археологу Н. П. Авенаріусу. Изъ хроники Кадлубка извѣстно, что Дрогичинъ былъ часто резиденціей мѣстныхъ князей, употреблявшихъ нѣкоторые предметы такіе же, какіе употребляли въ то время Кіевскіе и Краковскіе князья, и вступавшихъ не разъ бракомъ въ родственныя между собою отношенія. Въ приданое княжнамъ поступали предметы и перевозились съ одной страны въ другую. Вѣроятно, и торговыя сношенія содѣйствовали такому обмѣну.

Отъ середины усадьбы къ правой сторонѣ было въ саду старое орѣховое дерево съ сильными развѣтвленіями корней. На $1^1/_2$ аршина вглубь, подъ корнями дерева, оказался сводъ погреба, кладеннаго не на известкѣ, а на глинѣ; корни дерева такъ вросли въ этотъ сводъ, что пораздвигали кирпичи; очертаніе кладки показывало только, что здѣсь былъ сводъ, но связи не было. Какъ кирпичи, такъ и кладка показываютъ, что это былъ наскоро выстроенный погребъ для хозяйскихъ надобностей, въ началѣ послѣ Литовскаго періода, когда здѣсь была крѣпость и хлѣбные магазины. Разборка этого кирпича продолжалась болѣе сутокъ, появленіе его привлекло вниманіе нѣсколькихъ археологовъ. Въ этотъ же день къ вечеру оказалась могила, на четырехъ аршинной глубинѣ въ глинистомъ материкѣ, въ лѣвой сторонѣ усадьбы. Скелетъ лежалъ головою къ востоку, черепъ молодого человѣка весь распался по швамъ, на шеѣ его находилась серебряная шейная гривна, сдѣланная изъ витыхъ серебряныхъ проволокъ въ родѣ бичевки (рис. № 68, табл. XVI). Концы ея на $1^1/_4$ верш. состояли изъ одной проволоки, постепенно суживавшейся, и загнуты крючками для застегиванія, но когда хоронили покойника, то отъ толчковъ обручъ этотъ, очень упругій, разстегнулся и выпрямился и въ такомъ видѣ былъ мною поднятъ. Вся длина его съ крючками 60 см. и наибольшая толщина 15 м/м, вѣсомъ онъ оказался въ 48 золотниковъ. Металлъ съ малой примѣсью мѣди, потому что при добываніи изъ могилы онъ имѣлъ немного зеленоватой окиси и

мнѣ въ началѣ показалось, что онъ бронзовый. Около покойника стояла большая терракотовая амфора, съ орнаментомъ по поверхности въ крупные пояски, сдѣланные при вращеніи на гончарномъ кругу. Съ двухъ сторонъ горлышка большія кольцеобразныя ручки, какъ видно на рисункѣ № 69, табл. XVII; амфора покололась при раскопкѣ. Одну цѣльную ручку съ частію горлышка и бочокъ я сохраняю въ музеѣ. Не могу похвалиться сбереженіемъ глиняныхъ сосудовъ цѣлыми. Хотя я назначилъ рабочимъ премію за выемку большихъ горшковъ въ сохранномъ видѣ—рубль, а за малые 30 коп., но въ поспѣшной работѣ они не могли остеречься и трощили сосуды въ куски.

27-го Февраля. Найденная вчера поздно вечеромъ могила съ шейной гривной была только начата раскопкой и должна была быть, за темнотою, оставлена до утра не разслѣдованной. На слѣдующій день съ утра я слѣдилъ за ея раскопкой. Рядомъ съ покойникомъ былъ зарытъ конь, съ подогнутыми ногами и головой по направленію головы покойника. Лошадь, какъ бывало при подобныхъ похоронахъ, удавили, и въ это время она напрягалась встать, что видно по положенію ногъ. Подобныя похороны, въ прежніе года моихъ раскопокъ, я находилъ уже пять разъ и причисляю ихъ къ погребенію воина Полянина, а поэтому и теперь считаю, что здѣсь былъ похороненъ юный Полянинъ съ своимъ конемъ до начала Руси. Кромѣ амфоры стояла при немъ миска съ вычурно муравленнымъ дномъ; по бѣлому полю нарисована розетка зеленаго и краснаго цвѣта. При немъ же найденъ клыкъ дикаго кабана и желѣзный наконечникъ стрѣлы. Около этого же мѣста, неподалеку, найдено нѣсколько обломковъ стеклянныхъ браслетъ. Въ правой сторонѣ усадьбы раскопаны сегодня въ материкѣ двѣ могилы безъ бытовыхъ похоронныхъ признаковъ и найдено въ насыпномъ грунтѣ, въ верхней его части, маленькое золотое изображеніе распятаго Христа, отпавшее, какъ я думаю, съ наперстнаго креста Литовскаго періода, а въ нижнемъ насыпномъ слоѣ найдена раскрашенная изъ бѣлой глины утка на подставкѣ съ двумя утятами, у которыхъ головки отбиты (рис. № 70, табл. XVIII). Къ вечеру же найдена была большая четырехъ-угольная плита и хорошо сохранившаяся темно-зеленая кафля, съ рельефнымъ орнаментомъ, которыя забрала прислуга княгини. Приставленный для присмотра за раскопкой старикъ Михайло, приказчикъ княгини, отбиралъ найденные предметы по своему усмотрѣнію и уносилъ ихъ или въ домъ, или въ дровяной сарай. Какъ сыновья, такъ и прислуга княгини также забирали находки, часто въ то время, когда онѣ не были мною осмотрѣны и промѣрены. Нѣкоторыя изъ этихъ находокъ, хранившіяся въ шкафѣ князя, мнѣ по любезному разрѣшенію князя удалось измѣрить и срисовать. Но большинство забранныхъ предметовъ мнѣ не удалось изслѣдовать и срисовать потому, что, по словамъ владѣльцевъ, вещи или были заложены дровами въ сараѣ или отосланы въ имѣніе.

Очень интересный предметъ найденъ былъ подъ вечеръ сегодня—это одна половинка каменной формы для отливки серьги Кіевскаго типа, съ тремя шариками (рис. № 71, табл. XIV), а при ней горшочекъ для плавленія серебра или золота (рис. № 72, табл. XIV). Форма для отливки имѣетъ три гнѣзда, глубокія, шаро-

образныя съ нарѣзнымъ узоромъ; а каналъ, по которому металлъ вливается въ гнѣздо мелкой спиральной линіей, такъ нарѣзанъ, что отлитое кольцо серьги будетъ казаться филиграновымъ. Нижній маленькій кусочекъ формы отломался; форма вырѣзана въ камнѣ твердой яшмовой породы, имѣетъ длины $84^{м}/_{м}$, шир. $26^{м}/_{м}$; къ ней приставлялись еще двѣ такихъ же части формы, такъ что цѣлая собранная форма состояла изъ трехъ равныхъ частей, имѣющихъ въ двухъ концахъ отверстія для штифтовъ; а снаружи у обоихъ концовъ поперечный желобокъ для обвязки проволокой. Горшочекъ для плавки металла очень малый: высотою $51^{м}/_{м}$, а ширина брюшка $44^{м}/_{м}$, сдѣланъ съ огнеупорной глины съ толстыми стѣнками.

28-го февраля. Сегодня была промѣрена площадь снятой земли и оказалось, что во всю ея ширь снято уже 10 саж. подъ фронтовой домъ, а потому планировка лѣвой стороны усадьбы была временно прекращена. Новый владѣлецъ желалъ оставить кусочекъ сада въ лѣвомъ заднемъ углу усадьбы, жалѣя прекрасныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Съ правой же стороны за это время около двухъ сажень было снято больше подъ надворныя постройки. Замѣчательная находка найдена была сегодня: довольно большой кусокъ лѣпной работы орнамента. Въ первое время всѣ видѣвшіе его археологи не могли сообразить, какое назначеніе могъ имѣть этотъ предметъ, но теперь, когда нашлось еще три куска, можно ближе къ истинѣ опредѣлить его форму и назначеніе. Предметъ состоитъ изъ толстаго въ $19^{м}/_{м}$, не считая орнамента, терракотоваго черепка вогнутой формы; на вершинѣ своей онъ заканчивается двойнымъ расходящимся ребромъ, кругообразно изгибающимся, длинныя ребра въ $38^{м}/_{м}$, расходятся между собою на $50^{м}/_{м}$ у края (рис. № 73, табл. V). Внутренняя его вогнутая сторона украшена лѣпной работой изъ цементной массы свѣтло-шеколаднаго цвѣта, наложеннаго въ $15^{м}/_{м}$ толщины. По верхнему краю сдѣланъ былъ гладкій бордюръ въ $37^{м}/_{м}$ ширины, на которомъ густо, на равныхъ разстояніяхъ вдавлены круглые медальоны съ изображеніемъ, похожимъ на птицу съ расправленными крыльями. Вдавленъ только кружокъ поля, а изображеніе осталось на томъ же уровнѣ, что и поле бордюра. Можетъ быть, я опредѣлилъ узоръ изображенія не точно, но не нашелъ другого опредѣленія; нѣкоторые сравниваютъ этотъ узоръ съ крестомъ; но каждый, всмотрѣвшись въ представленный здѣсь рисунокъ, пойметъ форму этого изображенія и назоветъ его по своему усмотрѣнію такъ, какъ ему понравится. Верхній бордюръ отдѣленъ отъ средняго орнамента высокимъ кантомъ. Средній орнаментъ украшенъ трехугольниками лѣпной же работы, образовавшимися отъ проведенія ломанной линіи съ верхняго къ нижнему канту. Въ серединѣ каждаго трехугольника вдавленъ одинъ медальонъ того же образца, что и въ верхнемъ бордюрѣ. Ширина средняго орнамента, отъ ребра верхняго канта до нижняго $44^{м}/_{м}$. Въ нижней части повторенъ орнаментъ середины. Неизвѣстно, что было дальше за изломомъ, но больше похоже, что нижній край скоро кончался. Остается теперь опредѣлить, какое назначеніе могъ имѣть этотъ предметъ. На выпуклой гладкой сторонѣ его не видно слѣдовъ известковой, или цементной спайки, еслибъ это былъ карнизъ каменной постройки въ дверяхъ, или окнахъ. Я допускаю, что это было верхнее лѣпное украшеніе свода ниши въ деревянномъ зданіи, въ родѣ

того мѣста для сидѣнія, какое сохранилось въ западной стѣнѣ Московскаго Благовѣщенскаго собора, гдѣ сиживали цари во время чтенія часовъ и кафизмъ. Помнится мнѣ, что и въ подземной церкви Спаса на бору, внутри двора Московскаго Кремлевскаго дворца, въ стѣнѣ устроена ниша на $^3/_4$ аршинной высотѣ отъ полу, въ которой, уставшій на молитвѣ, или во время часовъ, князь или княгиня могли присѣсть отдохнуть въ древнія времена; но могутъ быть и другія мнѣнія объ этомъ предметѣ. Сегодня же раскопано три могилы, изъ которыхъ двѣ на трехъ-аршинной глубинѣ, кромѣ черепковъ горшечныхъ, не доставили никакихъ предметовъ. Скелеты лежали въ гробахъ и совсѣмъ истлѣли; вѣроятно, здѣсь были погребены бѣдныя инокини Янкина монастыря. Третья же могила, оказавшаяся на глубинѣ 4 арш., имѣла ту особенность, что тутъ былъ совершенъ обрядъ сожиганія. Кромѣ массы угля, найдены были кусочки обуглившагося дерева и кусочки сожженныхъ костей, изъ которыхъ я одну сохранилъ; при этомъ кострищѣ найдено было только много черепковъ битой посуды и кости съѣденныхъ на тризнѣ животныхъ: куриныхъ, гусиныхъ, овечьихъ и друг. Какъ нѣкоторыя племена Сарматовъ, такъ и происшедшія отъ нихъ нѣкоторыя племена Славянъ, въ особенности западныхъ, сохранили этотъ похоронный обычай, источникомъ котораго была вѣра въ Бога свѣта, создавшаго вселенную, людей и все доброе въ немъ (Ормуздъ), стремившіеся возсоединиться съ своимъ Создателемъ и попасть въ царство свѣта, гдѣ, по ученію Зороастра, праведники будутъ прозрачны и отъ нихъ не ложится тѣнь, т. е. что не закрываютъ свѣта, который проходитъ черезъ ихъ чистыя тѣла, какъ сквозь стекло; вѣрующіе очищали грѣшное тѣло своихъ покойниковъ черезъ огонь, источникъ свѣта и, сожигая своихъ усопшихъ, отворяли имъ царство свѣта и вѣчный покой. Они дѣлались этимъ, во время подземнаго странствованія, незримыми и недоступными для козней и ухищреній девовъ мрака. Тѣ же, надъ которыми не было произведено это огненное очищеніе, и тѣни всѣхъ непохороненныхъ будутъ скитаться вѣчно преслѣдуемыя и мучимыя девами. Въ нашемъ краѣ, какъ мнѣ кажется, обрядъ сожиганія сохранялся, должно быть, въ нѣкоторыхъ семействахъ, между тѣмъ какъ другія семейства хоронили своихъ покойниковъ обыкновеннымъ образомъ. Два года тому назадъ раскапывалъ я съ г. Самоквасовымъ значительный могильникъ около м. Рыжановки, въ которомъ по счету было около 50 кургановъ. Этотъ могильникъ, какъ кажется, былъ усыпанъ древними поселенцами, жившими въ угодьяхъ, составляющихъ нынѣшнее мѣстечко Рыжановку и, можно думать, людьми одного племени, одного поселенія въ извѣстный періодъ времени, но каждый курганъ представлялъ похоронныя особенности и обрядъ сожиганія чередовался со сложеніемъ покойника въ могилу безъ сожиганія.

Въ районѣ пространства, занимаемаго домомъ, гдѣ собирались первые христіане Кіева для молитвы и о существованіи котораго насъ убѣждаетъ: 1) подмуровка подъ деревянныя стѣны, описанная подъ числомъ 16-го февраля; 2) около этой подмуровки найденное блюдо для раздачи антидора, подъ этимъ же числомъ описанное; 3) въ этомъ же районѣ найденная крышка кадила, описанная подъ 22-мъ февраля и 4) найденная сего числа часть паникадила (рис. № 74, табл. VIII) такой

же мѣди и такой же работы прорѣзнаго узора, какъ и верхушка кадила, найденная часть паникадила состоитъ изъ широкаго въ 10½ см. обруча, сдѣланнаго изъ толстой въ 2 м/м мѣдной бляхи, длина его 60 см. Въ этомъ обручѣ прорѣзаны насквозь неправильной формы отверстія, въ видѣ продолговатыхъ кружковъ, разгрупированныхъ симметрично; приклепанное ушко зацѣплялось цѣпочками, на которыхъ висѣло паникадило. Подсвѣчники, вѣроятно, находились при другомъ обручѣ, а найденная прорѣзная бляха увеличивала размѣры паникадила, придавая ему величавую форму, соотвѣтствующую предмету, висящему въ храмѣ.

Для большей моей увѣренности въ существованіи здѣсь церкви, сегодня же найденъ черепокъ колокола, изгибъ стѣнки котораго заставляетъ насъ причислить этотъ звонокъ къ типу употребляемыхъ при церквахъ и имѣвшаго не менѣе трехъ вершковъ въ діаметрѣ. Толщина стѣнки 6 м/м, въ сплавѣ замѣтно присутствіе значительной примѣси серебра къ желтой мѣди. Наливши на его поверхность сѣрную кислоту, я увидѣлъ немного помутившійся цвѣтъ ея въ свѣтло-зеленый, но безъ обыкновеннаго на мѣди кипяченія. Поверхность эта, обтертая, осталась тусклой, темнаго цвѣта, какъ на серебрѣ. Если я успѣю сдѣлать химическій анализъ сплава, то помѣщу въ концѣ описанія. Между найденными сегодня черепками кафель и посуды обратилъ мое вниманіе кругъ хорошей гончарной работы (рис. № 75, табл. XVI), ширина котораго 6 см. и оба края загнуты наружу на 4 см. высоты. Діаметръ его, судя по величинѣ дуги найденныхъ кусковъ, могъ быть въ 20 см. Если бы края круга были вогнуты въ середину круга, то я бы призналъ его за подставку подъ какой-либо большой сосудъ, но края, изогнутые наружу, заставляютъ меня опредѣлить этотъ кругъ, какъ оправу круглаго отверстія въ деревянномъ домѣ, т. е. въ стѣнѣ, а скорѣе всего оправу слуховоrо окна на чердакѣ дома, или церкви.

29-го февраля. За сегодняшній день было снято восемь могилъ. Въ одной изъ этихъ могилъ, въ деревянномъ гробу лежалъ скелетъ головой къ востоку въ парчевомъ одѣяніи; на груди его лежалъ энколпіонъ, т. е. растворчатый крестъ для храненія мощей (рис. № 76, табл. XIX). Крестъ этотъ на столько бережно снятъ былъ мною со скелета, что прилипшее къ нему истлѣвшее парчевое облаченіе сохранилось невредимо и, разсматривая его въ лупу, можно увидѣть, какъ протканы шелковыя нити. Узоръ этой ткани похожъ на теперешній лѣтній шерстяной драпъ, тканный въ горошекъ. Ткань густо покрыта золотыми протканными звѣздочками, блескъ нитокъ которыхъ до сихъ поръ сохранился. Только эта часть облаченія, приставшая къ металлу креста, сохранилась; остальная часть, какъ и кости скелета, за исключеніемъ сохраненнаго мною черепа, настолько истлѣли и превратились въ пыль, что уже отъ глины материка не отдѣлялись и смѣшались при выемкѣ съ землей. Крестъ этотъ четырехъ-конечный гладкій, имѣетъ вверху особо двигающееся на шалнерѣ большое ушко, съ круглымъ отверстіемъ для продѣванія ленты, на которой его носили на шеѣ, какъ панагію; это ушко шарообразной формы, раздѣленное отъ верху книзу выпуклымъ кантомъ, проходящимъ вокругъ, покрыто золотомъ, просвѣчивающимся изъ-подъ ржавчины. Крестъ этотъ, въ виду сохраненія куска облаченія, я совершенно не очищалъ и не растворялъ. Въ этомъ нетронутомъ видѣ

я его сохранялъ долгое время для научныхъ археологическихъ цѣлей, по той причинѣ, что найденный въ этой усадьбѣ другой такой же энколпіонъ поступилъ въ собственность князя Трубецкого, который въ религіозныхъ побужденіяхъ вычистилъ его и отворилъ. Энколпіонъ его оказался золотымъ съ греческими неразборчивыми надписями, а внутри его сохраняются святыя мощи. По этому очищенному кресту я надѣлся изслѣдовать этого рода кресты, но когда мои надежды не сбылись и очищенный крестъ изслѣдовать мнѣ не удалось, то при составленіи сего описанія я для опредѣленія изображеній на немъ находящихся, металла и способа его производства рѣшился химически отмучить его. Исполнивъ удачно это трудное предпріятіе, я могу разсказать довольно сложный способъ производства этой панагіи Византійской работы. Вся длина креста съ ушкомъ по измѣреніи оказалась 120 м/м, т. е. около $2^3/_4$ вершка, ширина въ перекрестіи 69 м/м, а толщина 12 м/м. Крестъ состоитъ изъ двухъ створокъ, въ серединѣ углубленныхъ такимъ образомъ, что внутри креста образовалось пустое пространство, достаточное для помѣщенія мощей, т. е. кусочковъ костей, завернутыхъ обыкновенно въ парчу. Эти двѣ створки панагіи предъ вложеніемъ мощей растворялись, вращаясь у верхней петли, но по вложеніи мощей были затворены и замкнуты въ девяти мѣстахъ на-глухо девятью проволочными штифтами, проходящими чрезъ выступы въ бокахъ обѣихъ створокъ, сдѣланныхъ съ просверленными отверстіями для заклепокъ. Восемь этихъ выступовъ сдѣланы въ бокахъ перекрестія, а девятый въ видѣ петли внизу креста. Верхняя петля, соединена съ ушкомъ, въ которомъ есть круглое отверстіе для продѣванія ленты, или шнурка. Обѣ створки вначалѣ отлиты были изъ коринфской мѣди, а потомъ на чисто обдѣланы и оглажены, послѣ чего тонкимъ зубиломъ, или рѣзцомъ по рисунку, намѣченному на наружной сторонѣ створокъ, выдалбливались углубленія въ одинъ миллиметръ глубины и ширины, и эти углубленія задѣлывались серебряной проволокой соотвѣтственной ширины, которая расклепывалась и потомъ вся поверхность выглаживалась.

Фонъ, не занятый линіями изображеній, погрунтованъ краснымъ составомъ подъ позолоту, которая производилась тонкимъ листовымъ золотомъ, пристающимъ и золотящимъ только грунтовку, но не пристающимъ и не покрывающимъ контурныя изображенія, покрытыя серебромъ. Такими манипуляціями получалось впечатлѣніе, какъ бы золотой панагіи съ инкрустованными серебромъ изображеніями на ней, но такъ какъ серебромъ были инкрустованы только очертанія фигуръ, то детали рисунка производились такимъ образомъ: волоса, глаза, носъ, ротъ, ребра и весь внутренній рисунокъ фигуръ намѣчался какимъ-то тонкимъ тупымъ долотцемъ постепеннымъ надавливаніемъ всѣхъ требуемыхъ линій рисунка, не царапая золота, а только углубляя его въ то время, когда масса грунтовки подъ золотомъ не совсѣмъ еще окрѣпла, но уже достаточно затвердѣла. Художникъ очень детально производилъ рисунокъ изображенія, не прорывая золота. На передней сторонѣ изображенъ крестъ надавленными линіями, при немъ очерчена серебромъ фигура Христа, а всѣ детали лика и тѣла Спасителя нарисованы надавленными линіями. Изображеніе сдѣлано въ Византійскомъ стилѣ: Христосъ прислоненъ ко кресту. Платъ на бедрахъ

длинный, ниже колѣнъ. На головѣ нимбъ, а въ трехъ верхнихъ концахъ креста круглые медальоны съ поясными изображеніями святыхъ. Надписей никакихъ не видно, задняя сторона очищена была сильнѣе и надписей не оказалось. Внутри панагія наполнена какой-то очень легкой растительной массой, можетъ быть, воскомъ, въ которомъ хранятся частицы мощей. На оборотной сторонѣ панагіи (рис. № 77, табл. XIX) находится такое изображеніе: въ серединѣ серебряный крестъ съ тремя перекрестіями и съ лучами сіянія отъ средняго перекрестія, на мѣстѣ соединенія его съ главной линіей креста, а въ четырехъ оконечностяхъ изображены въ медальонахъ четыре херувима. Серебряный крестъ сдѣланъ былъ впередъ и врѣзанъ въ мѣдь, а потомъ расклепанъ въ гнѣзда, которыя на днѣ вырѣзывались немного шире, чтобы изображеніе не могло вылѣзть изъ гнѣзда; подобныхъ крестовъ находится въ моемъ музеѣ 8, найденныхъ въ Роднѣ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ верхнюю петлю золотую, украшенную византійской эмалью по узорчатымъ выемкамъ металла (champlevée), а на крестѣ серебряную горельефную, скульптурной работы Богородицу съ младенцемъ (рис. № 78, табл. XIX), а съ другой Христосъ, стоящій у креста, по бокамъ надпись греко-славянскими буквами: «Царь Славы» (рис. № 79, табл. XIX). Привезенный изъ раскопокъ, въ виду усиленной просьбы любознательныхъ археологовъ, крестъ былъ раскрытъ и сохранялъ мощи, завернутыя въ кусочекъ парчи; парча немного истлѣла, потому мощи тотчасъ были завернуты въ кусочекъ батиста и положены обратно, а крестъ на-глухо заклепанъ. Такіе кресты съ мощами носили князья и духовенство,—позолоченные и накладного золота—архіерейскаго сана, а мѣдные—архимандриты, игумены и назывались они панагіями,—потому что на одномъ такомъ красной мѣди энколпіонѣ есть надпись вверху: «панагія»,—и давались они священникамъ за особенныя заслуги. Іереи, вѣроятно, не имѣли ихъ, потому что крестовъ этихъ было бы больше найдено въ Кіевѣ. Энколпіоны Кіевскаго Великокняжескаго періода дѣлались изъ красной и коринфской мѣди. Позднѣйшаго времени изъ желтой мѣди (сплава). Въ описанной могилѣ, вѣроятно, былъ похороненъ игуменъ Янкина монастыря Григорій въ 1127 г., упоминаемый въ Лаврент. лѣтопис. Другая могила имѣла ту особенность, что надъ ней былъ устроенъ кирпичный сводъ; погребеніе обыкновенное, въ деревянномъ гробу, а въ немъ при скелетѣ найденъ гребешокъ слоновой кости, немножко меньшихъ размѣровъ, какъ описанный выше подъ 22 февраля, но такого же точно типа и работы; вмѣстѣ съ этимъ было найдено нѣсколько шиферныхъ бусъ красныхъ и бѣлыхъ и одна пряслица отъ веретена. Должно быть, покойница любила прясть и ей въ гробъ положили ея любимое веретено. Въ могилѣ этой поставлены были двѣ амфоры и горшечки, раздавленные землей.

Въ третьей могилѣ найдена была малая барельефная каменная икона Христа, благословляющаго правой рукой и держащаго въ лѣвой рукѣ книгу (рис. № 80, табл. XIX). Персты благословляющей руки сложены по древнему порядку, т. е. большой палецъ сложенъ на-крестъ съ четвертымъ и пятымъ, а второй и третій палецъ вмѣстѣ подняты вверхъ. Какъ извѣстно, при современномъ благословеніи, называемомъ именословное, персты укладываются такъ, что второй указательный палецъ

ставятъ прямо какъ букву I, третій на подобіе C, а первый съ четвертымъ перекрещиваются какъ буква X, пятый какъ P, а всѣ вмѣстѣ выражали Іисусъ Христосъ. Между тѣмъ, на этой древнѣйшей иконѣ, вырѣзанной въ яшмовой каменной плиткѣ съ рельефнымъ изображеніемъ, благословеніе вырѣзано по другой символистикѣ, т. е. сложено знамя двухъ только начальныхъ буквъ имени Спасителя I. X. Величина этой иконы въ длину 22 м/м, ширина 19 м/м, а толщина 6 м/м; на рисункѣ она сдѣлана въ увеличенномъ размѣрѣ.

Около четвертой могилы найденъ кусокъ металлическаго зеркала, а въ остальныхъ, кромѣ обыкновенной раздавленной гончарной посуды, другихъ предметовъ не найдено. Во всѣхъ этихъ могилахъ при женскихъ скелетахъ найдено по нѣсколько витыхъ стеклянныхъ браслетъ краснаго, желтаго и лиловаго цвѣта, а въ одной найденъ большой клыкъ дикаго кабана.

2-го Марта. Сегодня найдено нѣсколько монетъ: одна серебряная польская, величиной въ пятизлотникъ, но значительно тоньше и пятикопѣечникъ 1727 г. въ верхнемъ слоѣ пересыпной земли. Кусокъ зеленаго смальту, цвѣтомъ похожаго на кусокъ чистой мѣдянки краски. Съ правой стороны усадьбы найдены были двѣ могилы. Скелеты похоронены были въ деревянныхъ гробахъ, головой лежали на западъ и черепа были болѣе длинноголовые. Сегодня найдены еще два куска лѣпного орнамента, который я описалъ подъ 28 числомъ февраля. Могилы бѣдныя, безъ отличительныхъ признаковъ погребенія.

3-го марта. На 17-й сажени отъ улицы, въ глубинѣ усадьбы сегодня снято было утромъ пять могилъ, а вечеромъ двѣ, безъ всякихъ похоронныхъ принадлежностей, черепа болѣе длинноголовые, скелеты положены головой на западъ, заставили меня предположить, что здѣсь были похоронены въ Литовскій періодъ Драбы (пѣхотинцы) Кіевскаго замка, здѣсь же былъ похороненъ казненный отсѣченіемъ головы драбъ. Третья кость шейнаго позвонка была такъ чисто разрѣзана, какъ бы гильотиной, но мы знаемъ, что гильотина у насъ и въ Литовскій періодъ вовсе не употреблялась, а потому остается предположить чистоту разрѣза кости въ сильномъ топорѣ. Ударъ былъ произведенъ сзади шеи и сдвинулъ въ глубь шеи два первыя отъ черепа кольца позвонковъ. Голова казненнаго упала съ высоты на правую щеку и отъ полученнаго толчка скула сдвинулась влѣво и лицо искривилось въ этомъ направленіи. Сегодня же въ районѣ древней церкви найденъ былъ подсвѣчникъ красной мѣди чрезвычайно оригинальной формы (рис. № 81, табл. VII). Подсвѣчникъ этотъ не употреблялся самостоятельно, но закладывали его должно быть въ ставникъ, или паникадило. Форма его столь необыкновенная, что безъ изображенія въ рисункѣ № 81 никакое описаніе не выяснило бы предмета. Расширенный, гладко спиленный въ основаніи, онъ двумя красивыми изгибами поднимается вверхъ и въ бокъ и оканчивается головой грифа. Въ противоположной сторонѣ головы намѣченъ бородавкой выступъ хвоста. Изъ спины грифа поднимается перпендикулярно вверхъ собственно самый подсвѣчникъ, украшенный тремя круглыми рельефными поясками. На послѣднемъ выступѣ лежитъ мѣдная чашка въ 74 м/м діаметра, а изъ

центра ея идетъ вверхъ шпиль въ 42 м/м высоты, для затыканія на немъ восковой свѣчки, которая имѣла внизу соотвѣтственное отверстіе. Чашечка украшена по окружности края двумя широкими бороздами, обработана чашечка напильникомъ и долотами. Длина изображенія грифа отъ основанія по изгибамъ до конца головы 120 м/м. Въ началѣ мнѣ трудно было догадаться, какое употребленіе могъ имѣть этотъ предметъ, но видно, что въ Великокняжескій періодъ такіе подсвѣчники обыкновенно употреблялись, потому что въ раскопкахъ Княжей-горы, между предметами тамъ найденными, въ собраніи г. Тарнавскаго есть нѣсколько такихъ подсвѣчниковъ, сдѣланныхъ изъ желѣза. Мѣсто отъ основанія до хвостоваго выступа закладывалось въ гнѣздо ставника, или паникадила, опиралось на выступъ хвоста и свѣчка этимъ удерживалась въ вертикальномъ положеніи.

4-го марта. Раскопана была въ серединѣ усадьбы яма, въ которой находилось восемь сброшенныхъ въ кучу скелетовъ. Кости ихъ, смѣшанныя въ безпорядкѣ безъ признаковъ погребенія, свидѣтельствовали объ истребленіи этихъ людей, лишенныхъ погребенія; вѣроятно, это были жертвы войны, которую не разъ испытывалъ Кіевъ въ давнія времена. Съ утра раскопаны были по двѣ бѣдныхъ могилы съ правой и лѣвой стороны, а съ полудня найдена была на 4-хъ аршинной глубинѣ, шестая могила, въ которой голова скелета покоилась на квадратной терракотовой плитѣ и обращена была на западъ. На лѣвой рукѣ бронзовый перстень и два стеклянныхъ браслета фіолетоваго цвѣта. Возлѣ нея стояла большая терракотовая амфора въ аршинъ высоты, съ двумя большими ручками и горлышкомъ; удалось вынуть только нѣсколько крупныхъ черепковъ этой амфоры.

5-го марта. Около мѣста, означеннаго на планѣ раскопки подъ буквой е, въ лѣвой сторонѣ усадьбы уже нѣсколько дней находили крупные куски красныхъ шиферныхъ плитъ, отдѣланныхъ ровно съ обѣихъ сторонъ, въ нѣкоторыхъ же кускахъ по три края были правильно обдѣланы. Сегодня же найдены были четыре куска такихъ же плитъ. Изломъ ихъ показывалъ, что плиты были длинныя, одинъ найденный кусокъ въ аршинъ длины показалъ, что это не вся его длина, потому что въ концахъ по длинѣ, остались съ обѣихъ сторонъ изломы; между тѣмъ, какъ ширина плитъ и толщина ихъ были равномѣрны, ширина 40 сантиметр., а толщина около 8-ми сантим. Присматриваясь къ нимъ, я изучалъ эти плиты, стараясь опредѣлить ихъ назначеніе. Если бы ими былъ выстланъ княжій дворъ, или ступеньки лѣстницы, или полъ церкви, либо дома, то на стѣнкахъ ихъ было бы замѣтно нѣторое заглаживаніе и шлифовка отъ ходьбы, какъ это замѣтно на тротуарахъ улицъ, или на каменномъ полу церквей; но нѣтъ,—на плитахъ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ ходьбы, не смотря на то, что шиферный камень очень мягкій. Шероховатость отъ ударовъ зубила, когда обтесывали камень и слѣды обдѣлки камня остались нетронутыми; слѣдовательно, плиты не были употребляемы для означенныхъ надобностей. Можетъ быть, это были надгробныя плиты; но узкость ихъ и отсутствіе надписей, либо знаковъ, тоже дали мнѣ отрицательный отвѣтъ. Раскладывая ихъ и пригоняя въ изломахъ, я увидѣлъ, что плиты имѣютъ форму досокъ и изъ нихъ

могъ быть сложенъ гробъ; это предположеніе явилось у меня, когда найдены были два квадратные куска, бывшіе въ головной части и въ концѣ у ногъ. Прійдя къ такому предположенію въ своихъ изслѣдованіяхъ, я началъ разыскивать указанія у археологовъ, дѣлавшихъ прежде разысканія на этой мѣстности: у Лохвицкаго, въ 1824 г. раскапывавшаго Десятинную церковь, и Ставровскаго, раскопавшаго Вотчь монастырь. Но описанія не нашелъ, а перечень находокъ ничего мнѣ не пояснила. Изслѣдованія Десятинной церкви — этой археологической жемчужины — не описаны порядочно. Найденныя веши разосланы въ видѣ подарковъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, и для будущихъ изслѣдованій остались крохи изъ найденныхъ историческихъ сокровищъ, ничему не поучающія. Изъ описанія раскопокъ, произведенныхъ на мѣстѣ Владиміровой Десятинной церкви, переданнаго Закревскимъ въ описаніи Кіева на стр. 289, т. I, нашелъ я, что на этомъ мѣстѣ «найдена къ востоку отъ алтаря каменная гробница, состоящая изъ плоскихъ плитъ краснаго шифера, связанныхъ желѣзными прутьями. Въ ней нашли всѣ кости сохранившіяся, кромѣ главы и правой руки, перенесенныхъ митрополитомъ Петромъ Могилой въ 1638 г. въ большую Лаврскую церковь, а также остатки истлѣвшей парчевой одежды, золотую пуговицу и башмаки мужскіе. Гробъ этотъ, признанный Владиміровымъ, былъ замурованъ въ склепѣ предъ царскими вратами праваго придѣла новой Десятинной церкви, надъ нимъ теперь находится кіотъ у правой стѣны. Около сѣверной стѣны фундамента Десятинной церкви вырыта другая гробница тоже изъ плоскихъ плитъ краснаго шифера, она украшена была высѣченнымъ орнаментомъ. Въ ней найденъ женскій скелетъ въ одѣяніи, прикрытый парчевымъ покрываломъ, какой то неизвѣстной княжны». Изъ этого описанія видно, что князей кіевскихъ хоронили въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ шиферныхъ плитъ, связанныхъ желѣзными прутьями, и такіе гробы иногда ставили въ мраморные саркофаги. По этому описанію я достаточно убѣдился, что и найденныя мною разбитыя шиферныя плиты составляли каменный гробъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ князя, можетъ быть Ярополка II 1139 г. «Преставися князь Ярополкъ мѣсяца февраля въ 18 день и положенъ бысть въ Янцынѣ монастыри». Второй, тамъ же похороненный въ 1170 г., былъ князь Владиміръ, сынъ Андрея Боголюбскаго. «Преставися благородный князь Володиміръ Андреевичъ, положпша и у Святаго Андрея въ Кыевѣ, въ Янчинѣ монастыри». Предположеніе мое, что въ этомъ гробѣ похороненъ былъ мужчина, а не женщина, я основываю на томъ, что при раскопкѣ подъ найденными плитами найдены были скелетъ и мечъ, погнутый такъ, какъ его гнутъ въ знакъ горести на похоронахъ князя, или доблестнаго воина, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа. Здѣсь же я долженъ пояснить, что въ 1240 г. монголы, грабя княжескія гробницы, разбили этотъ гробъ и ограбили тѣло, а куски плитъ при разныхъ земляныхъ работахъ раздвинуты были съ первоначальнаго мѣста на пространствѣ нѣсколькихъ аршинъ. Здѣсь же вскорѣ найденъ былъ и желѣзный прутъ около 14 вершковъ длины, въ концѣ котораго было выковано крѣпкое кольцо, въ отверстіе котораго могъ пройти дручокъ оглобли. Не догадавшись сразу, къ какому употребленію служилъ этотъ прутъ, я счелъ его впервые за предметъ позднѣйшаго времени и поло-

жилъ въ углу раскопки съ мыслью при вечернемъ отъѣздѣ забрать домой, но кто-то его утащилъ и мои розыски и обѣщанія награды уже не возвратили мнѣ его. Кованное въ концѣ кольцо было ручкой для подъема гроба. Имѣя въ наличности столько данныхъ, мнѣ легко возстановить въ описаніи форму и величину нѣкоторыхъ частей гроба, за исключеніемъ его длины, которая должна была быть въ ростъ человѣка. Въ великокняжескій періодъ для гроба князя вмѣсто досокъ обтесывались на подобіе толстыхъ досокъ плиты краснаго шифера (Argil. fundamentalis rubra), длина которыхъ была въ ростъ умершаго, ширина по уцѣлѣвшимъ кускахъ около 40 см., а толщина около 8 см. На обоихъ краяхъ плиты, положенной въ дно гроба, ставили ребромъ двѣ боковыя плиты, а въ головѣ и ногахъ ставились квадратныя плитки, какъ распорки, удерживающія въ вертикальномъ положеніи боковыя плиты, и снаружи обхватывались въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзными клямрами, приготовленными впередъ по размѣру плитъ; клямры на высотѣ четвертой плиты, которой покрывали гробъ, имѣли кольца, служившія ручками для подъема и опусканія гроба. Во время похоронъ, когда гробъ закрывали верхней плитой, клямры связывали надъ крышкой приготовленными скрѣпами и въ такомъ видѣ хоронили. Скрѣпы и вся оковка гробовъ были прочны настолько, что монголы, разыскивая въ гробахъ князей драгоцѣнности и облаченія, считали болѣе легкимъ разбивать гробы, чѣмъ ихъ отворять. Прилагаемый рисунокъ № 82, табл. XV выяснитъ наглядно мое описаніе. Но многихъ князей и княженъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, лишь иногда обитыхъ мѣдной бляхой, какъ мнѣ извѣстно по сдѣланнымъ изслѣдованіямъ этого вопроса. Случайная смерть въ знойное лѣтнее время и быстрое разложеніе трупа заставляло семью предать землѣ тѣло, не ожидая устройства каменнаго гроба, потому что въ то время не было магазиновъ съ заготовленными, какъ теперь гробами. Рядомъ съ шиферными плитами найденъ былъ кусокъ бѣлаго мрамора длиною 22, шириною 17, а высотою 13 сантиметровъ. Сподъ его гладко обтесанъ, а верхъ округленъ, скорѣе всего этотъ кусокъ былъ отколотъ отъ вершины мраморныхъ перилъ дворца, или былъ преградой престола вмѣсто царскихъ вратъ, которыхъ въ древности не строили. Раскапывая глубже мѣсто подъ плитами, найдены человѣческія кости, разбросанныя въ безпорядкѣ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ черепъ, взятый мною въ музей; тутъ же найдена часть зеленаго мраморнаго креста (Verdo antiquo) съ свѣтло-зелеными кристаллами (рис. № 83, табл. XV). Кусочки этой исчезнувшей породы мрамора попадаются въ развалинахъ дворца Кесаря въ Римѣ, раскопанныхъ Наполеономъ III, гдѣ я ихъ пріобрѣлъ для своего музея. Побитый крестъ очень поврежденъ, но по найденному куску перекрестія видно, что онъ былъ шлифованъ, поверхность его гладкая безъ орнаментовъ, вѣроятно, крестъ этотъ былъ изъ того рода крестовъ, какіе кладутъ въ руки покойниковъ. При немъ же найдены были: драгоцѣнный мечъ, безъ сомнѣнія Великокняжескій, въ золотыхъ ножнахъ и инкрустованный золотомъ (рис. № 84, табл. XX). Мечъ прямой, стальной, имѣетъ всей длины 92 см., самое же лезвіе безъ рукоятки 80 см., ширина лезвія у рукоятки 42 м/м, посрединѣ 32 м/м и такъ постепенно онъ съуживается и оканчивается остріемъ. Одинъ край меча во всю длину острый, а другой край тупой,

на большей части длины меча; къ концу же, въ послѣдней его четверти, съ обѣихъ сторонъ острый. Около этой тупой стороны меча на трехъ четвертяхъ его длины, начиная отъ рукоятки, сдѣлано было съ обѣихъ сторонъ меча углубленіе, приблизительно въ 10"/м ширины, которое отъ рукоятки было немного шире. Въ это углубленіе была запущена мѣдная полоска тонкой бляхи, покрытая накладнымъ золотомъ, на которой рѣзцомъ вырѣзанъ мелкій орнаментъ, состоящій изъ завитушекъ растительнаго орнамента и чешуекъ, какъ видно по рисункахъ № 85 и 86, на обѣихъ сторонахъ разнообразный. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ удалось отмучить достаточно пластинку, что бы видѣть рисунокъ, но около рукоятки, гдѣ можно ожидать болѣе крупнаго орнамента, а можетъ быть и надписи, невозможно удалить толстой накипи изъ опасенія, что мечъ распадется и искрошится, а на такую рискованную операцію съ мечемъ сына Мономаха, который онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ Кіевскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ своего славнаго отца Владиміра Мономаха, я не рѣшился. Мечъ этотъ былъ въ золотыхъ ножнахъ, золотой листъ, для крѣпости ноженъ, былъ наложенъ на листъ мѣдный. Мечъ вмѣстѣ съ ножнами, въ знакъ горести, при погребеніи ломали на колѣнѣ, но мечъ не переломился, а только въ двухъ мѣстахъ согнулся. Къ несчастной случайности при этой находкѣ можно отнести то совпаденіе, что въ то время какъ рабочіе нашли мечъ, я тутъ же, но повернутый къ нимъ спиной, копался въ землѣ надъ розыскомъ малыхъ золотыхъ пуговицъ, изображенныхъ на рис. № 87, табл. XIII, и не замѣтилъ перваго момента находки этого меча; послѣ, спустя нѣсколько минутъ, обративъ вниманіе на движеніе рабочихъ сзади меня, я устремился къ находкѣ и увидѣлъ этотъ мечъ,—но мнѣ показалось, что блеснувшее золото привлекло вниманіе рабочихъ и могло быть отчасти припрятано; остались два кусочка ноженъ, хотя и достаточныхъ для научныхъ изслѣдованій и опредѣленія самой находки, но у меня не достаетъ увѣренности въ хорошемъ сбереженіи ея. Одинъ рабочій, котораго я замѣтилъ, какъ онъ клалъ въ карманъ куски пластинокъ ноженъ, по моему настоянію отдалъ ихъ мнѣ, но другіе не признались, или не имѣли ихъ. Уцѣлѣвшіе два кусочка ноженъ, прикипѣвшихъ къ мечу, были оторваны отъ меча съ того мѣста, которое обозначено на рисункѣ, а эфесъ рукоятки, должно быть массивнаго золота, вѣроятно, снятъ былъ цѣликомъ монголами. Обрядъ ломанія меча покойника, а также и всего оружія, которое носилъ покойникъ, основывался на томъ уваженіи къ умершему, когда присутствующіе на погребеніи, сознавая доблести покойника, считали его потерю незамѣнимою и хотѣли выразить, что не считаютъ кого-либо изъ оставшихся достойнымъ носить этотъ мечъ. Застыла рука владѣвшаго этимъ мечемъ—и сыновья ломали отцовское оружіе и клали его вмѣстѣ съ прахомъ отца, оказывая въ своей горести по родителю, что они не смогутъ такъ доблестно владѣть отцовскимъ мечомъ какъ онъ имъ владѣлъ. При похоронахъ сарматскаго вождя въ Рыжановкѣ все его бронзовое вооруженіе: шлемъ, панцырь, щитъ, лукъ, колчанъ со стрѣлами были по этимъ же побужденіямъ сожжены на точкѣ. (Мои раскопки въ Рыжановкѣ). Во время защиты Севастополя, я видѣлъ на похоронахъ любимыхъ начальниковъ, что при опусканіи гроба друзья покойника ломали его шпагу и бросали въ могилу. Видно, что этотъ

обрядъ, выражающій понятіе незамѣнимости утраты, перешелъ къ намъ отъ сарматовъ и просуществовалъ тысячелѣтія.

Соображая теперь всѣ данныя находокъ этого мѣста, я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь былъ похороненъ князь, а изъ извѣстныхъ намъ, похороненныхъ въ монастырѣ Янки двухъ князей: Ярополка II Владиміровича, сына Мономаха и Владиміра Андреевича, привезеннаго изъ Дорогобужа, гдѣ онъ умеръ, надо скорѣе считать перваго, какъ ближе жившаго къ тому времени, когда устраивали такіе каменные гробы, какіе найдены были подъ Десятинной церковью; во вторыхъ, каменную гробницу могли устроить Кіевляне для любимаго своего великаго князя, но не устраивали ея для похоронъ чужого и не любимаго князя, сына Андрея Боголюбскаго, который принималъ дѣятельное участіе съ полчищемъ Андрея въ страшномъ ограбленіи Кіева въ 1170 г. «и грабиша въ немъ два дня, такожде и по монастыремъ и церквамъ, во третій же день зажгоша его такожде и всѣ монастыре и церкви огнемъ пожгоша и то сотворивше возвратишася во своясн, а людей всѣхъ связавше въ плѣнъ поведоша» (Ипатьевск. лѣтопись).

Сегодня кончили съемку земли съ иравой стороны усадьбы и въ продолженіе дня раскопано было пять могилъ и найденъ былъ скелетъ лося надъ мѣстомъ, гдѣ впослѣдствіи найдена была землянка, описаніе которой будетъ дальше, въ концѣ раскопокъ. Въ одной могилѣ найденъ былъ наперстный серебряный крестикъ позднѣйшаго типа,—двѣнадцати конечный, длины 30 м/м и ширины 22 м/м, очень тонкій, съ отверстіемъ вверху для шнурочка. На одной сторонѣ барельефное распятіе, а на другой Мадонна, во всѣхъ четырехъ концахъ орнаментъ; крестикъ Литовскаго періода.

6-го Марта. Сегодня кончился мѣсяцъ этой трудной, по измѣнчивости погоды, работы. Въ началѣ съемки больше было ясныхъ дней, чѣмъ теперь. Туманъ и пронизывающій холодъ ежедневно мучатъ насъ. Въ нѣсколькихъ аршинахъ къ западу отъ вчерашняго богатаго находками мѣста найдена могила, закрытая дубовымъ накатомъ, по снятіи котораго найденъ былъ скелетъ, лежавшій головой на сѣверъ, а ногами на югъ, на широкомъ полу изъ досокъ, которыми было выстлано дно могилы, на пространствѣ въ длину четыре, а въ ширину три аршина. Замѣтно, что для погребенія этого воина былъ приготовленъ просторный деревянный склепъ, но со временемъ накатъ истлѣлъ и провалился, засыпавъ могилу обрушившейся землей и порохней наката. Около скелета найдены были: желѣзный мечъ, весь изъѣденный ржавчиной и распавшійся на куски; копье, втулка котораго сохранилась, а остріе искрошилось, истлѣвшій лукъ и колчанъ со стрѣлами, желѣзные наконечники которыхъ слиплись въ кучу, но сохранились настолько, что на многихъ видны размѣры и форма, а при нѣкоторыхъ наконечникахъ сохранились даже части древокъ. Могила эта на планѣ раскопокъ обозначена буквой—ж. Колчанъ былъ изъ луба, обтянутаго кожей, и украшенъ костяными прямоугольными бляшками величиной 10 м/м въ квадратѣ, прибитыхъ къ колчану мѣдными гвоздиками. Колчанъ былъ положенъ съ ремнемъ, на которомъ его носили, и хотя ремень истлѣлъ, но осталась мѣдная пряжка (рис. № 88) и оковка наконечника ремня (рис. № 89, табл. XIII),

может быть здѣсь былъ похороненъ сынъ Андрея Боголюбскаго Володиміръ, князь Дорогобужскій, или другой воинъ Великокняжескаго періода. Стрѣлъ въ колчанѣ этомъ было около 50 штукъ; всѣ онѣ разной величины, формы и вѣса (см. табл. XXI), употребляемы были смотря по разстоянію, на которое приходилось ихъ выпускать; болѣе тяжелыя употреблялись на дальнее разстояніе. Длина наконечниковъ отъ четырехъ до десяти см. до стержней, которые забивались въ древца отъ 3/4 до одного вершка длины; мѣсто на древцѣ, гдѣ былъ вбитъ стержень, окручивалось вощенной, крѣпкой ниткой (шпагатомъ), какъ видно на рис. 90, пулеобразной стрѣлы. Ширина и форма всѣхъ наконечниковъ стрѣлъ снята въ натуральную величину, на таблицѣ, въ числѣ 14 штукъ разной величины и формы. Самымъ многочисленнымъ типомъ этихъ стрѣлъ, количество которыхъ преобладало въ колчанѣ, была форма стрѣлы, изображенная на табл. XXI, подъ № 91. Копье же не сохранилось въ цѣлости, но такъ какъ оно было совершенно той же формы и близко времени съ копьемъ, найденнымъ мною въ Роднѣ (рис. № 92, табл. XXI) и хорошо сохранившимся, то я представляю въ рисункѣ наконечникъ копья изъ Родни. Длина втулокъ одинаковая, около трехъ вершковъ (13 см.). Наружный діаметръ трубки 32 м/м, а ширина отверстія для древца 24 м/м; втулка выкована изъ кубоваго желѣза, очень крѣпка и тяжеловѣсна, въ ней остался поперечный гвоздь, прикрѣплявшій ее къ древку. Втулка постоянно съуживается до 15 м/м и здѣсь начинается расширеніе копья, которое доходитъ въ началѣ до 62 м/м, а потомъ постепенно съуживается и оканчивается остріемъ. По срединѣ длины идетъ гребень съ обѣихъ сторонъ наибольшей его толщины. Вообще копья X столѣтія были тяжелы, ими былъ вооруженъ пѣшій строй, древца ихъ были не больше трехъ аршинъ, но ударъ ихъ былъ такъ силенъ, что пробивалъ кольчугу; конница имѣла копья болѣе длинныя и легкія, чѣмъ копья пѣхоты. На этой же таблицѣ изображены наконечники дротиковъ въ натуральную величину того же времени, найденные въ Роднѣ (рис. №№ 93 и 94). Въ остальныхъ четырехъ могилахъ ничего примѣчательнаго не найдено. Около части усадьбы, оставленной г. Кривцовымъ съ фруктовыми деревьями и не планированной, въ лѣвомъ углу съемки вырыты были три большіе куска гранитнаго камня неправильной формы. Одинъ изъ этихъ кусковъ былъ больше аршина въ діаметрѣ, другіе поменьше, и съ этого мѣста началась по направленію къ оставшемуся садику, какъ бы съ разобраннаго фундамента, стѣна краснаго кирпича, величины подходящей къ современному; но съ той особенностью, что когда одна сторона кирпича гладкая, то оборотная рубчаста, какъ бы пальцами были проведены борозды вдоль кирпича для крѣпости спайки. Можетъ быть, здѣсь въ литовскій періодъ была постройка, которой начало мы увидѣли на границѣ съемки и объ этомъ фактѣ больше говорить не приходится. Объясненіе наступитъ въ будущія времена, если этотъ садикъ будутъ раскапывать, а теперь же я,—какъ очевидецъ, записываю для памяти будущимъ изслѣдователямъ этого мѣста видѣнное мною. Сегодня раскопаны были посдѣднія могилы на снятомъ пространствѣ. Предположенное въ проектѣ пространство для съемки въ общемъ было скопано и вывезено. Количество грабарокъ и землекоповъ значительно сокращено и съ слѣдующаго дня началась детальная обдѣлка съемки, т. е. углубляли и равняли лѣвую

сторону, снимали тумбы и бугры, дѣлали выемки для подвальныхъ этажей, погребовъ, фундаментовъ и другихъ хозяйственныхъ надобностей. Эти добавочныя работы продолжались до перваго апрѣля. Чтобы не утомлять вниманіе читателя, я съ сего числа оставляю повѣствованіе въ формѣ дневника раскопокъ, а опишу отдѣльные эпизоды, видѣнные мною при очисткѣ этого мѣста, имѣющіе историко-археологическое значеніе; а потомъ опишу разные предметы и случайныя находки, собранныя внѣ могилъ на раскопанномъ пространствѣ.

На выравненной площади владѣлецъ, инженеръ и архитекторъ, провелъ на землѣ линіи будущаго дома, опредѣлилъ мѣсто, гдѣ будетъ помѣщаться ледникъ, и велѣлъ его копать, желая покамѣсть утилизировать углубленіе ледника для разбалтыванія известки (сусло). Для этого пришлось выкопать углубленіе, еще въ три арш. глубже, что составило съ прежде снятыми 4-мя арш. углубленіе на семь арш. отъ первоначальной поверхности. Эта выемка производилась въ глубинѣ усадьбы по плану съемки подъ буквой з и была производима на 9 аршинахъ въ длину и четырехъ аршинахъ въ ширину.

9-го и 10-го марта. Грабарщики съ телѣжками въ началѣ выемки въѣзжали по длинѣ въ глубь ямы, а землекопы накидали имъ вынутую землю, какъ вдругъ одна лошадь провалилась и когда ее вытащили съ телѣжкой, то дальнѣйшій въѣздъ былъ запрещенъ. На мѣстѣ провала оказалось значительное количество мякоти и пыли гнилого дерева и части сгнившихъ дубовыхъ столбовъ. Дальнѣйшая раскопка и очистка, за которой я неотступно началъ слѣдить, показала: что въ этомъ мѣстѣ очень давно передъ тѣмъ временемъ, въ которое здѣсь строились Великіе князья Кіевскіе, и глубже отъ уровня кладбища монастыря Янки была въ древности построена землянка въ 7 арш. длины и 4 ширины. Въ землянкѣ были вкопаны столбы, четыре по длинѣ и три въ ширинѣ, считая вмѣстѣ съ угловыми; стѣны и крыша заметаны кругляками. Сводчатый входъ въ землянку былъ выдолбленъ въ материкѣ съ западной стороны, подобно пещерному ходу. Въ этой землянкѣ найденъ былъ очагъ (рис. № 95, табл. XV), обожженный и обкуренный, сложенный изъ плитокъ глины, спаянныхъ известкой такъ прочно, что уголъ очага я перевезъ на извозчикѣ по мостовой нѣсколько верстъ до музея и очагъ не развалился. Очагъ вышиной въ $4^1/_2$ вершк., стѣнки его внизу толще, около $2^1/_2$ вершк., а вверху $1^1/_2$ вершка; очагъ былъ, вѣроятно, квадратной формы и длина стѣнокъ была не меньше аршина съ каждой стороны квадрата; но мы по оставшейся части можемъ видѣть только его высоту и не разсыпавшіяся части двухъ сторонъ угла около $5^1/_4$ вершк. длины. Мѣсто, въ которомъ найденъ очагъ подъ уровнемъ Великокняжескаго кладбища, уже достаточно говоритъ объ его древности. Плитки, съ которыхъ онъ сдѣланъ, остались двѣ; одна въ 5 вершк. ширины при $3^1/_2$ верш. высоты и $1^1/_4$ вершк. тощины, другая въ углу приставлена къ первой и имѣетъ ту же высоту и толщину, но всего 2 вершк. ширины. Какъ спайка, такъ и наружная обмазка произведены были какимъ то известковымъ составомъ, который отъ древности сдѣлался снаружи похожимъ на цементъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ землянкѣ, были: побитые куски трубчатыхъ костей крупныхъ животныхъ, нѣсколько кусковъ янтаря и нѣсколько череп-

ковъ терракотовой посуды, греческаго производства. Безъ сомнѣнія, что при правильной археологической раскопкѣ предметовъ можно было найти больше, но это не отъ меня зависѣло; я собралъ, сколько могъ собрать при данныхъ условіяхъ выемки. Въ то же самое время, т. е. 10-го марта, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ выемки подъ ледникъ, производилась выемка земли для подваловъ дома и на глубинѣ пяти аршинъ отъ поверхности земли найденъ скелетъ верблюда, челюсть котораго совершенно сохранилась со всѣми зубами; черезъ недѣлю въ другомъ мѣстѣ выемки для подвала нашли скелетъ другого верблюда и нѣсколько кусочковъ янтаря; кромѣ того, при глубокой выемкѣ для водопроводной трубы и для подвальнаго этажа, въ нѣсколькихъ мѣстахъ найдены были глубокія ямы, вырытыя въ землѣ въ формѣ кувшина, или амфоры съ узкимъ спускомъ черезъ шею ямы, въ родѣ горла сосуда, черезъ которое могъ спуститься по веревкѣ человѣкъ и также по веревкѣ вылѣзть. Ямы эти, постепенно расширяясь ко дну, достигали около 4 аршинъ ширины и до 4 аршинъ глубины. Ямы эти вырыты въ плотномъ глинистомъ материкѣ и обожженныя въ древности служили прекрасными зернохранилищами (рис. № 96, табл. V). Одинъ археологъ объяснялъ назначеніе этихъ ямъ, что это были западни, такъ называемыя волчьи ямы, которыя дѣлались передъ фронтомъ укрѣпленія. Мнѣніе это ошибочно, во первыхъ, потому, что ямы найдены внутри древнихъ укрѣпленій; во вторыхъ, что волчьи ямы, строившіяся передъ укрѣпленіемъ, были обыкновенные рвы, прикрытые фашинникомъ и дерномъ, и окружали укрѣпленія въ шахматномъ порядкѣ съ промежутками для выхода гарнизона. Въ узкую же вверху яму зернохранилища, еслибы и упалъ человѣкъ, то задержался бы руками въ шейкѣ ямы.

Императоръ Маврикій, византійскій историкъ VI столѣтія, въ описаніи Славянъ упоминаетъ, что они производятъ много пшеницы и проса, которыя они для сохраненія ссыпаютъ въ ямы (413 стр. Забѣл., т. I). Какъ ряды этихъ ямъ, такъ и найденные верблюды, землянка, греческія амфоры, янтарь и очагъ убѣдили меня, что на этой горѣ задолго на начала Руси жилъ человѣкъ, торговавшій хлѣбомъ и янтаремъ, къ которому пріѣзжали на верблюдахъ съ юга купцы. Этотъ человѣкъ, основавшій торговое значеніе Кіева, выбралъ себѣ мѣсто на горѣ, потому что на этой горѣ онъ могъ устроить себѣ сухія зернохранилища, въ которыхъ могъ долго сохранять зерновой хлѣбъ. На другихъ кіевскихъ горахъ много подпочвенной воды и горы осовываются (Михайловская, Царскій садъ, вдоль набережнаго шоссе), равно и въ низменныхъ мѣстахъ Кіева, зернохранилища оказались сырыя и не годныя. Доставка съ горы по Боричеву ввозу въ устье рѣчки Почайны и оттуда въ Днѣпръ была самой близкой и удобной съ этого мѣста горы; въ другихъ же мѣстахъ Кіева съ песчанымъ материкомъ совершенно невозможно было устроить зернохранилища. Теперь мы постараемся разгадать, кто это былъ основатель торговли въ Кіевѣ.

1) Исторія Россіи Соловьева. Т. I, стр. 98 и 99. Послѣ упоминанія о лѣтописныхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, безъ объясненія ихъ народности, повторяется нѣсколько разъ, что Кіевъ былъ притономъ ищущихъ приключеній Варяговъ и сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся плыть въ Черное море и Грецію. По новѣйшимъ

изслѣдованіямъ И. Забѣлина (Исторія русской жизни, 509 стр.), повторено преданіе временника Нестора. Лѣтописные, Нестеровы основатели Кіева были Поляне, три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь; во имя старшаго брата Кія, на его горѣ построили городокъ и назвали его Кіевъ; «можно полагать» — говоритъ г. Забѣлинъ, «что въ именахъ этихъ братьевъ и сестры скрывается темная память не о лицахъ собственно, но о цѣлыхъ земляхъ, для которыхъ городъ Кіевъ въ незапамятное время былъ средоточіемъ и живою связью, былъ мѣстомъ населенія приходившаго люда отъ этихъ земель.» Имя Кій напоминаетъ г. Забѣлину Хуновъ, или Хоановъ, упоминаемыхъ Птоломеемъ. «Не происходитъ ли кіевлянинъ Щекъ изъ недалекой страны, Эксампея, или Аксіака. Имя Хоривъ напоминаетъ имя отца Болгарскихъ племенъ Кувратa, а имя Лыбедь напоминаетъ страну Лебедіасъ, гдѣ то вблизи Дона». Шлецеръ въ своемъ толкованіи лѣтописей (стр. 181, т. I) придерживается преданія, записаннаго Несторомъ: «Иніи же невѣдуще ркоша, яко Кій есть перевозникъ былъ. У Кіева бо перевозъ бяше тогда съ оноя страны Днѣпра.» На основаніи этого преданія Шлецеръ находитъ весьма естественнымъ, что нѣкто по имени Кій державъ всегда въ готовности лодку для перевоза, чѣмъ и питался. На мѣстѣ, удобномъ для перевоза, въ началѣ стала хижина Кія, потомъ это мѣсто заселилось и обстроилось въ деревню, а далѣе сталъ городъ.

Послѣ произведенныхъ мною раскопокъ, я пришелъ къ слѣдующему соображенію объ основаніи Кіева. За четыре столѣтія до христіанской эры въ нашей странѣ жили Скифы—Оратаи, самое богатое племя между скифами, потому что они занимались земледѣліемъ, производили и продавали много хлѣба, въ которомъ Греки часто нуждались. Неурожаи, періодически появлявшіеся въ Греціи, и торговая предпріимчивость заставляли Грековъ оставлять родину и поселяться въ прибрежьяхъ южной Россіи. О неурожаяхъ и голодѣ въ древней Греціи мы знаемъ изъ исторіи Босфорскаго царства, что Левконъ, царь Босфора (393—353 до Р. Хр.) спасалъ Грецію въ голодные годы, снабжая ее продовольствіемъ, за что благодарные Аѳиніяне почтили его съ дѣтьми званіемъ почетнаго гражданина. За тѣ же благодѣянія Аѳиніяне поставили у себя статую Парисада Босфорскаго царя въ 310 г. до Р. Х. По вышеизложеннымъ причинамъ Греки, селясь на прибрежьяхъ Понта (Чернаго моря), основали въ Южной Россіи много колоній: Пантикапею, Фанагорію, Херсонесъ и другія, и вмѣстѣ съ ними основали важныя для нашей мѣстности колоніи по Днѣпру. Первою основана была Ольвія, у соединенія рѣки Бугъ съ Днѣпровскимъ лиманомъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Ильинское (Порутино тоже). Основали ее, какъ изложено это событіе въ прекрасномъ сочиненіи Рауль—Рошета (Histoire critique de l'etablissement des colonies Grèques par M. Raul-Rochette. T. III p. 315) Греки изъ Милета. Плиній называлъ ее Olbia miletopolis. Основаніе ея совершилось во второй годъ XXXI Олимпіады, т. е. въ 655 г. до Р. Хр. Ольвія стала въ скоромъ времени первостепеннымъ торговымъ городомъ, закупавшимъ для отсылки въ Грецію продукты нашего правобережнаго Днѣпра, заселеннаго Скифами - земледѣльцами. Кіевская губернія,—этотъ плодороднѣйшій уголокъ Россіи,—снабжала Ольвію зерновымъ хлѣбомъ, скотомъ, невольниками, безкостной вкусной рыбой изъ Днѣпра (какъ осетръ—Acipenser Stu-

rio, стерлядь—Acip. Ruthenus и судакъ—Ac. Stellatus), да кромѣ того, драгоцѣннымъ янтаремъ, въ которомъ Греки нуждались, какъ для обряда погребенія, посыпая имъ костеръ при сожженіи тѣла покойника, такъ и для куренія фиміамовъ передъ идолами и производства бусъ. Участвовавшіе въ походѣ Дарія 513 г. до Р. Хр. на Скифію Малоазійскіе и жившіе по островамъ Греки сопутствовали у прибережья Понта войскамъ Дарія на своихъ корабляхъ и заходили въ Ольвію, гдѣ они узнали о богатствѣ нашего Приднѣпровья. Между этими Греками были какъ Хіосцы съ острова Хіоса, такъ и Хіанцы, жившіе, по опредѣленію Птоломея, на малоазійскомъ берегу супротивъ Византіи. Аріанъ же называетъ ихъ Кіанеями. Въ царствованіе малодушнаго царя скифовъ Арипитеса, около 460 г. до Р. Х. (по Сестренцевичу), Греки часто приставали къ побережьямъ Скифіи и устраивали новыя торговыя колоніи. Развращенные и малодушные Скифы уступали Грекамъ прибрежья, отступая къ Тавріи. Подвигаясь вверхъ по Днѣпру внутрь плодородной Украины, Греки поочередно основали: Мелитополь, Херсонъ или Sorinum, Никополь и Кіевъ. Названія свои часто эти поселенія получали отъ названія поселившихся въ нихъ колонистовъ.

По лѣтописи Еустата (тоже сочиненіе Рауль-Рошета, стр. 393), Фанагорія называлась по имени грека, Фанагораса, бѣжавшаго изъ Персіи и основавшаго этотъ городъ. На стр. 394 находимъ извѣстіе, что близъ Фанагоріи былъ городъ Гермонаса; первымъ тамъ поселился грекъ Мителинецъ съ женой Гермонасой; мужъ основалъ свое поселеніе, но жилъ недолго, а по его смерти продолжительное время устраивала свое поселеніе жена его и,—городъ получилъ названіе по имени жены. Нашъ Мелитополь получилъ свое названіе тоже отъ основателей—грековъ изъ Милета; вѣроятнѣе всего, что поселившіеся на нашихъ горахъ Хіосцы, или Хіанцы, либо Кіанеи были причиной, что современники называли поселеніе Кіосы Кіанами, которые позднѣе перемѣнились въ Кіевлянъ и Кіевъ. Нашъ лѣтописецъ Несторъ далъ основателю города собирательное имя «Кый», признавъ его Поляниномъ; видно, что преданія его времени, т. е. въ 1110 г. по Р. Хр., не шли въ такое отдаленное время, какъ 460 г. до Р. Хр., и такія отдаленныя происшествія забылись въ памяти современниковъ Нестора; между тѣмъ, какъ прибрежный торговый центръ плодороднѣйшей страны Скифовъ-Оратаевъ—Кіевъ былъ заселенъ уже въ ихъ время много раньше появленія тутъ Полянъ. Всѣ найденные въ языческихъ могилахъ, здѣсь раскопанныхъ, предметы и на шести-аршинной глубинѣ подъ уровнемъ великокняжескихъ пестроекъ и кладбища Янкина монастыря, черепки сосудовъ изъ прекрасно приготовленной глины терракоты амфорной формы *) неопровержимо разъяснили мнѣ, что Кіевъ основанъ былъ много раньше появленія здѣсь Полянъ въ шестомъ столѣтіи нашей эры. Одна амфора, которой верхъ съ двумя ручками и горлышкомъ въ цѣлости я сохраняю, оказалась той же формы и величины, какъ и найденная извѣстнымъ археологомъ Шлиманомъ въ раскопкѣ знаменитой Трои, воспѣтой въ пѣсняхъ Гомера (Ausgrabungen Troja von Dr. Heinrich Schlieman, 243). Изъ найденныхъ

*) Ссылаюсь на свидѣтелей: владѣльца усадьбы инж. Кривцова, его приказчиковъ и рабочихъ, строившихъ домъ. Когда я зашелъ 3-го апрѣля на постройку, то владѣлецъ показалъ мнѣ много поколотыхъ амфоръ, найденныхъ въ послѣдніе дни при углубленіи погребовъ, въ шестомъ и седьмомъ аршинахъ ниже уровня поверхности сьемки.

пяти прящей одинъ чечевичной формы (рис. 97, т. XII), другой особенной яйцеобразной формы (рис. 98, т. XII), третій формы яблока; не попадавшіеся доселѣ въ раскопкахъ Южной Россіи, оказались совершенно однородными съ прящами Трои, изображенными на стр. 128, подъ № 47 того же описанія. Бронзовый гвоздь и каменная яшмовая форма для его отливки, изображенные на табл. XIV р. 144 145, доказываютъ глубокую давность поселенія; гвоздь меньшей длины, но формой похожъ на гвоздь Трои, на 100 стр. того же сочиненія изображенный; подобныя и глиняныя мисочки на высокихъ стоянцахъ, на 40-й стр. подъ № 6, и терракотовыя головки схожи съ формой мраморной головки, съ 240 стр. того же сочиненія. Уже перечисленныхъ предметовъ достаточно было для меня, чтобы убѣдиться, что Кіевъ основанъ былъ предъ пришествіемъ Христа и самимъ позднимъ временемъ для этого надо считать царствованіе Скифа Арипитеса, т. е. около 460 г. до Р. Х.; хотя я считаю по множеству пещеръ, найденныхъ кругомъ Кіева, что онъ былъ обитаемъ много раньше V стол. до Р. Хр., но указанное время я опредѣляю, какъ время основанія его торговаго значенія. Днѣпръ былъ главной торговой дорогой, которой сплавливались товары Балтійскаго побережья (Варяжскихъ странъ) въ Черное море и Грецію: олово, свинецъ, янтарь, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, а изъ сѣверо-западныхъ губерній—дорогіе мѣха, отъ насъ хлѣбъ, холсгъ, невольники и скотъ. Изъ Греціи въ обмѣнъ мы получали вино, персики, финики, грецкіе орѣхи, серебряныя, золотыя и стеклянныя издѣлія, деревянное и благовонное масла, бисерныя и смальтовыя украшенія, дорогія ткани, паволоки и др. предметы. Кіевъ былъ на срединѣ этого воднаго пути и въ немъ совершался обмѣнъ этихъ продуктовъ Уже Геродотъ за 450 л. до Р. Хр. зналъ о судоходномъ значеніи Днѣпра, указывая на торгъ хлѣбомъ въ его прибережьяхъ. Несторъ лѣтописецъ объясняетъ судоходное значеніе Днѣпра такъ: «Поляномъ же, живущимъ особь по горамъ симъ, и бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру: и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати, и по Ловати внити въ Ильмеръ озеро великое; изъ него же озера потечеть Волховъ, и втечеть въ озеро великое Нево; и того озера внидеть устіе вморѣ Варяское. И потому морю внити доже и до Рима; а отъ Рима прити по тому же морю кЦарю-Граду, и отъ Царя-Града прити вПонтъ море. Внеже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Волковскаго лѣса, и потечеть на полудни. А Двина изъ того же лѣса потечетъ, и идетъ на полуночіе, и внидетъ въ морѣ Варяское. Истогоже лѣса потечетъ Волга на востокъ и втечеть седьмю десять жерѣлъ вморе Хвалійское». (Шлецеръ т. I, стр. 153). Въ этомъ сказаніи Нестора видно, какое великое значеніе въ понятіяхъ современниковъ имѣлъ Днѣпръ; оно выражено въ томъ смыслѣ, что Полянинъ, сойдя съ горы въ Днѣпръ, можетъ по немъ проѣхать какъ въ Балтійское, Черное и Каспійское моря, такъ равно въ Римѣ и Константинополѣ побывать. Это значеніе Днѣпра происходило отъ движенія по немъ торговли, но ничуть нельзя понимать въ значеніи путешествій, которыми въ то время люди не забавлялись, какъ теперь. Торговое значеніе Кіева не только важно было, какъ центральнаго мѣста для обмѣна товаровъ прибрежныхъ странъ Варяжскаго и Понтійскаго морей, но по найденнымъ двумъ верблюдамъ подтвердились извѣстія о торговыхъ его сно-

шеніяхъ съ восточными народами: Хазарами, Болгарами приволжскими и Арабами. Г. Забѣлинъ, на 382 стр. т. II, перечисляетъ слѣдующіе предметы, получаемые нами съ востока изъ-за Хвалійскаго или Каспійскаго моря: «Индійскія и Китайскія бумажныя и шелковыя ткани, ковры, перецъ и пряныя зелья, дорогіе камни, серебряныя и золотыя вещи, особенно пояса и конскій уборъ, барсовыя и сафьянныя цвѣтныя кожи. Пардусъ—барсъ былъ очень извѣстенъ древней Руси и кожами Пардуса, вѣроятно цѣлыми съ шерстью, замѣнявшими ковры, князья дарили другъ друга какъ лучшимъ и дорогимъ подаркомъ. Съ востока же приходило и оружіе: Дамасскіе, Демешковые булатные клинки ножей и сабель». Почти всѣ перечисленные здѣсь товары не громоздки и удобно могли быть перевозимы на верблюдахъ кратчайшимъ сухимъ путемъ. Свои товары Арабы и Персы вымѣнивали на бобровыя, лисьи и куньи шкурки и янтарь. Торговля янтаремъ сдѣлала Кіевъ извѣстнымъ въ древнѣйшія времена у восточныхъ и южныхъ народовъ и, какъ сказалъ Шлецеръ, еслибы не было янтаря, то историческія извѣстія о сѣверныхъ странахъ запоздали бы на 500 лѣтъ. Уже Гомеръ въ пѣсняхъ Одиссеи вспоминаетъ, что въ пламень костра, на которомъ сжигали тѣло Аякса, бросали янтарь (Нарбута Dzieie star. narodu Litewskiego. T. II, str. 458). Греки еще въ древнѣйшія времена посылали своихъ моряковъ и странствующихъ купцовъ изъ Милетскихъ колоній у Понта Эвксинскаго вверхъ по Борисфену (Днѣпру) для полученія драгоцѣннаго янтаря отъ Гипербореевъ (сѣверныхъ народовъ); такимъ образомъ впервые пройдена была по самой серединѣ восточная Европа съ юга на сѣверъ, отъ Чернаго моря до береговъ Балтійскаго къ Пруссіи, единственнаго мѣста нахожденія янтаря. Уже Финикіяне, первоначальные торговпы янтаремъ во времена Гомера, добывали его съ Балтійскаго прибрежья, но скрывали свой путь. Да и греки берегли тайну добыванія товара, равноцѣннаго золоту. Въ передней Азіи и Архипелагѣ янтарь считался не только драгоцѣннѣйшимъ куреніемъ въ храмахъ боговъ и палатахъ царей, но и самимъ дорогимъ украшеніемъ наряда. Скоро и на западѣ, и въ Римѣ во времена императоровъ янтарь сдѣлался предметомъ значительнаго спроса. Плиній разсказываетъ, что императоръ Неронъ искалъ большое количество янтаря, чтобы украсить кораллами изъ него сѣти, окружавшія арены амфитеатровъ во время расточительныхъ звѣриныхъ и гладіаторскихъ боевъ. Для этого посланъ былъ сухимъ путемъ Римскій всадникъ черезъ Дунай и Панонію къ янтарному прибрежью, къ мысу Baltica. (Истор. Русск. жизни Забѣлина. Т. II, стр. 28). Янтарь почитался древними прекраснымъ и рѣдчайшимъ произведеніемъ природы, которое въ прихотяхъ роскоши цѣнилось выше золота. По свидѣтельству Плинія, янтарныя вещицы цѣнились такъ высоко, что сдѣланное изъ янтаря изображеніе человѣка, какъ бы мало оно ни было, превосходило цѣною живого и здороваго человѣка. О происхожденіи янтаря ходило много басень; между прочимъ, его почитали сокомъ солнечныхъ лучей, которые при закатѣ оставляли будто бы жирный потъ въ водахъ океана и потомъ отъ приливовъ выбрасывались на берегъ въ видѣ кусковъ янтаря. Янтарь добывался на Балтійскомъ побережьи въ устьяхъ Вислы и западной Двины, которая и сохраняла за собою имя Эридана. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что торговымъ путемъ черезъ Двину по Березинѣ и по Днѣпру,

янтарь проходилъ и въ Черноморскія колоніи Грековъ. Очевидцевъ же Балтійскаго моря въ Ольвіи не являлось, по той причинѣ, что размѣнъ товаровъ происходилъ, вѣроятно, еще въ верховьяхъ Двины и Днѣпра и, по крайней мѣрѣ, у Скифовъ-Оратаевъ въ Кіевской области. Да къ тому же купцы не охотно разсказывали о мѣстѣ, откуда добывался дорогой товаръ и свѣдѣнія о путяхъ въ такія мѣста держали въ тайнѣ. Впрочемъ, древнимъ также извѣстно было, что янтарь добывается изъ земли въ Скифіи въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ—бѣлый восковаго цвѣта, а въ другомъ мѣстѣ темно-красный. Извѣстно, что янтарь, какъ ископаемое, находится въ самомъ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, выше и ниже Кіева, въ глубокихъ оврагахъ, также и въ самомъ Днѣпрѣ у Канева и въ Неясытнецкомъ порогѣ, гдѣ его вытаскиваютъ вмѣстѣ съ рыбой сѣтями. Недавно г. Роговичъ открылъ около Кіева въ одномъ холмѣ цѣлый пластъ темно-сѣраго песку толщиною въ двѣ сажени, съ залежами янтаря; при чемъ на различной глубинѣ найдено болѣе 50 кусковъ янтаря различнаго цвѣта, нѣкоторые до двухъ фунтовъ вѣсу. (Забѣлинъ. Истор. Р. Ж. Т. I, стр. 225). Извѣстія Нарбута и Забѣлина о янтарѣ я дополняю моими свѣдѣніями, собранными въ сочиненіяхъ: Рауль-Рошета, Шлецера, Иловайскаго, Грабовскаго, Бобринскаго, Садовскаго, Фундуклея, Суровецкаго и многихъ другихъ.

Въ глубокой древности Финикіяне нашли янтарь, на западъ отъ Даніи, на прибрежьяхъ острова, который Римляне называли Glessaria. На своихъ корабляхъ Финикіяне развозили янтарь и снабжали имъ, на прибрежьяхъ Адріатическаго моря, Грековъ, Римлянъ и Галловъ. Этрусскіе купцы изъ верхней Италіи, производившіе много бронзовыхъ издѣлій, снабжали ими Римлянъ и всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Альпійскихъ горъ, вымѣнивая ихъ на произведенія тѣхъ странъ, а между прочимъ и на янтарь. Въ то время, когда извѣстенъ былъ источникъ янтаря на приморскихъ прибрежьяхъ странъ, лежащихъ на западъ отъ Даніи,—Этрусскіе купцы возили свои бронзовыя издѣлія на сѣверъ по двумъ направленіямъ, прежде всего черезъ Галлію, страну подвластную Римлянамъ, и тамъ находятъ въ раскопкахъ древнѣйшія формы бронзовыхъ издѣлій, извѣстныя подъ именемъ Галицкаго типа. Позднѣе Этруссцы направили путь свой по Рейну и формы бронзовыхъ издѣлій, находимыя въ при-рейнскихъ провинціяхъ и Бельгіи, носятъ названіе Рецкихъ. Но западные источники янтаря скоро изсякли, а появилось обиліе янтаря у впаденія р. Вислы при Балтійскомъ побережьи; поэтому торговля бронзовыми издѣліями передвинулась къ востоку и Этрусскіе купцы черезъ страны Реціи, Норика проходили къ побережьямъ Вислы и, поднимаясь къ сѣверу, находили ископаемый красный янтарь около рѣки Нарева и свѣтло-восковой янтарь на морѣ у прибрежья истоковъ Вислы, близъ города Данцига. Бронзовыя издѣлія, находимыя по этому пути, носятъ названіе типа Норицкаго, и по сравненіи ихъ съ такими же предметами, найденными въ Италіи, бронзы эти относятся къ V вѣку до Р. Хр.; слѣдовательно, и торговыя сношенія Римлянъ съ Балтійскимъ прибрежьемъ установились въ это же время. Торговля Этрусскихъ купцовъ съ прибрежьями Помераніи продолжалась до завоеванія Италіи Галлами въ 389 г. до Р. Хр.; но около 200 лѣтъ до Р. Хр., возобновляютъ обмѣнный торгъ съ Балтійскимъ побережьемъ Венеціане. Спустя 50 лѣтъ,

обмѣнный торгъ замѣняется на денежный, но вскорѣ эта торговля уменьшилась и забыты были торговые пути въ этомъ направленіи, потому что Римляне перестали употреблять янтарныя украшенія. Въ началѣ христіанской эры вздумалось императору Нерону сдѣлать янтарную сѣтку надъ Колизеемъ, для защиты зрителей во время гладіаторскихъ представленій и скачекъ отъ солнечныхъ лучей, и Плиній разсказываетъ въ своей Historia Naturalis XXXVII, § 45, что Неронъ послалъ Римскаго всадника (eques Romanus) для разысканія янтаря. Всадникъ разыскалъ путь къ Балтійскимъ прибрежьямъ и вернулся съ значительной добычей янтаря. Богатыя янтарныя прибрежья были передъ этимъ открыты у истоковъ рѣки Нѣмана выше Кенигсберга, на мысѣ (Bruster Orth). Съ каждымъ годомъ торговля янтаремъ въ Италіи и Греціи усиливалась. При Веспасіанѣ, Домиціанѣ и Траянѣ Римляне много его употребляли. Послѣ 106 г. Римляне завоевали Дацію и расширили свои границы на сѣверъ за Карпатскія горы и на востокъ до рѣки Днѣстра. Ближайшій путь къ янтарнымъ берегамъ передвинулся далѣе на востокъ и проходилъ теперь по Днѣстру вверхъ его теченія до притока Збручъ, изъ котораго волокомъ по болотѣ проходили въ западный Бугъ, Наревъ, Бобръ и по ручью, гдѣ нынѣ Августовскій каналъ, проходиди съ судами въ Нѣманъ, которымъ доплывали въ Куронскій заливъ (нынѣшній Куринсгафъ). Здѣсь на косѣ Балтійскаго прибрежья и мысѣ, называемомъ до сего времени Брустеръ-ортъ, Римляне получали лучшій янтарь, который на морскомъ прибрежьи всплывалъ на поверхность моря. На рѣкѣ же Бобръ Римляне закупали дорогіе бобровые мѣха, гдѣ въ изобиліи водились эти звѣрьки, на рѣкѣ же Наревъ получали ископаемый красный янтарь, находимый въ прибрежьяхъ этой рѣки. Во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ по указанному мною торговому пути, находятъ въ землѣ Римскія монеты и часто монеты Траяна имѣютъ прибавленіе къ титулу императора Dacicus. Въ это время Римская имперія владѣла всей Греціей, Малой Азіей и имѣла верховныя права надъ всѣми греческими колоніями сѣвернаго Понта, Таурико-Босфорскимъ царствомъ и Ольвіей. Намѣстники, войска и чиновники вводили элементы римскаго просвѣщенія и искусства въ подвластныхъ странахъ. Адріянъ сдѣлалъ Византію центромъ всемірной торговли странъ восточной Азіи съ западной Европой. Совершенствуя торговые пути, строилъ города (Адріанополь) и при немъ Византійскіе купцы черезъ Ольвію и Украину, вдоль Ингула близъ верховьевъ Тясмина, проходили къ рѣкѣ Роси, на которой жилъ бойкій, торговый Сарматскій народъ, названный впослѣдствіи Византійскими историками по имени названія рѣкъ, надъ которыми они жили: Роси и ея притоковъ Роськи и Росавы, именемъ Россы. Такъ называли ихъ Византійскіе и Арабскіе писатели IX и X столѣтія. У Иловайскаго, на стр. 19 его Исторіи Россіи, находимъ подобное мнѣніе въ словахъ: «Въ Кіевской области сосредоточилось наиболѣе энергичное, наиболѣе предпріимчивое Россаланское племя Поляне, или Рось въ тѣсномъ смыслѣ».

Этотъ путь извѣстенъ былъ Ольвійскимъ купцамъ съ древнѣйшихъ временъ; его совершали караваномъ, и перевозили товары на волахъ и верблюдахъ. Путь по Днѣпру, вверхъ супротивъ теченія его, съ судами, нагруженными товаромъ, былъ невозможенъ для греческихъ купцовъ: во-первыхъ, потому, что быстрое теченіе

русла рѣки этого не допускало; во вторыхъ, что частые каменистые пороги заграждали для судовъ рѣку вплоть до Екатеринослава. Мы видимъ, что въ 971 г. Святославъ, возвращаясь изъ Болгаріи, плылъ на ладьяхъ съ своей дружиной внизъ по Дунаю и около сѣверныхъ береговъ Чернаго моря прошелъ въ Днѣпръ и поднялся до пороговъ; но лѣтописецъ Несторъ говоритъ: «И пріиде Святославъ къ порогамъ и не бѣ лзѣ проити порогъ. И ста зимовати въ Белбережи; и не бѣ у нихъ брашна и бѣ гладъ великъ». (Несторъ по Шлецеру. Т. III, стр. 602). На весну 972 г. измученная лишеніями голода дружина, хотя и поднималась черезъ пороги по Днѣпру, но Куря, князь Печенѣговъ, всю дружину Святослава и его самого истребилъ. Какъ въ наше время, такъ и въ старину, товары провозили во время весенняго половодья внизъ по Днѣпру и тамъ разбивали, или продавали суда и возвращались сухимъ путемъ.

Что греческіе купцы возили къ намъ свои товары по указанному мною торговому пути, удостовѣряетъ насъ много археологическихъ находокъ, найденныхъ въ этомъ направленіи. Изъ мѣстностей, больше другихъ изслѣдованныхъ на этомъ торговомъ пути, въ уѣздахъ: Каневскомъ, Черкасскомъ и Чигиринскомъ найдены близъ рѣки Тясмина, графомъ Ал. Бобринскимъ, въ курганахъ Холоднянской экономіи: золотыя бляшки съ изображеніемъ грифа, Этрусская ваза, бронзовые кинжалы; близъ с. Ротмистровки—желѣзная позолоченная маска. У села Залевки найденъ кладъ золотыхъ шейныхъ обручей, браслетъ, серегъ греческой работы и въ окрестностяхъ Смѣлы собрано графомъ Бобринскимъ 23 римскихъ монеты императоровъ: Траяна, Нервы, Адріана, Антонина и другихъ (Курганы Смѣлы, гр. Ал. Бобринскій). Въ описаніи М. Грабовскаго, на стр. 53 (Ukraina dawna), мы находимъ перечисленіе селъ Чигиринскаго уѣзда, въ которыхъ найдены монеты Римскія, Ольвійскія и Босфоро-Кимерійскія; между прочимъ, упоминается, что въ с. Биркахъ послѣ каждаго проливнаго дождя крестьяне находятъ на пескѣ Римскія монеты; было нѣсколько случаевъ, что этихъ монетъ въ иныхъ мѣстахъ находили по нѣсколько сотъ за-разъ. Ф. Чацкій въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ, что онъ собралъ на Тясьминѣ много монетъ императоровъ Нервы, Траяна, Адріяна и Ольвійскихъ; въ этомъ же описаніи Грабовскаго находимъ описаніе найденныхъ въ Каневскомъ уѣздѣ, въ курганахъ при с. Лазурцахъ: этрусской вазы, съ III столѣтія до Р. Хр., украшенной живописью, изображающею пляску воиновъ, и сосудъ коринфской мѣди; въ курганѣ при с. Осотѣ Чигиринскаго уѣзда—кольцо и фигурка бронзовыя, съ этрусской символистикой (Falus); въ курганахъ возлѣ с. Ромейковки, Зенигородскаго уѣзда, найденъ Афинскій шлемъ и поножія, золотыя бляхи съ изображеніемъ грифа и бляха съ изображеніемъ птицы, раздирающей рыбу (знакъ Ольвіи). Такія же находки попадались и другимъ археологамъ, раскапывавшимъ курганы на этомъ торговомъ пути; но перечислять ихъ въ этомъ бѣгломъ очеркѣ не мѣсто. Такое изобиліе монетъ по этой дорогѣ указываетъ намъ, что въ этомъ направленіи ходили купцы, покупавшіе товары, продовольствіе для себя и обоза своего; они расплачивались этими деньгами, которыя мѣстные крестьяне называютъ Ивановы головки. Вѣроятно, въ эти времена на этомъ пути были для ночлеговъ и приваловъ устроены

постоялые дворы, склады для товаровъ и базары. До нашего времени въ м. Стеблевѣ, на каменистомъ островѣ, окруженномъ рѣкою Росью, видны развалины каменныхъ стѣнъ и фундаментовъ, которые мѣстные жители называютъ греческимъ замкомъ. Здѣсь былъ большой торговый городъ и развалины его тянутся вдоль рѣки на двѣ версты, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону замка. Такіе же торговые значительные города были въ этой мѣстности, на развалинахъ коихъ стоятъ теперь села: Бирки, Квитки, Корсунь, Сахновка, гдѣ найдена надгробная каменная плита съ греческой надписью, с. Турья и др. (Фундуклей. Обозрѣніе могильн. вал. Кіевск. г., стр. 120).

Всѣ эти находки и развалины ясно доказываютъ намъ, что греческая торговля черезъ Ольвію направлялась по этому пути къ устью рѣки Роси и среднему теченію Днѣпра и обходила сухимъ путемъ Днѣпровскіе пороги. Указаніе намъ даетъ на это географъ Птоломей въ своемъ описаніи Сарматіи, который въ отдѣленіи 5-мъ книги III упоминаетъ о городѣ Metropolis на Борисфенѣ, близъ истоковъ Роси, подъ градусомъ 56° 30′ сѣверной широты. Въ разъясненіяхъ Садовскаго (Drogi Handlowe, 29 стр.), исправивъ ошибку градусныхъ измѣреній, получилъ онъ 49° 20′. Вѣроятно, упоминаемый городъ былъ Древняя Родня, у впаденія Роси въ Днѣпръ, гдѣ нынѣ село Пекари. Тамъ, въ произведенныхъ мною и гг. Самоквасовымъ и Бѣляшевскимъ раскопкахъ, найдено нами много цѣнныхъ золотыхъ украшеній и предметовъ, древностію своею восходящихъ до каменнаго вѣка. Этотъ древнѣйшій торговый пунктъ впослѣдствіи получилъ важное стратегическое значеніе, а торговля его уменьшилась по неудобству пристани и потому, что началъ возвышаться въ торговомъ значеніи Кіевъ. Теперь можно думать, что названіе Metropolis относилось не собственно къ Роднѣ, или Кіеву, но означало у Птоломея административный и торговый центръ, который лежалъ въ этой мѣстности, въ странѣ Россовъ. Птоломей считалъ Березину, Припеть и верхній Днѣпръ за три рукава Борисфена, въ которыхъ производилась оживленная мѣновая торговля. Изъ упоминаемыхъ имъ торговыхъ пунктовъ были: Leinum, при истокѣ Яселды въ Припеть, Sarum, на верхнемъ Днѣпрѣ; изъ нихъ сѣверные товары шли въ разные края. Leinum, теперешній городъ Пинскъ, посредничалъ въ обмѣнѣ товаровъ Балтійскихъ, сплавливаемыхъ по рѣкѣ Нѣману въ Днѣпръ, на товары, идущіе съ юга. Дальше упоминаетъ о г. Niosa (Чернобыль), Amadoca (Лоевъ), Azagarion (Гомель) и въ вершинѣ Днѣпра Sarum (гдѣ теперь Орша); отсюда товары переволакивались на Двину и притоки Ильмени.

Мнѣ кажется, что въ настоящее время я объяснилъ вкратцѣ торговый путь янтаремъ въ нашей мѣстности. Болѣе подробное разсмотрѣніе и опредѣленіе направленія этого пути потребовало бы спеціальнаго труда и описанія, не входящаго въ программу настоящаго описанія раскопокъ. Но для понятія важнаго значенія моихъ находокъ янтаря, я считалъ необходимымъ уклониться немного и познакомить неспеціалистовъ съ этимъ предметомъ. Не могу не упомянуть еще, что въ нашей мѣстности, на побережьяхъ Днѣпра въ Кіевск. губ., не проходитъ года, чтобы въ Днѣпрѣ, или въ обвалахъ около Днѣпра не находили большихъ кусковъ янтаря. Многіе окрестные жители слыхали, что у меня есть собраніе древностей и что все

находимое въ землѣ я покупаю для музея; а потому часто приносятъ мнѣ для продажи янтарные куски темно-бураго цвѣта. Разумѣется, что изъ такихъ находокъ девять десятыхъ разбиваютъ и крошатъ дѣти по незнанію, другіе же куски поступаютъ къ лавочникамъ и т. д.

На раскопанномъ мѣстѣ по Трехсвятительской улицѣ найдено было до тридцати кусковъ янтаря; одинъ изъ нихъ былъ больше вершка въ діаметрѣ, другіе меньшіе. Большинство кусковъ—мѣстнаго темнаго янтаря, но нѣсколько кусковъ въ изломѣ свѣтло-восковаго цвѣта Балтійскаго янтаря. Янтарь находили ниже трехъ-аршиннаго уровня въ разныхъ мѣстахъ раскопанной площади; вѣрнѣе всего, что это были куски, уроненные при торговлѣ имъ въ древнія времена. По найденнымъ кускамъ можно судить, что на Кіевской горѣ бойко торговали янтаремъ, когда успѣли обронить столько этого драгоцѣннаго товара, который цѣнился наравнѣ съ золотомъ. Изъ всего здѣсь сказаннаго, какъ объ янтарѣ, такъ и о торговлѣ имъ, можно убѣдиться, что, благодаря янтарю, Кіевъ раньше другихъ городовъ сдѣлался славнымъ и извѣстнымъ на юго-западѣ. Ольвійцы и Византійцы привозили на верблюдахъ свои товары, за которые вымѣнивали драгоцѣнный янтарь. Не думаю, чтобы Скифы, земледѣльцы Кіевской области, занимались добычей и торговлей янтаремъ. Скорѣе можно думать, что за это дѣло взялся въ началѣ юркій и болѣе образованный торговецъ-грекъ, который и поселился здѣсь на Кіевской горѣ. Примѣры этому и въ наше время мы видимъ ежедневно: всѣ новыя промышленныя, горнозаводскія предпріятія починаютъ у насъ теперь нѣмцы, какъ въ старину починъ имъ дѣлалъ грекъ. Славянинъ любитъ ходить протертой дорогой,—это черта народнаго его характера.

Гончарное искусство, жертвенные и похоронные сосуды.

Обиліе похоронной посуды въ раскопанныхъ могилахъ было столь значительно и формы ея столь разнообразны, что я, приступая къ описанію произведенныхъ раскопокъ усадьбы г. Кривцова, рѣшился выпускать описанія сосудовъ каждой могилы порознь, довольствуясь упоминаніемъ только о найденныхъ сосудахъ. Я считалъ болѣе важнымъ, въ обзорѣ этого отдѣла находокъ, дать общую характеристику найденнымъ тамъ издѣліямъ церамики, подобравши найденные сосуды и черепки по времени, способу производства и по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы. Осматривая все собранное количество этихъ черепковъ, мы видимъ главное различіе въ приготовленіи матеріала и въ цвѣтѣ глины, изъ которой были сдѣланы сосуды; а за этимъ цвѣтомъ матеріала слѣдуетъ и различіе формы сосудовъ, которые были излюблены разными народностями, похороненными на Кіевской горѣ. Преобладающими, какъ по количеству, такъ и по величинѣ сосудовъ въ раскопанныхъ могилахъ, были желто-коралловыя терракотовыя амфоры греческаго производства. Всѣ эти амфоры и горшки довольно велики. Другой же родъ сосудовъ малаго размѣра были кувшинчики и горшки Полянъ и Россовъ изъ черной, или темно-сѣрой глины

мѣстнаго производства, по своей формѣ болѣе поздняго времени; въ большей части муравленые внутри, иногда же муравленые, какъ снаружи, такъ и внутри. Меньше всего было сосудовъ темно-сѣрой глины, совсѣмъ не муравленыхъ и безъ орнаментовъ, формы кувшинчиковъ, для напитковъ или жертвенныхъ мисочекъ, горшечковъ Полянъ, безъ всякихъ орнаментовъ и безъ ручекъ. Не смотря на глубокую давность заселенія Кіевской горы, я не нашелъ ни одного похороннаго сосуда, который бы былъ сдѣланъ руками безъ помощи гончарнаго круга. Не находилъ я тѣхъ первобытныхъ горшковъ, вылѣпленныхъ руками, неправильной формы, какіе мнѣ случалось находить въ курганныхъ могилахъ Кіевской и Екатеринославской губерній. Въ курганахъ Яблоновки, Марьянки, Сергіевска, Скибина я нашелъ горшки темно-сѣрой глины, которая была смѣшана или съ крупнымъ кварцевымъ пескомъ (жвиръ), или съ толченымъ глинистымъ порфиромъ. Стѣнки сосудовъ толстыя, округленіе извилистое; края сосудовъ и толщина стѣнокъ неровные и невыглаженные. На Кіевской горѣ всѣ найденные сосуды сдѣланы были съ помощью гончарнаго круга, округленіе правильное на всѣхъ сосудахъ; какъ на внутренней стѣнкѣ, такъ и на наружной сторонѣ видны горизонтальныя полоски, получаемыя при нажиманіи пальцевъ на вертящійся на кружалѣ сосудъ при его выдѣлкѣ. Что гончарный кругъ былъ у насъ извѣстенъ раньше, чѣмъ его узнали другіе народы, объ этомъ свидѣтельствуетъ Плиній (Lib. VII, § 57), который утверждаетъ, что выдѣлку и обжиганіе посуды изъ глины изобрѣлъ Коребусъ Аѳиніянинъ (Histoire de la Céramique par Edouard Garnier, p. 62); а гончарный кругъ изобрѣлъ Анахарсисъ Скифъ. На основаніи этого извѣстія понятно стало намъ, что въ древнемъ поселеніи Скифовъ, въ Кіевск. губ., рано узнали способъ выдѣлывать посуду на гончарныхъ кругахъ и такую доставляли на Кіевскую гору пригородніе Скифы, бывшіе уже болѣе образованными, чѣмъ жившіе далеко отъ торговаго центра Скифы сс. Рубанки, Яблоновки, Сергіевска, Марьянки, въ могилахъ которыхъ, хотя и Кіевской губерніи, но сосуды были ручной лѣпки.

Чтобы сдѣлать себѣ правильное мнѣніе и безошибочный выводъ изъ найденной посуды о времени, къ какому относится каждый изъ найденныхъ предметовъ, я долженъ здѣсь пояснить, что нѣкоторые сосуды найдены были въ насыпномъ уровнѣ въ могилахъ, вырытыхъ въ землѣ тронутой; а другіе въ могилахъ болѣе глубокихъ, вырытыхъ въ нетронутомъ материкѣ. Слой тронутой земли, пересыпной былъ около трехъ аршинъ на всемъ пространствѣ усадьбы. Произошла эта пересыпка поверхности вслѣдствіе рытья крѣпостныхъ рвовъ и насыпки валовъ древнихъ укрѣпленій, которыхъ профиль и контуры не разъ передѣлывались въ Литовское и Московское время, а также вслѣдствіе закапыванія столбовъ построекъ, рытья могилъ и измѣненія планировки. Вѣроятно, нѣсколько разъ эту площадь центральнаго укрѣпленія града Кыева поднимали еще передъ постройкой здѣсь Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1186 г. Янича монастыря, и могилы монастырскія были вырыты въ насыпной землѣ; между тѣмъ, какъ могилы языческія и греческіе сосуды, янтарь, землянка, верблюды и ямы зернохранилищъ найдены были ниже насыпнаго уровня въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ аршинахъ глубины, въ нетронутомъ материкѣ желтой глины. На основаніи только что объясненнаго различія горизонтовъ находокъ, я считаю

древнѣйшими сосудами Кіевской горы сосуды греческой терракоты. Особенность этой посуды, произведенной греческими гончарами, состояла въ отличномъ приготовленіи глины, употребляемой для выдѣлки посуды. Глину для такой посуды копали осенью и она полъ-года лежала выставленной на дѣйствіе морозовъ, вліяніе лучей солнца и перемѣнъ атмосферы; ее очищали отъ всѣхъ растительныхъ остатковъ и проростей, измельчали и просѣвали, какъ просѣваютъ муку. Глину эту, когда надо было приготовлять изъ нея тѣсто (pâte), гончары разстилали на полу каменномъ, или досчатомъ въ трехъ-аршинномъ кругѣ, и рабочій, смочивъ глину водою, долго мѣсилъ ее обнаженными ногами (opération du marchage), покамѣсть не обратилъ ее въ хорошо вымѣшанную пасту. Въ хорошо вымѣшанную глину доливали много воды до тѣхъ поръ, покамѣсть она не сдѣлалась совершенно жидкой и, взбалтывая эту жижу, пропускали ее медленно пройти черезъ желоба. Въ нихъ составныя части этой пасты сортировались. Тяжелый песокъ ложился на дно, растительныя части глины всплывали на верхъ и удалялись, а очищенная отъ нихъ паста сплывала въ особые пріемники, гдѣ отстаивалась въ однообразную массу, какъ тѣсто. По удаленіи лишней воды сверху, въ нѣсколько дней послѣ, вылѣпливали изъ этой пасты сосуды и на гончарномъ кругу давали имъ правильную круглую форму и равномѣрную толщину стѣнокъ; а по выдѣлкѣ, когда сосудъ окрѣпнетъ и просохнетъ подъ навѣсомъ, защищающимъ его отъ солнечныхъ лучей и сквознаго вѣтра, его обжигали въ печи, въ продолженіи около десяти сутокъ, при высокой температурѣ. Сосуды, найденные на Кіевской горѣ, въ своихъ изломахъ удостовѣряютъ совершенство приготовленія гончарной пасты; она однородна, желтовато-коралловаго цвѣта, безъ всякой примѣси песку, или постороннихъ тѣлъ. Не смотря на продолжительное пребываніе въ землѣ—около двухъ тысячелѣтій, черепокъ не раскисъ и до сихъ поръ твердъ и звонокъ.

Характеристика всѣхъ терракотовыхъ сосудовъ, здѣсь найденныхъ, была та, что они приготовлены были для коммерческихъ цѣлей. Собственно похоронныхъ типовъ вазъ, въ родѣ Этрусскихъ, Коринфскихъ урнъ, здѣсь не найдено. Преобладали два типа: амфоры съ острымъ дномъ, а чаще амфоры съ конусообразнымъ дномъ и двумя большими ручками и второй типъ—большіе горшки (стамносъ) съ двумя толстыми ручками и горлышкомъ болѣе широкимъ, чѣмъ у амфоръ, съ дномъ плоскимъ для постановки сосуда. Какъ амфора, такъ и стамносъ были сосуды для храненія (Vase à conserver): въ первомъ жидкихъ, а во второмъ—густыхъ или сыпучихъ предметовъ. Въ амфорахъ привозили изъ Греціи вино и деревянное или благовонныя масла, а въ стамносахъ пряности, краски, финики и другіе сыпучіе товары. Эти же сосуды съ привезеннымъ товаромъ оставались во множествѣ на Кіевской горѣ и служили ея древнѣйшимъ обитателямъ, какъ для хозяйственныхъ потребностей, такъ равно, по неимѣнію спеціально похоронныхъ сосудовъ, употреблялись ими при похоронныхъ обрядахъ и ставились при погребеніи тѣла въ могилы при покойникахъ, съ напитками и пищей.

Эти сосуды, принадлежавшіе основавшимъ торговлю Кіева грекамъ, я отношу ко времени отъ IV стол. до Р. Хр. по VI стол. христіанской эры, т. е. отъ конца Скиф-

скаго времени черезъ весь Сарматскій періодъ. Какъ видно изъ рисунковъ амфоры съ конусообразнымъ дномъ (рис. № 99, т. XVII), въ ней сохранялось вино или деревянное масло и она не могла стоять иначе, какъ въ вырытомъ въ землѣ гнѣздѣ, въ которое ее опускали до ручекъ. Углубленная въ погребѣ въ землю, амфора сохраняла прохладу напитковъ въ лѣтнюю пору. Величина ихъ была: высота 60 см., наибольшій діаметръ брюшка 50 см., діаметръ горлышка 7—8 см.; дно острое, формы опрокинутаго конуса. Стѣнки сосуда имѣли толщину около 8—10 м/м. Донышко было толще и тяжелѣе стѣнки сосуда. Двѣ ручки около горлышка были крѣпкія и просторныя, наибольшая рука могла ихъ удобно обхватить. Орнаментъ выдѣлывался при вращеніи сосуда на гончарномъ кругѣ. Онъ состоялъ изъ ряда параллельныхъ поясковъ, выпуклыхъ, на равномъ разстояніи одинъ отъ другаго горизонтально проведенныхъ. Болѣе древніе сосуды, находимые въ болѣе глубокихъ раскопкахъ, имѣли пояски шире. Этихъ горизонтальныхъ поясковъ на нихъ проведено было отъ 15 до 20, менѣе древніе имѣли отъ 30 до 35 поясковъ въ верхней половинѣ, которые дальше книзу уменьшались и вся нижняя часть сосуда имѣла гладкую поверхность. Между описанными амфорами попались нѣсколько совершенно гладкихъ амфоръ съ приподнятыми длинными ручками и продолговатымъ острымъ дномъ, въ концѣ котораго сдѣланъ шарикъ. Высота ихъ 65 см., а наибольшая ширина брюшка 26 см., внутренній діаметръ горлышка 4 см. Этого типа амфора размѣрами своими меньше и легче отъ прежде описанныхъ и служила, какъ для сохраненія жидкостей, такъ и для переноски воды изъ рѣки, или колодца (рис. № 100, т. XVII). Стамносы похожи на наши большіе горшки съ двумя ручками (рис. № 69, т. XVII). Размѣры ихъ различны. Отличаются они отъ амфоръ болѣе широкимъ горломъ и усѣченнымъ плоскимъ дномъ. Ручки ихъ широки и крѣпки, но коротки. Цѣлой рукой нельзя такъ удобно взяться за ручку стамноса, какъ въ амфорѣ. Кажется мнѣ, что поднимали стамносы, обхватывая стѣнки сосуда всей кистью рукъ подъ ушками, а въ ушко продѣвали только большой палецъ. Орнаментовъ на такихъ сосудахъ я не находилъ и замѣтилъ, что обработка матеріала менѣе тщательна, глина не столько однородна, а какъ-бы съ примѣсью гипса, который отдѣляется бѣлыми пятнами. Въ одномъ стамносѣ матеріалъ оказался однороднымъ съ лѣпнымъ орнаментомъ ниши, описанной прежде, и какъ снаружи, такъ и внутри сосудъ покрытъ свѣтло-шеколаднымъ цементомъ, такимъ-же, какимъ вылѣплены были орнаменты этой ниши. Стамносъ этотъ я считаю одновременно произведеннымъ и однимъ мастеромъ изъ того же матеріала, что и лѣпныя работы ниши; а поэтому можно его отнести къ княженію св. Ольги. На днѣ его до сихъ поръ сохраняется засохшее какое-то вещество; можетъ быть, остатки пищи, приготовленной для покойника и поставленной въ его могилу. Химики анализомъ опредѣлятъ наименованіе этой пищи; я же не умѣю и не имѣю времени этимъ заняться.

Во время нашествія Готовъ въ III стол., Гуновъ въ IV стол., и въ періодъ переселеній народовъ, торговля Кіева съ Греціей падала, и съ появленіемъ здѣсь Роксоланъ, а позднѣе Полянъ и Россовъ, въ могилахъ язычниковъ, на четырехъ и пятиаршинной глубинѣ, находимъ горшечки мѣстнаго производства. Похоронные сосуды

того времени сдѣланы въ видѣ кувшинчиковъ, какъ значится на рис. №№ 101 и 59, табл. III, или горшечковъ той же формы, какъ и современные горшечки. Общее отличіе посуды того времени, какъ отъ древнѣйшаго Скифо-Сарматскаго времени, такъ и отъ послѣдующаго Литовскаго періода и настоящаго времени, состоитъ въ томъ, что всѣ найденные горшки были производимы изъ сѣрой глины малыхъ размѣровъ. Вліяніе греческаго стиля: формы стройной, высокой вытѣсняется стилемъ скандинавскимъ; форма сосудовъ становится приземистой, брюхатой, ушка короткія, толстыя, нѣтъ той граціозности и соразмѣрности въ очертаніяхъ, какія находимъ въ греческихъ издѣліяхъ. Черепки посуды указываютъ намъ, что со времени занятія нашего юга, въ началѣ III столѣт., Готами и во весь періодъ переселенія народовъ, вліяніе скандинавской культуры пересилило зачатки греческой цивилизаціи и продолжалось до принятія христіанства, т. е. отъ III до X-го столѣтія. Подъ скандинавскимъ вліяніемъ родилось Кіевское гончарное искусство; это вліяніе выразилось больше всего въ приземистой формѣ сосудовъ. Еще сильнѣе это вліяніе отразилось на сосудахъ Литвы, Познанской области и у Чеховъ, гдѣ сожигали покойниковъ и тамъ производили сосуды спеціально для храненія пепла сожигаемыхъ тѣлъ покойниковъ; на нихъ ставили символическіе знаки: свастику или кругъ, какъ символъ вѣчности, стрѣлы Перуна и др. Въ Кіевѣ же не было обряда сожиганія тѣла, а потому спеціально похороннаго производства сосудовъ здѣсь не было. При покойникахъ ставили кувшины и горшечки тѣ же самые, какіе употребляли для домашнихъ потребностей. Символическихъ знаковъ на сосудахъ я не нашелъ. Зажиточный бояринъ, употреблявшій при жизни вино, когда умиралъ, то ему въ могилу ставили амфору съ виномъ, ту же самую, въ которой сохранялось его вино и въ которой оно было привезено изъ Греціи. Монашкамъ Янкина монастыря ставили въ могилахъ пищу въ обыкновенныхъ горшечкахъ, употребляемыхъ въ домашнемъ быту для приготовленія пищи.

Изъ всего разнообразнаго количества сосудовъ, найденныхъ въ могилахъ, найдено было только два кувшинчика, о которыхъ можно думать, что они были приготовлены спеціально для похоронъ (рис. № 101 и 59, табл. III); высота ихъ около $3^1/_2$ вершк., а наибольшая ширина около 2 вершковъ. Сдѣланы они изъ сѣрой глины, стѣнки толстыя, не обточенныя и не оглаженныя, съ двумя малыми въ верхней половинѣ выступами, въ которыхъ проткнуты палочкой отверстія для продѣванія шнурка. Орнамента, или знаковъ нѣтъ совсѣмъ, работы примитивной, неуклюжей, вылѣплены они пальцами и только въ горлышкѣ замѣтно, что они сдѣланы на гончарномъ кругу. Другіе горшечки украшены были при вращеніи на кругу параллельными бороздками въ верхней части только, да иногда, при началѣ расширенія, проведены ломанныя линіи, или выдавлены изъ середины бугорки, которые на наружной сторонѣ похожи на рядъ бородавокъ. Мурава употреблялась цвѣта желто-коричневаго или зеленая, какъ ярко-травянистаго весенняго, такъ и темно-зеленаго цвѣта. Стѣнки сосудовъ тоньше и ровнѣе, но матеріалъ темно-сѣрой глины, изъ котораго они сдѣланы, не прочный и, пролежавъ долгое время въ землѣ, раскисалъ и сосуды разваливались на части. Цѣлыхъ сосудовъ съ того времени не сохранилось,

а судя по черепкамъ, сохраненнымъ мною. видно, что величина ихъ небольшая и была весьма различна: отъ двухъ до четырехъ вершковъ высоты и ширины.

Самыми интересными сосудами я считаю мисочки на стоянцахъ, на которыхъ, вѣроятно, приносились и ставились предъ идолами приношенія. Близость храма Перуна отъ мѣста, гдѣ найдены эти стоянцы, вынуждаетъ меня сдѣлать это предположеніе. Другого практическаго житейскаго употребленія эти сосуды не могли имѣть, по крайней мѣрѣ, я не нашелъ, и предоставляю другимъ археологамъ найти болѣе правдоподобное объясненіе. Древность этихъ сосудовъ очень значительна, потому что формой своей они похожи на сосуды, найденные знаменитымъ археологомъ Шлиманомъ въ его раскопкахъ развалинъ Трои. На стр. 40—41 его описанія: Ausgrabungen Troja, находятся изображенія подобныхъ сосудовъ неуклюжей ручной работы и неправильной формы, какъ и Кіевскіе. Жертвенныя мисочки, которыхъ я нашелъ шесть (см. рис. №№ 102 и 103, табл. XIV), сдѣланы изъ глины свѣтло-коралловой, либо свѣтло-сѣрой. Матеріалъ неочищенный и разноцвѣтный въ изломѣ. На кругломъ столбикѣ, пустомъ въ серединѣ, высотою 11—13 см., а шириною 6–7 см., сдѣлана вверху мисочка, формой похожая на обыкновенное чайное блюдечко въ 13 см. діаметра. Подъ ней къ столбику придѣлана такая же другая мисочка; подставки у столбика нѣтъ, но основаніе его немного расширено и края правильно округлены,—поэтому сосудъ стоитъ прямо и довольно устойчивъ. Размѣры, какъ находящихся у меня, такъ и другихъ находящихся у владѣльцевъ усадьбы, разнообразные, но немного уклоняются отъ среднихъ размѣровъ здѣсь поясненныхъ. На этихъ мисочкахъ, по моему мнѣнію, клались: медъ, жертвенные хлѣбы, плоды, брашно или мясо, а можетъ быть, по лѣтописнымъ преданіямъ, отрѣзанный клокъ волосъ изъ головы или бороды жертвователя, и небогатые Кіевляне ставили эти жертвы предъ идоломъ Перуна. Одну такую мисочку я видѣлъ закопченную; на ней должно быть курили передъ идоломъ фиміамъ изъ пахучаго зелія, или янтаря.

Глиняныя и терракотовыя издѣлія для орнамента, а также кафли и игрушки найдены были въ значительномъ количествѣ на раскопанной площади. По матеріалу, способу производства, орнаменту и другимъ признакамъ, а также по глубинѣ, въ которой лежали эти предметы, необходимо раздѣлить эти находки по времени на два періода: предметы начала Руси, Великокняжескаго періода и предметы послѣ Монгольскаго періода, Литовскаго періода. Общій характеръ всѣхъ издѣлій Великокняжескаго періода тотъ, что всѣ эти предметы, предназначаемые для Великокняжескаго двора, сдѣланы были съ техническимъ совершенствомъ Византійскими мастерами. Прежде всего разсмотримъ кафли. Всѣ кафли этого времени сдѣланы изъ превосходно очищенной бѣлой фаянсовой глины сливочнаго (Crême) цвѣта. Паста густая, крѣпкая, какъ фарфоръ. Девятсотъ лѣтъ пролежавъ въ землѣ, она звонка и сухая и не прососалась влагой земли; глазурь и краски не поблекли и имѣютъ тотъ свѣжій видъ, какъ бы кафли сегодня разобраны были изъ печекъ и стѣнокъ. По цвѣтамъ орнамента кафли раздѣляются на два типа. Большинство кафель на

бѣломъ полѣ имѣютъ рисунокъ синій, а узоры втораго типа нарисованы на бѣломъ полѣ кофейнымъ цвѣтомъ, и поля межь ними покрыты зеленой краской; узкіе, параллельные контуры наведены желто-золотистой краской. Но зеленый цвѣтъ съ бѣлымъ преобладаютъ. По роду употребленія, для котораго кафли производились, онѣ подраздѣляются: на кафли для печекъ и кафли стѣнныя, для обдѣлки откосовъ дверей и оконъ; кромѣ того, были сдѣланы кафли гладкія, покрытыя разноцвѣтной поливой, формы правильныхъ квадратиковъ для облицовки половъ и стѣнъ. Величина и форма кафель соотвѣтствовала ихъ назначенію. Печныя кафли имѣли форму, похожую на современную, только формы верхнихъ карнизовъ были разнообразнѣе, какъ видно будетъ по рисункамъ. Въ этомъ отдѣлѣ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе: богатство, разнообразіе и сложность мотивовъ живописнаго орнамента. Фигуры людей, птицъ, цвѣтовъ, пейзажи съ видомъ построекъ окружены драпировкой или растительнымъ и линейнымъ орнаментомъ. На сохранившейся въ цѣлости большой печной кафлѣ (рис. № 104, табл. XXII), высота которой 22 см., а ширина 16¹/₂ см., мы видимъ въ серединѣ роскошно драпированнаго шатра двухъ стоящихъ людей: старика въ длиннополомъ кафтанѣ, обнимающаго молодого богатыря, одѣтаго въ свитку съ длинными рукавами, подпоясаннаго кушакомъ, сапоги съ высокими голенищами на выкатъ; на головѣ острая шапка съ опушкой, на плечи накинута бурка (корзно). На другихъ печныхъ кафляхъ не сохранилось изображеній фигуръ, помѣщавшихся на серединѣ; мнѣ достались куски съ окружающимъ фигуры разнообразнымъ орнаментомъ; эти куски изображены на рисункахъ №№ 105 и 106, табл. XXIII и рис. 115, т. XXIV. Карнизы печные разрисованы были травчатымъ орнаментомъ; они изображены на рисункахъ въ натуральную ихъ величину въ табл. XXIV, рис. №№ 107 и 108 и табл. XXVII, рис. 117, 118, 119, 120 и въ табл. XXV, рис. 146 и 147. Какъ формы этихъ карнизовъ, такъ равно и изображенія, сдѣланныя на нихъ въ натуральную величину и представленныя въ рисункахъ, будутъ виднѣе и понятнѣе, чѣмъ всякое описаніе. Кафли для облицовки стѣнъ были небольшихъ размѣровъ, большая часть ихъ имѣетъ высоту отъ 55 до 63ᵐ/ₘ, а ширина отъ 95 до 102ᵐ/ₘ; нѣкоторыя же были почти квадратныя около 63ᵐ/ₘ. На двухъ, сохранившихся въ цѣлости, изображены по срединѣ птицы: въ первой (рис. № 109, табл. XXV) изображенъ гусь, а во второй (рис. № 110, т. XXV) филинъ съ распростертыми крыльями; подъ обоими земля съ поросшей травою. Самыми интересными кафлями этого рода я считаю кафли съ разными видами и архитектурными изображеніями. На одной мы видимъ два круглые дома съ куполообразной крышей, стоящими между горъ, поросшихъ травою (рис. № 111, табл. XXVI). На другой въ такомъ же положеніи два квадратные дома съ плоскими крышами (рис. № 112, табл. XXVI); на третьей два меньшихъ и третій высокій домъ тоже съ плоскими крышами (рис. № 113, табл. XXVI); на четвертой черезъ оврагъ перекинутъ подъемный мостъ (рис. № 114, табл. XXVI). По исторіи архитектуры въ Греціи и Византіи, мы знаемъ, что тамъ строили дома, покрывая ихъ всегда или куполообразной или плоской съ малымъ наклономъ крышей, подобно позднѣйшимъ восточнымъ народамъ; на крышу по вечерамъ всходили обитатели домовъ, проводя здѣсь часто

и ночи и наслаждаясь прохладой воздуха (Древности Греческія и Римскія Н. Кошанскаго, собранныя Ешенбургомъ и Крамеромъ, т. II, стр. 165).

Византійскіе гончарные мастера, привезенные въ Кіевъ Владиміромъ Святымъ, или другими князьями, разрисовывая свои кафли, дѣлали на нихъ изображенія предметовъ, а въ особенности строеній, такихъ очертаній и такой формы, съ которыми они сжились и контуры которыхъ были привычны ихъ понятіямъ и техникѣ. Эти архитектурныя изображенія я считаю самымъ важнымъ признакомъ производства кафель по времени въ Кіевскій Великокняжескій періодъ. Характеромъ этого орнамента кафли разнятся отъ другихъ кафель Литовскаго періода и Суздальско-Московскаго Великокняжескаго времени. Кромѣ этого признака, самое техническое производство—приготовленіе глины, ея очистка, такъ отличается отъ кафель, производимыхъ во время Андрея Боголюбскаго, Іоанна Калиты въ сѣверныхъ городахъ, что, изучая оба рода кафель, мы невольно должны признать эту разницу производства. Сравнивая нѣсколько кафель Московскаго Кремля, находящихся у меня,— съ Кіевскими, я вижу, что Московскія были сдѣланы по образцамъ Кіевскимъ, значительно отличаясь отъ нихъ совершенствомъ техники; хотя въ обоихъ цвѣтъ красокъ и полива похожи, но рисунокъ Московскій очень грубоватъ и безформенный, драпировка и орнаментъ бѣдны, въ концепціи нѣтъ той плодовитости въ помыслахъ и разнообразія композиціи, какъ у Кіевскихъ мастеровъ. Цвѣтъ глины Московскихъ кафель красный, отличается отъ сливочнаго цвѣта Кіевскихъ кафель; хотя я считаю это мѣстное природное условіе не столь важнымъ, но все же видно, что когда въ Кіевѣ греческіе мастера нашли фаянсовую глину, то Московскіе мастера ее не умѣли розыскать. Главное же отличіе считаю въ приготовленіи матеріала. Глина Московскихъ кафель неоднородна и не очищена отъ крупнаго песку, щебня, она хрупка и ломка; это показываетъ неумѣлость московскихъ мастеровъ въ сравненіи съ греческими, умѣвшими лучше приготовлять и очищать глиняное тѣсто, какъ видно изъ моего разсказа въ началѣ описанія гончарныхъ издѣлій. Какъ изъ найденныхъ въ настоящей раскопкѣ стѣнныхъ кафель, такъ и въ сохраняющихся до нашихъ временъ постройкахъ нѣкоторыхъ городовъ, украшенныхъ кафлями, мы убѣждаемся, что Княжій дворъ на горѣ Кыева имѣлъ стѣны, или откосы дверей, оконъ, обложенныя кафлями. Въ запискахъ Императорскаго археологическаго общества, т. I, стр. 70—78, мы находимъ многія указанія на это: въ алтарѣ Новгородскаго Софійскаго собора, на горнемъ мѣстѣ, стѣны обложены квадратными и треугольными плиточками кафель цвѣта зеленаго, кофейнаго и желтаго, облитыми поливой. Въ Коложанскомъ храмѣ монастыря г. Гродно съ XII столѣтія наружныя стѣны украшали цвѣтными кафлями, на которыхъ изображены кресты. Въ Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ, основанномъ въ 1198 г., на внѣшней стѣнѣ вставлена кафельная плита, съ изображеніемъ распятія Христова. Кафли Коложанской и Владимірской церквей XII столѣтія были образцами для украшеній Московскихъ церквей (стр. 70). Образецъ обкладки кафлями подоконниковъ мы видимъ въ церкви Покровы Богородицы, что на Филяхъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Москвы, въ сѣверной ея сторонѣ, а также въ теремныхъ воротахъ Крутицкаго архіерейскаго дома, находящагося въ

Москвѣ. Лицевая сторона ихъ обложена узорчатыми кафлями; между окнами вставлены колонки, подъ ними протянутъ карнизъ. Во всѣхъ поименованныхъ здѣсь церквахъ осталась до нашихъ дней кафельная облицовка нѣкоторыхъ частей стѣнъ. Мастера, строившіе эти храмы въ XII столѣтіи, учились у Византійскихъ мастеровъ, вызванныхъ св. Владиміромъ и Ярославомъ изъ Византіи для постройки Кіевскихъ церквей: Десятинной, Софійской, Георгіевской, Ирининской и др.; эти же Кіевскіе мастера, строя церкви, строили и украшали княжескіе дома (Красный дворъ, Ярославовъ дворъ, Мстиславовъ дворъ). Если въ уцѣлѣвшихъ строеніяхъ съ XII столѣтія остались кафельныя украшенія стѣнъ, то мы можемъ утверждать, что кафельныя украшенія стѣнъ были несомнѣнно въ постройкахъ X и XI столѣтія, служившихъ образцами для русскаго зодчества XII и XIII ст. На болѣе позднія украшенія построекъ Руси могло имѣть вліяніе монгольское ценинное искусство, а впослѣдствіи Мавританскіе и западные образцы майоликовые; но предметы, найденные въ Княжемъ дворѣ, во всей ихъ совокупности доказываютъ вліяніе искусства Византійскихъ мастеровъ. Это Византійское вліяніе, судя по нѣкоторымъ находкамъ, началось еще при св. Ольгѣ, княгинѣ Кіевской.

Плитки для настилки пола въ Княжемъ дворѣ найдены въ маломъ количествѣ. Вѣроятно, первые князья, жившіе на этомъ мѣстѣ, предпочитали имѣть въ своемъ домѣ полъ деревянный, не такой скользкій и не такой холодный зимою. Какъ видно, византійскіе мастера впервые выдѣлывали кафельныя квадратныя плитки для пола Десятинной и Ирининской церквей; на 77 стр. I т. Записокъ Импер. археолог. общ. находимъ: «Полы выстилались изъ глиняныхъ лещадей, квадратныхъ, продолговатыхъ и треугольныхъ, расписанныхъ травами, узорами и личинами и облицованныхъ стекляными поливами. Эти лещади выдѣлывались точно также какъ и кафли. Украшать кафлями полы алтарей заведено было въ Россіи издревле, кажется, это украшеніе распространилось изъ Кіева, гдѣ въ XI вѣкѣ находимъ слѣды его въ Десятинной и Ирининской церквахъ».

Въ описаніи Кіева Николая Закревскаго, на стр. 286, находимъ краткій отчетъ объ результатахъ раскопки Десятинной церкви, произведенной на средства Кіевскаго митрополита Евгенія въ 1824 г. чиновникомъ V-го класса Кондратомъ Андреевичемъ Лохвицкимъ, вмѣстѣ съ настоятелемъ Десятинной церкви священникомъ Михаиломъ Кочаровскимъ. Послѣ открытія фундаментовъ въ боковыхъ притворахъ жертвенника и діаконника, найдены были полы изъ плитъ муравленныхъ на подобіе кафеля... На стр. 335 того же сочиненія видно, что тотъ же «Кондратъ Андреевичъ Лохвицкій въ 1833 г., при денежномъ пособіи фельдъ-маршала Сакина, разрылъ на южной сторонѣ ограды Софійскаго собора древній крѣпостной валъ, гдѣ нашелъ фундаменты церкви св. Ирины и тамъ найденъ былъ мозаическій полъ, выложенный изъ четыреугольныхъ плитокъ поливной горшечной работы». Въ 1886 г. я присутствовалъ при раскопкѣ усадьбы Чеботаревской, въ Кіяновскомъ переулкѣ. Раскопку эту производилъ нѣкій кладоискатель, кіевскій купецъ, который въ какихъ то баснословныхъ сказаніяхъ прочиталъ, что на этомъ мѣстѣ зарыто много денегъ. По снятіи бугра земли и мусора, найдена была древняя кладка фундаментовъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ, какъ треугольными, такъ круглыми и прямоуголь-

ными линіями. Мое присутствіе, можетъ быть, стѣсняло кладоискателя и я нѣсколько разъ пріѣзжалъ для наблюденій, но долго не оставался тамъ. О результатахъ этой раскопки, а равно найденъ ли былъ кладъ—не знаю, но видѣлъ много правильныхъ квадратныхъ плитокъ, облитыхъ желто-зеленоватой поливой, которыми былъ устланъ полъ этой постройки. Такъ какъ хозяйка усадьбы имѣла по договору право на часть найденныхъ тамъ предметовъ, то, по окончаніи раскопокъ, я къ ней поѣхалъ и купилъ у нея для своей коллекціи четыре плитки изъ этого пола, совершенно цѣлыя, нѣсколько шиферныхъ пряслицъ, бусъ и другіе мелкіе предметы.

Археологи кіевскіе стѣснялись вмѣшиваться въ это дѣло и никто не брался опредѣлять, какая на этомъ мѣстѣ была древняя постройка и объ этомъ фактѣ уже всѣ забыли. Размѣры найденныхъ и находящихся теперь у меня плитокъ, которыя сдѣланы изъ превосходно очишенной сливочнаго цвѣта глины, имѣютъ въ квадратѣ 11½ см. длины, а толщина ихъ 17 м/м. Въ истекшемъ 1892 г., раннею весною, была произведена значительная съемка насыпи близъ Золотыхъ воротъ, въ усадьбѣ Сѣтовой, купленной инженеромъ Позняковымъ для постройки громаднаго дома, который за прошлое лѣто онъ кончилъ. Извѣстно, что Ярославъ, построивъ въ 1037 г. Золотыя ворота, на верху ихъ устроилъ церковь. «У него же града суть златыя врата, посемъ церковъ на золотыхъ воротѣхъ Святое Богородице Благовѣщенье». Эти ворота въ 1240 г. были повреждены монголами. По донесенію Кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева въ 1745 г., Сенатъ повелѣлъ засыпать ихъ землей, дабы они не разсыпались. На этомъ мѣстѣ была высокая насыпь бастіона кіевскихъ укрѣпленій, построенныхъ фельдмаршаломъ Минихомъ при Аннѣ Іоанновнѣ, и засыпка воротъ сдѣлана была безъ затрудненія и въ этомъ видѣ Золотыя ворота просуществовали до настоящаго вѣка, и только въ 1832 г. упоминаемый К. А. Лохвицкій, получивъ отъ Кіевскаго военнаго губернатора позволеніе заниматься отысканіемъ древностей въ Кіевѣ, нашелъ Золотыя ворота и, по повелѣнію Императора Николая, ворота были отрыты и укрѣплены. Вся земля, покрывавшая Золотыя ворота, свалена была на то мѣсто, гдѣ теперь построенъ домъ Познякова. Навѣщая часто съемку земли въ этой усадьбѣ, производившуюся одновременно со съемкой близъ Трехсвятительской улицы, я нашелъ много интересныхъ древностей, описаніе которыхъ составитъ отдѣльную статью; здѣсь же я долженъ упомянуть о нѣсколькихъ плиткахъ изъ полу церкви Благовѣщенья, бывшей надъ Золотыми воротами. Онѣ гончарной работы безъ поливы, очень гладко сдѣланы изъ свѣтло-коралловой глины; съ обѣихъ сторонъ выглажены и найдены двухъ размѣровъ: болѣе крупныя имѣли 14½ см. ширины въ квадратѣ, а толщина 2 см., и другой размѣръ меньшій: 11¾ см. въ квадратѣ, а толщина 14 м/м. Въ нижнихъ же помѣщеніяхъ башенъ Золотыхъ воротъ, полъ былъ устланъ черными смолистыми плитами. На Княжемъ дворѣ найдено много кусковъ плитокъ изъ тяжеловѣсной сѣрой глины, цемента, лешаднаго камня и известковой штукатурки, покрытой фресковыми красками. Вѣроятно, что эти куски плитокъ разныхъ цвѣтовъ: канареечнаго, бѣлаго, розоваго, сѣраго составляли облицовку стѣнъ и пола Андреевской церкви Янчина монастыря. Такихъ же кафель гончарныхъ безъ поливы, какія я нашелъ около Золотыхъ во-

ротъ и какія найдены были въ церкви св. Ирины, а равно поливяныхъ кафель, похожихъ на кафли Десятинной церкви и постройки въ Кіяновскомъ проулкѣ, я на Княжемъ дворѣ не нашелъ. Въ могилѣ, раскопанной 4-го марта, найдена была подъ головой скелета гончарная кафля безъ поливы крупныхъ размѣровъ, длина 177, а толщина 25м/м; величиной своей она похожа на древній кирпичъ, но старательно съ обѣихъ сторонъ выглажена, канты отчетливо отдѣланы; а главное, паста, съ которой она сдѣлана, совершенно однородна съ пастой ниши, украшенной лѣпнымъ орнаментомъ, и съ пастой стамноса, описанныхъ мною раньше. Вѣроятно, кіевскіе гончары временъ св. Ольги не нашли еще хорошей фаянсовой глины для своихъ издѣлій въ Кіевѣ, а потому, очистивъ глину ко̀ралловаго цвѣта, они накидали ее въ гипсовое сусло (жидкій растворъ) и тамъ ее вымѣшивали. Такъ приготовленная паста имѣетъ разнообразные цвѣта, идущіе волнистыми струями, и бѣлые слои гипса смѣшиваются въ разныхъ тонахъ съ коралловыми слоями глины. Этой перемѣшкой глины съ гипсомъ первобытные Кіевскіе мастера надѣялись придать крѣпость своимъ издѣліямъ, недостаточную въ красной глинѣ, но впослѣдствіи во Владимірово время, когда найдена была превосходная масткая фаянсовая глина, гончарныя издѣлія производились только изъ ново-найденной глины и смѣшиваніе съ гипсомъ послѣ того не повторяется. Къ числу гончарныхъ издѣлій того времени принадлежатъ: нѣсколько лѣпныхъ орнаментовъ и части колонокъ, ставившихся въ окошечкахъ и печкахъ (рис. №№ 121 и 122, т. XXVII). Двѣ головки свѣтло-желтой глины, очень интересной архаической работы, какъ видно по рисункамъ №№ 123 и 124, т. XVIII, да четыре дѣтскія игрушки: одна, поврежденная, представляетъ утку съ утятами (рис. № 70, т. XVIII);. вторая съ тисненнымъ орнаментомъ кубической формы, въ полтора вершка, раскрашена коричневою пятнистою глазурью (рис. № 125, т. XVI); въ одной сторонѣ кубика сдѣлано окошечко, а въ пустой срединѣ стоятъ двѣ фигурки, какъ видно на рис. № 126 той же таблицы. Можетъ быть, это домашніе идолы—пенаты римскіе,—или подобные боги, какіе существуютъ въ наше время у Японцевъ, которые своего домашняго бога покрывали чехломъ, прорѣзывали въ уровень съ головой щелочку, дабы идолъ могъ черезъ нее наблюдать за поведеніемъ жильцовъ дома. Третья: утка со свисткомъ (рис. № 127, табл. XVIII). Эти три игрушки покрыты свѣтло-желтой поливой и разукрашены. Четвертая: найденъ тамъ же, изъ той же свѣтло-желтой глины, свистокъ формы коника, похожій на современный (рис. № 128, табл. XVIII); онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что по немъ мы видимъ, какъ долго въ народномъ употребленіи сохраняются принятыя формы такихъ дешевыхъ издѣлій. Пятая. Голова какого-то звѣря (рис. № 129, табл. XVIII) съ отбитыми ушами безъ туловища.

Гончарныя издѣлія Литовскаго періода.

По времени, промежутокъ нѣсколькихъ столѣтій раздѣляетъ гончарное производство Великокняжескаго времени въ Кіевѣ отъ такихъ же издѣлій въ Кіевѣ Ли-

товскаго періода. Съ наступленіемъ XII столѣтія, удѣльные князья, въ борьбѣ между собой за владѣніе Кіевскимъ Великокняжескимъ столомъ, разрушаютъ и жгутъ первопрестольный городъ. Въ спорѣ Изяслава съ Георгіемъ Владиміровичемъ 1148—1151 г. Кіевъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, переходилъ съ бою семь разъ изъ рукъ въ руки. Изяславъ Давыдовичъ съ Половцами въ 1157 г. истребилъ огнемъ и мечемъ весь Подолъ. Андрей Боголюбскій, съ завистью взиравшій на первенство Кіева, въ 1169 г. 8-го марта окружилъ городъ войсками и взялъ его приступомъ. Три дня грабили его ратники жителей города, дома, монастыри, богатыя церкви: Софійскій, Десятинный и Печерскій храмы и похитили драгоцѣнныя иконы, облаченія, книги и лучшіе колокола увезли. Съ этого года опустошенный Кіевъ совершенно обѣднѣлъ и потерялъ навсегда первенствующее значеніе. Междоусобія продолжались и послѣ, жертвой которыхъ, чуть не ежегодно, былъ Кіевъ. Романъ Галицкій въ 1204 году 1 января, вспомогаемый Половцами, взялъ приступомъ городъ и ограбилъ все, что могъ увезть, забравъ всѣ иконы съ окладами, сосуды, одежды Владиміра, Ярослава и другихъ князей, висѣвшія въ храмахъ; а Половцы умерщвляли старыхъ и недужныхъ, а молодыхъ и здоровыхъ заковывали въ цѣпи и угоняли въ плѣнъ, и сожгли городъ. Хотя Кіевъ въ скоромъ времени опять заселился и обстроился, но въ 1240 г. Монголы его доконали, ограбивъ не только все, что было въ домахъ и храмахъ, но розыскали и разграбили даже княжескія могилы и звѣрски вырѣзали все населеніе. Народъ сѣверо-восточныхъ заднѣпровскихъ областей и юго-западныхъ губерній бѣжалъ отъ ножа монголовъ на западъ и прятался въ лѣсахъ и недоступныхъ болотахъ боровъ Литвы. Эта мало-населенная область, въ послѣдующіе 80-тъ лѣтъ, сдѣлалась столь могущественной между сосѣдними государствами и такъ заселилась, что Литовскій князь Гедиминъ могъ собрать значительное войско и, не боясь Монголовъ, занялъ Украину и Кіевъ 1321 г. Опустошенный столько разъ Кіевъ былъ похожъ долгое время на деревню; раскинутыя избушки на обширныхъ усадьбахъ, огороженныхъ хворостомъ, крытыя соломой или тростникомъ (очеретомъ), въ продолженіи XIII, XIV и XV столѣтій, съ населеніемъ недоходившимъ до 4000 душъ, имѣлъ видъ бѣдной деревни и только замокъ, т. е. крѣпость, построенная Литовцами на возвышенностяхъ Уздыхальницы и Киселевки, ограждала жителей передъ набѣгами татарскими. Но мы видимъ, что еще въ 1416 г. татарскій ханъ Эдигей осаждалъ Кіевскій замокъ, сжегъ и ограбилъ всѣ церкви и Печерскую обитель, а Менгли-Гирей ханъ Крымскій въ 1482 г. взялъ штурмомъ замокъ и ограбилъ весь городъ и монастыри. Только съ конца XV столѣтія Кіевъ сталъ поправляться; по повелѣнію Казиміра Ягелончика, короля Польскаго, изъ приднѣпровскихъ земель собрано было около 20,000 народа, переведеннаго въ Кіевъ для заселенія города; многія льготы и Магдебургское право улучшили положеніе Кіевлянъ, и городъ началъ застраиваться. Сдѣлавши бѣглый очеркъ всѣхъ ударовъ судьбы на многострадальный нашъ городъ, мнѣ теперь легко доказать, что какъ строительное искусство, такъ и вспомогательное къ нему—гончарныя издѣлія, кафель, посуда, украшенія храмовъ, должны были прекратиться послѣ разоренія полчищами Андрея, а тѣмъ болѣе послѣ Монголовъ; греческіе мастера и мѣстные ихъ ученики изъ города на-

шего разбѣжались или были побиты. Искусство во время этихъ смутъ совершенно пало, издѣлія этихъ мастеровъ никому не были нужны въ этой пустынной деревушкѣ и, только со временемъ, когда поселились здѣсь воеводы и Кіевъ сталъ пентромъ управленія Украины, а городъ началъ заселяться, то тогда понадобились мастера и возобновилось производство разныхъ издѣлій по новымъ образцамъ новыхъ потребностей. Греческіе образцы кафельныхъ издѣлій лежали преспокойно, какъ на мѣстѣ Десятинной церкви, такъ и на мѣстѣ Княжаго двора, зарытые глубоко подъ землей до нашихъ дней; но теперь, когда они добыты, мы можемъ отличить ихъ отъ предметовъ производства Литовскаго періода по совершенству техники и матеріала. Великокняжескія кафли были нами описаны и мнѣ остается дополнить мое описаніе раскопокъ краткимъ перечисленіемъ предметовъ гончарнаго искусства Литовскаго періода. Кафли Литовскаго періода совершенно разнятся отъ кафель Великокняжескаго времени, какъ матеріаломъ, изъ котораго онѣ изготовлены, такъ и формой своей и цвѣтами поливы; размѣры печныхъ кафель таковы: горизонтальная длина 21—22 см., а высота около $12^1/_2$ см. (рис. № 130, т. XXVIII и рис. 131, т. XXIX). Узоръ сдѣланъ въ видѣ древесныхъ вѣтвей съ листьями и акантусами, возвышающихся рельефно на вдавленномъ вглубь полѣ; они сдѣланы изъ обыкновенной красно-желтой глины, а рельефный рисунокъ произведенъ надавливаніемъ пальцевъ, или ладонью съ внутренней стороны кафли на лицевую стѣнку, лежащую на дощечкѣ, въ которой углубленъ требуемый орнаментъ. Способъ этотъ называется réroussé. Кафли въ большинствѣ покрыты зеленой поливой, но много также было найдено кафель, въ которыхъ фонъ былъ покрытъ частью свѣтло-зеленой по краямъ, а въ серединѣ кофейной, синей, или темно-зеленой поливой; самый же рельефный орнаментъ по преимуществу бѣлый и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желтый, свѣтло-зеленый и синій (рис. № 132, т. XXVIII). Найденныя колонки (рис. № 133, т. XXIX) покрыты темно-зеленой поливой; черезъ всю ихъ длину сдѣланы отверстія для продѣванія желѣзныхъ прутьевъ, которыми колонки укрѣплялись при постановкѣ въ окошечкахъ, или печныхъ нишахъ. По способу приготовленія матеріала мы удостовѣрились, что техника Византійскихъ мастеровъ была совершенно забыта и невѣдома Кіевскимъ мастерамъ Литовскаго періода. Глина этихъ кафель, подобно московскимъ, плохо очищена, ломка и, не смотря на то, что эти кафли пролежали въ землѣ половину того времени, что кафли византійскихъ мастеровъ, но онѣ больше крошатся и меньше ихъ добыто цѣлыми, чѣмъ первыхъ. Такая же самая разница замѣчается и въ кирпичномъ производствѣ, которое я подробно не описываю, такъ какъ думаю, что это было до меня изучено и описано другими въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по архитектурѣ. Вспомнивъ теперь споръ двухъ археологовъ, во время засѣданія VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ, о древности какой-то постройки и что въ этомъ спорѣ обѣ стороны основывали свои доказательства на величинѣ древнихъ кирпичей моего собранія, въ научныхъ интересахъ, я считаю полезнымъ приложить здѣсь табличку размѣровъ древнихъ кирпичей моего собранія, отмѣчая размѣры, сохранившіеся въ цѣлости и оставляя пробѣлы для тѣхъ размѣровъ, которыхъ величина отломана и неизвѣстна мнѣ въ настоящую минуту; но пробѣлы ко-

торыхъ могутъ быть впослѣдствіи дополнены мною, или каждымъ другимъ и записаны въ соотвѣтственной рубрикѣ.

	Длина.	Ширина.	Толщина.
Для сравненія размѣры Кіевскаго современнаго кирпича въ миллиметрахъ	270	135	75
Кирпичъ Литовскаго періода гладкій	280	155	65
Того же періода лицо гладкое, а оборотная сторона рубчастая	270	140	60
Великокняжескаго времени кирпичъ Софійскаго собора	353	312	45
Кирпичи Золотыхъ воротъ	376	286	31
» найденные на Великокняжескомъ дворѣ 1)	290	190	30
» временъ Всеволода Ярославича 2)	290	190	41
Кирпичный зубецъ теремной башни	302	263	40
Древнѣйшій кирпичъ изъ глины, смѣшанной съ крупнымъ кварцовымъ пескомъ р. Днѣпра	—	—	27
Сырецъ не обожженный, а просушенный на солнцѣ, сдѣланный на подобіе тесаннаго камня	—	100	85

Заключеніе.

Оканчивая описаніе моихъ изслѣдованій на раскопанномъ пространствѣ бывшаго Княжаго двора, я считаю своимъ долгомъ объяснить внимательному читателю моего дневника раскопокъ и тѣ соображенія, которыя я вынесъ изъ открывавшейся постепенно предо мною картины прошедшей жизни на раскопанномъ мѣстѣ. Не читавшихъ дневника раскопокъ я прошу не читать и сего заключенія, потому что они могутъ вывести несправедливое для меня мнѣніе и заподозрятъ меня въ вымыслѣ. Прочитавши эпилогъ, трудно судить по немъ о содержаніи всей повѣсти.

За много столѣтій передъ христіанской эрой, еще въ каменный Неолитическій періодъ, на Кіевскихъ горахъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ, поселялись люди. Межь этихъ горъ, изрытыхъ оврагами, густо протекали ручьи: Почайна, ручей на перевесищѣ (гдѣ Крещатикъ), Кіянка, притокъ рѣки Глубочицы, соединяющейся съ Почайной, и р. Лыбедь, изливавшіеся въ Днѣпръ. Первые люди, по склонамъ горъ, рыли себѣ пещеры, вездѣ имѣя вблизи воду для питья. Этихъ пещеръ до сихъ поръ найдено было до сорока; а находимые каменные полированные предметы и гончарные черепки архаической техники показываютъ намъ, что здѣсь поселеніе было людное; по найденнымъ же въ окрестностяхъ Кіева скелетамъ мы видимъ, что эти люди были низколобые. Питались они рыбой, которую тутъ же ловили въ Днѣпрѣ, и мясомъ дикихъ кабановъ, которыхъ много водилось на Кіевскихъ горахъ и клыки которыхъ постоянно находятъ на всемъ пространствѣ Кіева, и, кромѣ того, ѣли

другихъ лѣсныхъ звѣрей. Но для приправы пищи, они нуждались въ соли и принуждены были ѣздить за нею на югъ къ лиманамъ, близъ устья Днѣпра, гдѣ прибрежные жители Ольвіи добывали соль (Описаніе древнихъ медалей Ольвіи Бларамберга, стр. 22). Занимаясь рыбной ловлей для своего пропитанія, они на водахъ Днѣпра ловили янтарь. Рыбу и янтарь на лодкахъ-насадахъ они возили на югъ и вымѣнивали ихъ на соль, вино и паволоки. Изъ лѣсистыхъ верховьевъ Днѣпра и его притоковъ сѣверные жители привозили шкурки пушнаго звѣря, медъ, воскъ, янтарь Балтійскаго побережья и вымѣнивали въ Кіевѣ на соль, зерновые продукты; а Кіевляне везли эти продукты на югъ и опять вымѣнивали съ греческими колонистами на соль и другія произведенія Греціи. Во время похода Дарія на Скифію въ 511 г. до Р. Хр., сопутствовавшіе ему на своихъ корабляхъ греки-Хіосцы, зайдя въ Ольвію, узнали отъ тамошнихъ грековъ, что въ Скифіи надъ Борисфеномъ есть мѣсто, гдѣ находится много янтаря, пушнаго звѣря, меду, воску и зерноваго хлѣба. Въ скоромъ времени послѣ этого похода, Сарматскій народъ Арійскаго племени, пришедшій въ южную Россію въ VII столѣтіи до Р. Хр. изъ Мидіи, началъ одолѣвать Скифовъ и постепенно поглощать ихъ и съ ними ассимилироваться. Истребляемые скифы не могли уже въ четвертомъ столѣтіи, какъ прежде, препятствовать греческимъ колонизаторамъ и купцамъ поселяться въ прибрежьяхъ Понта и Борисфена, и въ это-то время Хіосскіе колонисты и поселились на горѣ Кіева. Приплывъ по Днѣпру, они вошли въ ручей Почайну, и взобравшись на вершину горы, надъ ней стоящей, выкопали просторную яму, поставили столбы, заметали бока круглякомъ, положили сверху накатъ и засыпали его землей. Ходъ въ эту глубокую землянку вырыли сбоку покатости горы, въ родѣ пещерной галлереи, съ выдолбленнымъ круглымъ сводомъ, а для приготовленія пищи и огрѣванія жилища устроили очагъ. Вырыли вблизи землянки зернохранилиша, въ которыхъ могли сохранять чрезъ зиму значительное количество проса, ячменя и пшеницы. Въ весеннее половодье они сплавляли свой товаръ къ Ольвіи и тамъ обмѣнивали, какъ товаръ, такъ и суда, на которыхъ онъ былъ привезенъ, на греческія ткани, пряности, вино, масло и верблюдовъ, и караваннымъ путемъ, между теченіями Буга и Ингула, проходили около р. Тясмина къ повороту на сѣверъ р. Роси, притока Днѣпра, у м. Стеблева, и возвращались въ свое поселеніе, которое Птоломей назвалъ Metropolis.

Вѣроятно, поселеніе древняго Кіева не имѣло долго особаго названія, или это названіе не было извѣстно древнимъ географамъ, и Птоломей названіемъ Metropolis, подъ своимъ 56° градусомъ сѣв. шир., опредѣлилъ главный торговый пунктъ мѣстности средняго Борисфена, отъ котораго зависѣли другія поселенія, или города. Этими же самыми путями, вѣроятно привозили товары и Ольвійскіе купцы, приходившіе на средній Борисфенъ за покупкой янтаря къ народу, жившему по берегамъ Роси и средняго Днѣпра,—не только во время мѣновой торговли, но, какъ мы видимъ по значительному количеству Ольвійскихъ и Римскихъ монетъ съ изображеніями Адріяна, Нервы и Траяна, въ періодъ преобладанія Римлянъ надъ побережьями Понта, когда мѣновая торговля преобразилась въ куплю и продажу за денежные знаки. А сохранившіеся слѣды греческихъ поселеній на названномъ пути и остатки

ихъ построекъ убѣждаютъ меня, что этотъ древнѣйшій торговый путь, главный и излюбленный, былъ навѣщаемъ до новѣйшихъ временъ. Греческіе, а позднѣе Византійскіе купцы, ходившіе за товаромъ къ обитателямъ населяющимъ берега Роси, возвращаясь домой съ изобиліемъ дорогихъ предметовъ, разсказывали своимъ соотечественникамъ о богатствѣ Россовъ; а потому историки и географы Византійскіе постоянно слышали названіе народа средняго Борисфена—Россы. Когда же изъ этихъ странъ смѣлые наѣздники на своихъ лодкахъ начали нападать на побережья Византійскихъ странъ (даже и Византія трепетала предъ ихъ нашествіемъ), то имя Россовъ прогремѣло широко, и по доблестямъ и богатству они сдѣлались наиболѣе извѣстнымъ народомъ странъ сѣвернаго Понта. Арабскіе купцы, доставлявшіе по Дону, Азовскому и Черному морю свои товары въ Ольвію и Византію, также узнали о богатствѣ и доблестномъ народѣ странъ Сарматскихъ, о Россахъ. Это имя изъ Россовъ передѣлывалось на Рось—Рустіи, Россіи—Россіяне, а въ концѣ—Руссы. Послѣ появленія въ исторіи имени Славянъ, на востокѣ Европы, по среднему Днѣпру, Руссы сдѣлались господствующимъ племенемъ; они, избирая себѣ предводителей въ отчаянные торговыя предпріятія и пиратскіе набѣги на Мало-Азійскіе и Византійскіе берега, называли таковыхъ князьями.

Изъ забвенія прошлыхъ временъ, сохранилось преданіе до времени Нестора объ одномъ имени князя, Славянскаго племени Полянъ, котораго принимали съ почетомъ на Византійскомъ дворѣ: это имя князя «Кый», о которомъ Несторъ говоритъ: «Но сій Кый княжаше вроду своемъ: и приходивши ему къ Царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ есть отъ Царя». (Несторъ по Шлецеру. Т. I, стр. 176). Это извѣстіе, что Кый, или Кій былъ древнѣйшимъ извѣстнымъ княземъ нашего края, повторяютъ всѣ наши лѣтописцы, за исключеніемъ нѣмецкихъ писателей тенденціозной норманской теоріи. Въ Патріаршей лѣтописи, стр. 4, болѣе ясно изложено это мнѣніе слѣдующими словами: «Не ведяще же нѣціи рекоша: Кій есть былъ перевозникъ, но нѣсть тако: бѣ бо у Кія тогда былъ перевозникъ со оноа страны Днѣпра, сего ради нарицаху его перевозника. Аще же былъ Кій перевозникъ, не бо ходилъ къ Царюграду съ силою ратью, но сей Кій княжаше въ родѣ своемъ и ратоваше многи страны, таже съ Констаньтиноградскимъ царемъ миромъ и братьскіи живяще, и велію честь пріимаше отъ него и отъ всѣхъ. Идущу же ему и звои, на Болъгары ходивъ... Таже на Воложскія и Камскія Болгары ходивъ и побѣди, и возвратився пріиде въ свой градъ Кіевъ, и ту животъ свой сконча, и брата его Щокъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася. По сихъ же родъ ихъ нача владѣти въ Полянехъ княженіемъ».

Наши первые князья Кіевскіе имѣли наружность и обычаи, какіе отчасти до прошлаго столѣтія существовали у мѣстныхъ потомковъ Сарматовъ. По модѣ Грековъ и Римлянъ, князья брили бороды, но оставляли длинные усы, опущенные внизъ. На серебрѣ и златѣ Володимира мы видимъ изображеніе князя съ бритою бородою (рисунокъ монеты № 134, т. XV). Этотъ Владиміровъ сребренникъ, на представленномъ рисункѣ, сдѣланъ точно, въ увеличенномъ размѣрѣ, изъ изображенія на монетѣ, найденной въ Кіевѣ и подлинность которой мнѣ хорошо извѣстна.

Но чтобы болѣе убѣдиться, стоитъ еще взглянуть на рисунокъ золотой Владиміровой монеты, помѣщенный въ изданіи Русскихъ древностей гр. Толстаго и Кандакова, вып. 4, стр. 167, № 152, 155; такое же убѣжденіе о нарядѣ Кіевскихъ князей мы получили, внимательно присматриваясь къ древнѣйшему памятнику, какой только сохранился съ того времени послѣ монеты Владиміра равноапостольнаго и Ярослава Мудраго, находящемуся въ знаменитомъ Изборникѣ съ 1073 г., въ которомъ сохранилась картина, изображающая князя Святослава Ярославича, его жену княгиню, четырехъ сыновей взрослыхъ и одного недоросля. Святославъ изображенъ безъ бороды, съ густыми усами внизъ висящими; голова его покрыта куполообразной шапкой съ отвороченнымъ краемъ, вродѣ наушниковъ; одѣтъ онъ въ свиту зеленаго цвѣта, пола которой внизу обшита красной каймой съ золотыми нарукавниками. Обутъ онъ въ зеленые (должно быть, сафьянные) сапоги. Поверхъ одежды накинута бурка, называвшаяся въ то время корзно, синяго цвѣта, отороченная золотымъ галуномъ (позументомъ) и подшитая красной подкладкой. Корзно накинуто на лѣвое плечо, бортами сходится надъ правой рукой и застегнуто у праваго плеча одной запоной того же краснаго цвѣта, что и подкладка. Сыновья князя изображены въ свитахъ, подпоясанныхъ поясомъ (кушакомъ), въ высокихъ, круглыхъ синихъ шапкахъ, съ круглымъ верхомъ той же формы, какую до нашего времени носятъ изъ мерлушекъ зажиточные малорусскіе козаки.

Начертивъ это краткое описаніе наряда Кіевскихъ князей, изъ дошедшихъ до насъ съ того времени изображеній на монетахъ и картинѣ, я привожу затѣмъ описанія очевидцевъ, видѣвшихъ Руссовъ и ихъ князей. Изъ Византійскихъ писателей X вѣка болѣе достовѣрнымъ считается Левъ Діаконъ, который описывалъ преимущественно то, что видѣлъ. По его описанію князей Руссовъ, видно, что они брили не только бороду, но и большую часть головы. Князья и знатные вельможи подбривали затылокъ и бока головы, оставляя чубъ, либо локонъ волосъ сбоку, вродѣ того оселедьпа, какой знатные малороссійскіе козаки, придерживавшіеся старинныхъ обычаевъ и моды предковъ, носили до половины текущаго столѣтія, которыхъ въ молодости своей и я видѣлъ. Историкъ Левъ Діаконъ, жившій при Византійскомъ дворѣ и описавшій современные ему событія до 989 г., разсказываетъ подробно о войнѣ кіевскаго князя Святослава въ Болгаріи Задунайской съ Иваномъ Цимисхіемъ, императоромъ Византійскимъ. Святославъ, разбитый въ Преславѣ, заперся 971 г. въ Доростолѣ (Силистріи). Подъ стѣнами этой крѣпости произошло нѣсколько кровопролитныхъ сраженій. Дружина Святослава вступала въ бой, одѣтая въ кольчуги; каждый Руссъ держалъ передъ собой длинный щитъ, достигавшій ему до ногъ; отступая, дружина закидала эти щиты за спину, чѣмъ обезпечивала себя отъ ударовъ стрѣлъ сзади. Щиты эти, какъ видно изъ разсказовъ, не держали рукой, но вѣшали на ремнѣ около шеи: поворачивали щитъ впередъ, для защиты груди, при наступленіи, и закидали его назадъ, при отступленіи. Въ рукахъ Руссы держали тяжелыя копья; простерши впередъ эти копья, они такъ шли въ битву. Когда сошлись съ Византійской конницей, то страшно кололи своими копьями всадниковъ и поражали коней. Побѣжденные не сдавались въ плѣнъ, но убивали себя мечемъ, вѣруя,

что умерщвленный рукою врага плѣнникъ, въ будущей загробной жизни, обязанъ будетъ вѣчно прислуживать и угождать своему врагу въ адѣ, какъ вѣчный его рабъ. Святославъ навыкъ сражаться пѣшимъ. На немъ была кольчуга, а поверхъ ея онъ носилъ плащъ (лѣтописное корзно), застегнутый вверху пряжкой; на немъ тоже надѣтъ былъ щитъ, потому что когда онъ въ сраженіи 24-го іюля былъ раненъ, то упалъ вмѣстѣ съ щитомъ. Окруженный подъ Доростолемъ съ сухого пути войсками, а при берегу Дуная огненосными судами Византійскаго императора Цимисхія, разбитый во многихъ сраженіяхъ, Святославъ просилъ мира и пропуска его лодокъ по Дунаю; вмѣстѣ съ этимъ просилъ свиданія съ императоромъ. Историкъ Византійскій такъ описываетъ Святослава во время этого свиданія: Императоръ въ позолоченномъ вооруженіи, сопровождаемый всадниками блестящей свиты, подъѣхалъ къ берегу; Святославъ на своей лодкѣ, гребя весломъ наравнѣ съ другими, выѣхалъ ему на встрѣчу. Онъ былъ средняго роста, широкоплечій, стройный, съ толстой шеей, волосы имѣлъ бѣлокурые, глаза голубые съ густыми бровями, носъ плоскій, борода бритая, но оставлены длинные висячіе усы; голова бритая голая, съ висячимъ на одной сторонѣ локономъ волосъ, въ знакъ высокаго рода. Онъ былъ мраченъ и дикъ; въ одномъ ухѣ его висѣла золотая серьга съ крупнымъ рубиномъ, украшеннымъ съ боковъ двумя жемчужинами. Одежда на немъ была бѣлая. Не вставая, а сидя на скамьѣ лодки, Святославъ разговаривалъ съ императоромъ. Это описаніе напоминаетъ намъ наружность гетмановъ и магнатовъ западной Россіи XV столѣтія до воцаренія шведской династіи Вазовъ и саксонской Сасовъ въ Польшѣ, которые ввели чужестранные моды и обычаи. Но народные обычаи сохраняются долго въ малороссійскихъ губерніяхъ. Между потомками запорожскихъ козаковъ еще и теперь попадаются типы, подобные вышеописанному. Я думаю, что Кіевскіе князья все то время, пока въ Кіевѣ былъ Великокняжескій столъ, придерживались мѣстныхъ обычаевъ и нарядовъ. Обстановка, наряды и обычаи великихъ князей начали терять свой самобытный колоритъ послѣ женитьбы Владиміра съ греческой царевной Анной. Пріѣхавшіе съ нею изъ Византіи многіе сановники и духовенство, вѣроятно, повліяли на перемѣну обычаевъ и нарядовъ великаго князя въ духѣ Византійскомъ; а переселеніе великихъ князей въ сѣверные города межь народъ Мерянъ Вдадимірско-Суздальской области, съ другими обычаями, измѣнило весь строй домашняго быта и наряда. Поселившись между великоруссами, князья перестали брить голову, носили бороду и волосы въ скобку, какъ носили мѣстные жители.

Первые Кіевскіе князья жили въ центрѣ населенія, на самой возвышенной горѣ, господствующей надъ другими горами, и надъ истокомъ Почайны въ Днѣпръ. На этой же горѣ до того жили знатнѣйшіе горожане, владѣвшіе запасами хлѣба и янтаря, производившіе значительные торговые обороты своими товарами и имѣвшіе потому вліяніе на окружающихъ людей. Изъ нихъ болѣе доблестный и знатный сталъ руководить набѣгами и управлять племенемъ. Здѣсь же былъ центръ религіозныхъ вѣрованій народа; на этой же горѣ стоялъ храмъ Перуна, главнаго идола Полянъ; здѣсь же жилъ первосвященникъ, или главный жрецъ могущественнѣй-

шаго божества. Этотъ первоначальный центръ торговой жизни поселенія, ставши послѣ центромъ духовныхъ, религіозныхъ потребностей племени, сталъ послѣдовательно источникомъ свѣтской власти, и Кіевская гора сдѣлалась впослѣдствіи колыбелью духовной и гражданской власти всей Руси, которую предпріимчивые первые Кіевскіе князья умѣли распространить постепенно надъ сосѣдними племенами.

Натурально, что такой пунктъ средоточія торговли, богатства и власти страны возбуждалъ пожеланія иноплеменниковъ ограбить это мѣсто: они не разъ нападали на эту гору; а потому можно заключить, что жители горы съ древнѣйшихъ временъ укрѣпили Кіевскую гору. Объ этихъ первоначальныхъ укрѣпленіяхъ, какія они были, мы судить не беремся; на это у насъ нѣтъ данныхъ. Оказавшіяся при раскопкѣ укрѣпленія, чертежи которыхъ и объясненія къ нимъ мы описали, относятся къ великокняжескому времени. По раскрывавшимся предо мною, во время раскопокъ, картинамъ прошлаго и находкамъ, я представляю себѣ Княжій дворъ въ такомъ видѣ: Къ стѣнкѣ внутренняго восточнаго вала, наилучше отъ природы обезпеченнаго, прилегала задней стороной большая деревянная постройка, въ два этажа, изъ дубовыхъ брусьевъ. Дубовые лѣса покрывали въ то время весь Кіевъ и жолудями ихъ питались вепри, клыки которыхъ находятся вездѣ по Кіеву; а по этому обилію дубоваго лѣса и по найденнымъ при раскопкахъ дубовымъ брусьямъ и столбамъ, можно безошибочно сказать, что постройки и острогъ града были дубовые. На подмуровкѣ изъ краснаго шифера (Argil. fundamentalis rubra), спаянной известкой съ толченымъ кирпичемъ, а потому сдѣланной византійцами, былъ построенъ длинный домъ; въ нижнемъ его, подвальномъ, этажѣ помѣщались кладовыя и челядь (лѣтописные парубки), прислуживающіе князьямъ. Верхній этажъ составляла одна большая изба — свѣтлица, или сѣни, въ которой жили князья. Деревянная крыша этой свѣтлицы была плоская съ малой покатостью ко двору, какъ видно на рисункѣ № 19, т. V. Во время защиты городища, на нее взлѣзали лучники, поражая съ высоты крыши непріятеля. Крыша эта, къ сторонѣ двора, по фронту зданія, была длиннѣе отъ поперечной стѣнки свѣтлицы и опиралась на столбахъ, образуя этимъ устройствомъ галлерею во всю длину зданія. Что княжіе дома строились въ два этажа, это мы видимъ изъ лѣтописей: когда Владиміръ умеръ въ Берестовѣ, то бывшіе при немъ бояре, желая сохранить въ тайнѣ смерть князя, завернули тѣло его въ коверъ, вынули въ свѣтлицѣ нѣсколько досокъ изъ полу и спустили тѣло князя на веревкахъ въ нижній этажъ, откуда на саняхъ ночью перевезли въ кіевскую Десятинную церковь: «Нощью же межу клѣтми проимавше помостъ, опрятавше и въ коверъ и уже свесивша на землю» (Патріаршая лѣтопись 1015 г.). Тамъ же, подъ 1068 г., находимъ сказаніе, какъ кіевляне требовали отъ князя Изяслава выдать имъ оружіе и вести ихъ противъ Половцевъ, грабившихъ окрестности: «Изяславъ же сѣде на сенехъ съ дружиною своею и начаша претися съ княземъ», т. е. народъ, стоя внизу возлѣ сѣни, спорилъ съ княземъ. На галлерею снаружи вела приставная лѣстница, которую, въ случаѣ нужды, можно было принять, или втянуть на верхъ. Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1147 г., находимъ такое указаніе: Когда Кіевляне ловили Игоря, чтобы его умертвить, то Владиміръ и Михаилъ, желая спасти его, вырвали

изъ рукъ толпы и отвели во дворъ матери своей, затворивъ за собою ворота; но Кіевляне «выломиша ворота и вшедше во дворъ, узрѣша Игоря на сѣнехъ и разбиша сѣни о немъ и сомчаша и съ сѣней и ту убиша и конецъ всходъ» (т. е. внизу лѣстницы). Свѣтлица князя была огромныхъ размѣровъ; въ ней князья угощали пословъ и проводили время съ своей дружиной, угощая и пируя часто съ нею. Она освѣщалась днемъ чрезъ окошка, прорѣзанныя въ стѣнѣ, раздѣленныя на двѣ половины кафельными, или деревянными рѣзными столбиками и огороженныя желѣзной рѣшеткой. На ночь и въ холодное время окна задвигались досчатыми ставнями, въ которыхъ для пропуска свѣта прорѣзаны были отверстія, задѣланныя пузыремъ или вареным въ жирѣ холстомъ, растянутымъ на вырѣзкахъ, или вставлялись тонкія роговыя пластинки. Подъ стѣнами кругомъ избы стояли широкія лавки, большинство изъ нихъ было сдѣлано въ видѣ длинныхъ сундуковъ, въ которыхъ сохранялись княжіе наряды, бѣлье и дорогія ткани; эти лавки покрыты были персидскими коврами, византійскими паволоками и шкурами медвѣдя, барса и друг. Передъ лавками, кругомъ свѣтлицы, стояли длинные столы для пиршествъ (тарчаны). На подмосткѣ, въ серединѣ при задней стѣнѣ сѣни, было одно мѣсто для князя, который возсѣдалъ на немъ; рѣзное деревянное кресло (scabellum) стояло подъ балдахиномъ, передъ этимъ кресломъ ставили во время пиршества особый столъ, при которомъ кушалъ князь или самъ, или съ своими приближенными. На прикрѣпленныхъ вверху стѣнъ полкахъ, стояла посуда, изъ золота и серебра, рога для питья, а по стѣнамъ висѣли княжескіе доспѣхи, боевое и охотничье его оружіе. Объ изобиліи дорогой посуды мы находимъ указаніе въ Патріаршей лѣтописи. Когда Кіевляне въ 1068 г. освободили Всеслава изъ темницы (поруба), то, оставивъ его въ серединѣ Княжа-двора, сами принялись грабить Княжій домъ, изъ котораго только что бѣжалъ князь Изяславъ: «и дворъ княжъ разграбиша, безчисленное множество злата и сребра и кунами и бѣлію». Въ древнѣйшія времена свѣтлица княжа огрѣвалась очагомъ; но когда начали приходить въ Кіевъ греческіе мастера, то византійскіе гончары выдѣлывали кафли, а изъ нихъ строили печи, остатки которыхъ найдены нами и описаны въ главѣ о гончарномъ производствѣ Великокняжескаго періода, и такія печи, надо полагать, появились на Княжемъ дворѣ со временъ св. Ольги, побывавшей на Византійскомъ дворѣ и познакомившейся съ роскошью и удобствами жизни Византійскихъ императоровъ. Извѣстіе объ устройствѣ печей мы находимъ въ Патріаршей лѣтописи подъ 1097 г. Когда ослѣпляли въ Бѣлгородѣ подъ Кіевомъ князя Василька, то поваливъ его на землю: «и связаша, и снемше доску съ печи и возложиша на пръси его, и сѣдоста оба полы его Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ и не могоста удержати его; и приступиста ина два, и сняста другую доску съ печи и сѣдоста оба и удавивша ему рамено яко персемъ троскотати». Изъ найденныхъ печныхъ кафель судить о размѣрахъ печей невозможно. Но по числу найденныхъ карнизовъ и разнообразію ихъ формы можно думать, что печи были красиво устроены, а судя по одной вогнутой кафлѣ (рис. № 135, т. XXV), надо предполагать, что въ бокахъ печей устраивались углубленныя ниши со сводиками, поддерживаемыми колонками; части колонокъ изображены на рисункахъ

121, 122 табл. XXVII и 133 табл. XXIX. Въ нашихъ лѣтописяхъ не случилось мнѣ найти указанія, въ какомъ мѣстѣ сѣней ставили печку. Въ лѣтописи Космаса (Cosmas, L. III, p. 23) находимъ это указаніе: по усмиреніи бунта, Святополкъ Ческій вошелъ въ 1108 г. въ замокъ Вротиславля и по серединѣ сѣни усѣлся на печи—«intrans stubam, sedit in medio super truncum fornacis». По этому указанію можно думать, что печки дѣлались очень низкія, такъ какъ и комнаты въ тѣ времена строились не выше четырехъ аршинъ. Что и въ Кіевскомъ Княжемъ домѣ печки стояли посрединѣ комнаты, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но по срединѣ сѣни въ Кіевѣ стояло княжее сѣдалище и не могло же оно быть закрытымъ отъ входа печкой; поэтому мнѣ кажется, что печекъ было въ сѣни двѣ, которыя стояли по серединамъ двухъ сторонъ длинной сѣни, на равномъ разстояніи отъ княжескаго мѣста. Такое расположеніе, принимая во вниманіе большіе размѣры сѣни и ея значительную длину, болѣе правдоподобно для нашего холоднаго климата. Что сѣни князя были очень просторной комнатой, въ которой князь проводилъ время съ дружиной своей, какъ видно изъ недавно приведеннаго текста: «Изяславъ же сѣде на сѣнехъ съ дружиною своею»,—объ этомъ судить мы можемъ по дошедшему къ намъ арабскому разсказу Ахмеда-Ибнъ-Фацлана, переведенному на русскій языкъ А. Я. Гаркави (сказанія Мусольманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 93—102). Фацланъ, присутствуя въ 922 году на погребеніи Руссовъ на берегу Итиля (Волги), разспрашивалъ Руссовъ о ихъ каганахъ (князьяхъ) и записалъ эти разсказы, очень интересные для пониманія устройства Княжаго дворца. Величина его должна быть такой, чтобы наверху вмѣщать въ себѣ столь обширную комнату, въ которой могла бы помѣститься дружина князя, которую онъ кормилъ. «У русскаго князя во дворцѣ всегда находилось 400 воиновъ, преданныхъ ему и готовыхъ жертвовать своею жизнію за него». Изъ этихъ словъ мы видимъ, что князь, который, по сказаніямъ нашихъ лѣтописей, проводилъ время съ своей дружиной кормя и поя ее, имѣлъ такія сѣни, въ которыхъ собирались 400 человѣкъ. «Эти воины сидѣли, т. е. помѣщались подъ его престоломъ (т. е. сѣнями), который широкъ и великъ». Слѣдовательно, до 922 г. дружина помѣщалась подъ княжей сѣнью, т. е. въ подвальномъ этажѣ, который былъ углубленъ въ землю настолько, что галлерея сѣни, о которой мы передъ тѣмъ писали, возвышалась отъ уровня материка въ ростъ лошади, т. е. на два аршина, что ясно изъ слѣдующихъ словъ: «когда князь задумывалъ прокатиться верхомъ, то коня подводили къ его престолу; возвратившись онъ слѣзалъ съ коня на престолъ», т. е. съ коня прямо слѣзалъ на галлерею сѣни. Эти разсказы современниковъ, записанные въ 922 г., даютъ намъ понятіе объ устройствѣ Княжаго дома при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ. Изъ него мы видимъ, что князь жилъ въ одномъ большомъ домѣ съ своей дружиной, что его престолъ, т. е. сѣни помѣщались на верху надъ большимъ подвальнымъ помѣщеніемъ, гдѣ жили сотники, десятники и парубки его дружины. Полъ въ этомъ подвалѣ былъ земляной, битый и ночью эту избу освѣщали лучинами, которыя вправлялись въ желѣзныя подставки на треножкѣ (рис. № 24, табл. VIII), мною найденной. Для пропуска дневнаго свѣта были вырублены отверстія, задвигавшіяся въ холодное время

деревянными ставнями. Кругомъ стѣнъ устроены были лавки для достойнѣйшихъ: сотниковъ, десятниковъ, на которыхъ они спали, подстилая подъ себя потники и звѣриныя шкуры. Парубки же (гридьба) спали покотомъ на полу. Ежечасно входили тамъ смѣнявшіеся на сторожевыхъ постахъ сторожа, стряхивали съ опончей снѣгъ, поправляли лучины, а зимой подкидали полѣнья къ очагу; скидали обувь, грѣли у огня прозябшія ноги и руки. Вся изба была черная, окуренная дымомъ, выходящимъ въ двери и окна. Въ длинные осенніе вечера лирникъ забавлялъ дружину своими пѣснями, музыканты играли на гусляхъ и сопилкахъ (рис. №№ 136 и 137, табл. III); плясуны-скоморохи танцовали, а пѣсенники пѣли пѣсни; либо за кружкой пива, или меду бывалые люди разсказывали товарищамъ походныя приключенія; на стѣнахъ висѣло оружіе дружины.

Какъ князь, такъ и его дружина были люди, занятые войною, собираніемъ податей; они, стоя на стражѣ родной страны, расширяли у сосѣднихъ племенъ власть князя, перенося трудности и лишенія боевой жизни; не знали теплыхъ чувствъ семейной жизни и до христіанства имѣли много женъ и наложницъ. На женщину смотрѣли какъ на рабыню, которыми Руссы торговали съ Арабами и Хазарами. По сказанію араба Ибнъ Фацлана: «у каждаго воина княжей дружины была жена и служанка, а у князя 40 дѣвушекъ»; но въ нашихъ лѣтописяхъ перваго періода кіевской Руси такъ мало говорится о женахъ князей и гражданъ, что мы можемъ сдѣлать выводъ, что женщины того времени не принимали никакого участія въ дѣлахъ и заботахъ мущинъ. Во все время идолопоклонства, вплоть до вѣнчанія Владиміра въ 988 г. съ Анной, сестрой Византійскаго императора Василія, на Руси было многоженство, князья кіевскіе имѣли много женъ и наложницъ, которыя не жили вмѣстѣ съ княземъ, въ княжемъ домѣ, а помѣщались въ разныхъ теремахъ, внѣ ограды Княжаго двора, даже иногда очень отдаленныхъ, какъ, напр., дѣвушки Владиміра жили въ Вышгородѣ и на Берестовѣ. Подъ рукой же князья имѣли, надъ обрывомъ къ Подолу, сейчасъ за валомъ, окружающимъ Княжій дворъ—свой теремъ, гдѣ помѣщались ихъ жены и дѣвушки. Теремъ этотъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ усадьба Дузинкевича и Андреевская церковь. Эти усадьбы занимали часть площади на возвышенности, названной въ древности Уздыхальницей, или Вздыхальницей. Въ теремномъ дворѣ содержались взаперти за оградой жены и дѣвушки князей, тоскуя въ ожиданіи ласки князя и, въ однообразіи замкнутой жизни, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ихъ груди, какъ плачъ Ярославны въ ожиданіи возврата Игоря изъ похода на Половцевъ, и отъ того древніе Кіевляне назвали эту гору Уздыхальницею, или Вздыхальницей.

Теремный дворъ былъ особо отгороженъ и запертъ и составлялъ особый дворъ; отъ того Несторъ и говоритъ: «Надъ горою дворъ теремный, на немъ была башня». Что теремный дворъ былъ внѣ града, это мы видимъ изъ словъ Нестора, описывающаго первое мщеніе Ольги на Древлянахъ за убійство Игоря: «Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремскомъ внѣ града. И за утра Олга седяще въ Теремѣ, посла по гости... И принесоша я въ лодья на дворѣ ко Олзѣ (Несторъ по Шлецеру, часть III, стр. 299). Что въ кіевскомъ градѣ были бани, объ

этомъ находимъ сказаніе у Нестора въ описаніи о второмъ мщеніи Ольги надъ послами Древлянъ: «Древляномже пришедшимъ, рекуще сице: измывшесь пріидите ко мнѣ. Они же прежгоша истбу, и влезоша Деревляне, и начась мытись. И запроша они двери, и повелѣ зажечь я отъ дверей, и ту изгорѣша вси». Шлецеръ такъ переводитъ текстъ Нестора: «По прибытіи Древлянъ, приказала Ольга изготовить баню, сказавъ: «вымывшись приходите ко мнѣ». Тутъ изготовили баню, Древляне пошли въ нее и стали мыться. Тогда заперли двери и приказали зажечь баню и они всѣ тамъ сгорѣли». Нѣтъ сомнѣнія, что боевые парубки княжей дружины и челядь княжа, которые постоянно жили въ грязи и спали покотомъ въ землянкѣ, были настолько нечистоплотны, что нуждались хоть по возвращеніи съ похода обмыться въ банѣ; неизвѣстно только, гдѣ они своихъ женъ и дѣвушекъ держали: вѣроятно, что они имѣли для нихъ свои домики внѣ града, какъ видно на моемъ планѣ рис. 3, табл. II; а во время нападеній Хазаровъ, Половцевъ либо Печенѣговъ забирали ихъ во градъ за стѣны укрѣпленія.

Представленная мною здѣсь картина Княжаго двора относится къ тѣмъ временамъ, которыя предшествуютъ близкимъ сношеніямъ Кіевлянъ съ Византійцами, т. е. до 955 г. Въ этомъ году Ольга съ 90 человѣкъ своихъ приближенныхъ, именитыхъ гражданъ Кіева, Чернигова, Переяслава и другихъ земель, отправилась въ Византію, гдѣ прожила нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ описанія церемоніала пріема великой княгини Ольги при цареградскомъ дворѣ (Шлецеръ, т. III, стр. 433) мы видимъ, что она была принята императоромъ Константиномъ и его семействомъ, въ первый разъ 9-го сентября, а во второй 18-го октября на торжественной аудіенціи и пиру въ Византійскомъ дворцѣ. Ольга съ своей придворной знатью, проживъ въ Византіи нѣсколько мѣсяцевъ, познакомилась съ удобствами жизни и роскошью этой столицы. Руссы увидѣли тамъ Византійскую образованность, торжественные религіозные обряды, роскошные царскіе пріемы и ихъ дворцы и храмы; они, можно сказать, вкусили лучшей жизни и просвѣтились до того, что Несторъ утверждаетъ: будто бы святая Ольга, поучаемая Константинопольскимъ патріархомъ, приняла христіанскую вѣру: «и крести ю Царь съ Патріархомъ, просвѣщена бывши, радовалась душой и тѣломъ». Возвратившись въ Кіевъ, какъ Ольга, такъ и бывшіе съ нею княжны и вельможи Кіевскіе, вкусивши сладкаго и просвѣтившись, не могли же оставаться въ той дикой обстановкѣ первобытныхъ народовъ, въ какой они прежде жили. Побывавшіе въ Византіи кіевляне начали удобнѣе устраивать свои жилища. При Ольгѣ мы видимъ уже каменный теремъ; вѣроятно, съ нею пріѣхали изъ Греціи гончары, которые отыскали въ окрестностяхъ Кіева фаянсовую глину и изъ нея выдѣлывали превосходныя кафли, найденныя нами, дѣтскія игрушки, посуду. Съ этого же времени, я считаю, что появилась стекляная посуда, фляжки, стаканы, найденные нами, какъ видно по рисункамъ на таблицѣ IX; эти же гончары производили лѣпныя работы въ домѣ, а найденные церковные богослужебные предметы, описанные раньше, убѣждаютъ насъ, что послѣ возвращенія Ольги изъ Византіи, княгиня-христіанка устроила въ княжемъ домѣ, для себя и для своихъ приближенныхъ, принявшихъ христіанство, маленькую молельную (часовню), гдѣ совершалъ христіанское богослуженіе

попъ Григорій, сопутствовавшій Ольгѣ въ Византію. Богослуженіе, должно быть, совершалось не гласно, потому что сынъ св. Ольги, князь Святославъ Кіевскій и всѣ Кіевляне упорствовали въ идолопоклонствѣ и были враждебно расположены къ христіанамъ. Хотя на Кіевскомъ Подолѣ еще при Игорѣ была церковь пророка Ильи, близъ поселка Хазаровъ, въ которой тайно собирались исповѣдующіе христіанскую вѣру Руссы, гдѣ они присутствовали при богослуженіи христіанъ Варяговъ: «се бо бѣ сборная церкви»; но княгиня Ольга не могла ходить на безлюдный Подолъ, покрытый болотами, поросшій лѣсомъ и удаленный отъ Княжаго двора, а построила часовню въ своемъ домѣ. Княгиня до своей кончины была убѣжденной христіанкой и завѣщала своему сыну похоронить ее по-христіански. Обрядъ этотъ совершалъ бывшій при ней священникъ: «И бѣ заповѣдала Олга не творити тризны надъ собою (похоронный обычай идолопоклонниковъ) бѣ бо имущи презвитеръ, сей похорони блаженную Олгу». (969 г. 11-го іюля умерла Ольга. Несторъ). Послѣ смерти Ольги, можетъ быть, по повелѣнію Святослава, христіанскую часовню ея въ домѣ уничтожили: всѣ вещи, паникадило, звонокъ, кадило, рамы на иконахъ и иконы, лѣпныя, мраморныя украшенія поломали и въ этомъ изломанномъ видѣ вещи были найдены мною близъ подмуровки дома; сохранилось въ цѣлости только блюдо для раздачи просфоры. Часовня св. Ольги была устроена въ 956 г. по возвращеніи ея изъ Константинополя Византійскими мастерами, въ чемъ мы убѣдились: во-первыхъ, по способу приготовленія известки для спайки шиферной, каменной подмуровки подъ стѣной, составъ которой смѣшанъ съ толченымъ кирпичемъ, а не пескомъ; во-вторыхъ, по лѣпнымъ работамъ, а главное по плиткамъ разноцвѣтнаго смальту, приготовленнымъ хорошими мастерами для облицовки чего-то неизвѣстнаго. Плитки такъ толсты, что не могли предназначаться для мозаичныхъ работъ, а, во-вторыхъ, травчатый разноцвѣтный орнаментъ и тщательная полировка одной стороны плитокъ доказываютъ предназначеніе ихъ украшать собою какой-то предметъ, а можетъ быть княжее мѣсто въ церкви. Интересны найденныя на этомъ мѣстѣ, между церковными остатками, двѣ шашки. Можно предположить, что юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками этими шашками; одна, вѣроятно, была привезена изъ Византіи, сдѣлана изъ слоновой кости (рис. № 138, т. XIѴ), украшена рѣзными кружочками; орнаментъ ея совершенно тождественъ съ орнаментомъ замочка бронзоваго, изображеннаго на рис. № 66, табл. XIII, и съ орнаментомъ дискоса металлическаго (рис. 67 той же таблицы). Другая же шашка изъ цѣнины, покрытой коричневой глазурью (рис. № 139, табл. XIѴ), совершенно гладка и безъ орнамента, съ выступомъ по краю. Игра въ шашки, можетъ быть, принесена была св. Ольгой изъ Византіи, гдѣ ею забавлялись при дворѣ; а потому 956 г. можно считать началомъ введенія этой игры въ Кіевѣ и съ этого времени игра въ шашки начала замѣнять существовавшую у насъ со временъ Сарматскихъ игру въ кости. Найденные тамъ же три желѣзныхъ висячихъ замка (рис. № 140, табл. XI), а въ особенности ключи къ нимъ (рис. 141, 142 и 143, табл. XI) напоминаютъ своей архаической формой Помпеянскія раскопки. Вѣроятно, этими замками запирали длинные сундуки, въ которыхъ хранились: наряды, бѣлье и ткани. Сундуки стави-

лись кругомъ стѣнъ сѣни и замѣняли лавки, а подчасъ на нихъ спали. Конструкцію этихъ замковъ теперь трудно понять, такъ какъ ржавчина накипѣла толстымъ слоемъ и покрыла мелочи механизма и орнамента. Какъ по найденной подмуровкѣ, такъ и при производствѣ раскопки, я уже не замѣтилъ слѣдовъ того подвала, въ которомъ прежде помѣщалась княжая дружина. Натурально, что св. Ольга, вернувшись изъ Византіи, не могла уже переносить въ своемъ домѣ такихъ близкихъ сосѣдей, какими были разъудалые парубки и Варяги княжеской дружины. Ольга построила для нихъ отдѣльные сараи въ границахъ укрѣпленнаго града Кіева, а свой домъ передѣлала, съ помощью византійскихъ мастеровъ, сообразно новымъ своимъ потребностямъ; подъ своими же сѣнями устроила кладовыя, часовню и помѣщенія для своей прислуги. Можетъ быть, что воинственный Святославъ, не любившій удобствъ жизни, довольствовавшійся кониной и спавшій на войлочномъ потникѣ, а подъ голову клавшій свое сѣдло, какъ намъ его описываютъ лѣтописцы, передѣлалъ Княжій домъ и устроилъ его прежнимъ порядкомъ, и этими порядками довольствовались Ярополкъ и Владиміръ до женитьбы съ греческой царевной. Мнѣ кажется, что послѣ этой женитьбы, княжій домъ уже никогда не стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Владиміръ, по образцу Византійскаго дворца, устроилъ себѣ домъ при Десятинной церкви такъ же, какъ и Ярославъ устроился при Софійской церкви, соединяя свой домъ верхними галлереями и проходами съ церковью. Уцѣлѣвшія галлереи кругомъ Софійскаго храма, какъ въ верхнемъ, такъ и нижнемъ этажѣ, передѣланныя послѣ въ придѣлы, двѣ обширныя лѣстницы на хоры, существующія до-нынѣ, разукрашенныя свѣтскою живописью, подаютъ намъ поводъ сдѣлать это предположеніе. Время и нашествія дикихъ ордъ разрушили эти постройки. Правильныхъ археологическихъ изысканій на тѣхъ мѣстахъ не было дѣлано, но будущія изслѣдованія въ дворахъ этихъ церквей, быть можетъ, подымутъ завѣсу прошлаго и оправдаютъ мои догадки, основанныя на извѣстіяхъ, кои я имѣю о постройкахъ княжескихъ теремовъ при церквахъ Владиміра Залѣсскаго, Суздаля, Новгорода, строившихся по образцамъ кіевскихъ и древнѣйшихъ замковъ другихъ славянскихъ князей: Гнѣзна, Ледницы, Кракова, Праги, Вышеграда и др., въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Византіи, въ которыхъ жилища князей стояли рядомъ съ главнымъ того времени храмомъ. Въ 1086 году Великій князь Всеволодъ Ярославичъ въ сѣверо-западной сторонѣ Княжаго двора выстроилъ церковь св. Андрея, а при ней построилъ кельи женскаго монастыря для своей дочери Яньки и отъ того монастырь назывался Яничъ или Янькинъ. Какъ видно по лѣтописямъ, Янька дѣятельно занималась какъ нуждами духовенства, такъ и своимъ монастыремъ: «и собравше инокинѣ многи живяше съ ними въ 1089 г. Въ се же лѣто иде Янка, дщи Всеволожа, во греки. 1090 г. Приведе Янка митрополита Іоана Скопчину, иже священъ бысть, отъ патріарха Николая». (Ипат. лѣт.). Въ 1112 г. 3-го ноября скончалась Янка. Слѣдовательно 26 лѣтъ она управляла монастыремъ и, какъ пишетъ Татищевъ въ исторіи Россіи, Т. II, стр. 138: «Янка, или Анна собравши нѣсколько дѣвицъ, обучала ихъ писанію, также ремесламъ, пѣнію и швенію (шитью)»; хотя по раскопкамъ могилъ этихъ монашекъ, не замѣчалось подобныхъ занятій кромѣ любви прясть, о которой можно догады-

ваться по найденнымъ веретенамъ и пряслицамъ. Церковь Янича монастыря была выстроена непрочно, потому что въ 1105 г. въ Ипатьевск. лѣтописи находимъ, что верхъ этой церкви развалился. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что монастырь этотъ просуществовалъ долго на томъ же мѣстѣ, судя по густотѣ могилъ, въ которыхъ хоронили монашекъ этой обители, означенныхъ въ планѣ раскопокъ рис. № 2, и могиламъ нѣсколькихъ князей, игуменовъ и митрополитовъ. Еще въ 1231 году упоминаютъ Лаврентіевы лѣтописи о игуменѣ Янича монастыря Семенѣ.

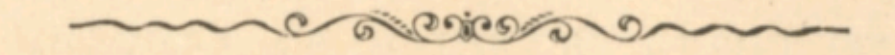
Все пространство древняго града Кіевской горы въ настоящее время застроено каменными многоэтажными домами съ подвальными этажами. Земля подъ ними глубоко перекопана, безъ всякаго, со стороны домовладѣльцевъ строившихъ дома, вниманія къ старинѣ и безъ наблюденія археологовъ. Невѣдѣніе прошлаго и коммерческій расчетъ въ поспѣшности работъ, производимыхъ во дворахъ, закрытыхъ высокими досчатыми заборами, скрывали отъ глазъ археологовъ земляныя работы въ усадьбахъ и мы узнавали о производившихся постройкахъ въ то время, когда домъ выросъ уже до половины высоты. Присутствіе посторонняго наблюдателя стѣсняетъ строителей и подрядчиковъ, а потому они изолируютъ постройки свои отъ наблюденія любопытствующихъ надписью у въѣзда: «входъ запрещенъ». Надобно большого самоотверженія, любви къ старинѣ и независимаго положенія, чтобы посвятить время наблюденію земляныхъ работъ и большой настойчивости, чтобы, подобно мнѣ, въ настоящемъ случаѣ преодолѣть всѣ трудности подобнаго надзора.

На пространствѣ древняго града остается въ серединѣ усадебъ нѣсколько садиковъ и ветхихъ надворныхъ построекъ, которыя представляютъ значительный интересъ для изслѣдователей. Желательно, чтобы эти доступныя для изслѣдованій археологовъ мѣста не застроились непримѣтно, какъ застроилась въ прошлые годы остальная часть Кіевской горы.

Оканчивая это описаніе моихъ изслѣдованій первобытнаго быта Кіевскаго Великокняжескаго періода, по археологическимъ находкамъ, найденнымъ на участкѣ усадьбы инженера Кривцова, я знаю, что настоящимъ моимъ трудомъ я поднялъ уголъ занавѣса, скрывающаго отъ нашихъ взоровъ первоначальное время Руси. Я только взглянулъ съ моими читателями чрезъ маленькую щелочку въ Великокняжескій дворъ и показалъ имъ мелькомъ часть бытовой обстановки Кіевскаго князя. Я понимаю, что мнѣ скажутъ любознательные патріоты: мало! не полно! Изслѣдуй лучше, полнѣе и подними, если можешь, всю занавѣсь, чтобы мы всесторонне осмотрѣли наше народное гнѣздо. Вы правы, господа: эта интереснѣйшая страничка колыбельной жизни Русскаго народа, его дѣтиньца, какъ въ старину называли Кіевскую гору, еще не изучена по археологическимъ документамъ и я заглядывалъ въ нее тайкомъ. Всѣ учрежденія, отъ которыхъ зависитъ разрѣшать производство археологическихъ раскопокъ, мнѣ отказывали и я десять лѣтъ,—тайно укрываясь за спиной землевладѣльцевъ,—заглядываю въ могилы родины, межь тѣмъ, какъ въ Италіи, Швейцаріи и Франціи мнѣ любознательные мѣстные жители помогали производить раскопки.

Настоящее мое изданіе я выпускаю въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, печатаю его на свои личныя ограниченныя денежныя средства, преодолѣвъ по возможности всѣ затрудненія лито-типографскія, какія въ Кіевѣ приходится встрѣтить, гдѣ иллюстрированныя изданія одна только типографія начала недавно печатать. Если настоящее мое изданіе встрѣтитъ благосклонный пріемъ у любителей родной старины и просвѣщенныхъ читателей и мои затраты окупятся, то я надѣюсь въ будущемъ издать второй выпускъ моихъ изслѣдованій и рисунковъ Кіевскаго Великокняжескаго періода, для котораго много матеріала уже хранится въ моемъ собраніи историческихъ древностей, а частью собрано у другихъ коллекціонеровъ Кіева и можетъ быть еще розыскано на неизслѣдованныхъ, мнѣ извѣстныхъ мѣстахъ.

І. Хойновскій.

Списокъ рисунковъ, изображенныхъ на таблицахъ.

Рис. 28, табл. IX. Стекляной кувшинчикъ съ ручкой, въ натур. величину.
Рис. 29, табл. IX. Стекляной кубокъ съ ручкой, въ натур. величину.
Рис. 30, табл. IX. Слезница желтаго стекла, малая, въ натур. величину.
Рис. 31, табл. IX. Слезница желтаго стекла, большая, въ натур. величину.
Рис. 32, табл. X. Стекляной дискосъ, въ натур. величину.
Рис. 33, табл. X. Браслетъ стекляной, гладкій, чернаго цвѣта. (Всѣ браслеты въ натур. величину).
Рис. 34, табл. X. Браслетъ стекляной лимоннаго цвѣта, обвитъ желтымъ пояскомъ.
Рис. 35, табл. X. Витой фіолетовый браслетъ.
Рис. 36, табл. X. Витой пурпурный стекляной браслетъ.
Рис. 37, табл. X. Витой стекляной браслетъ съ зелеными и желтыми поясками.
Рис. 38, табл. X. Стекляной браслетъ, обвитый разноцвѣтными каймами.
Рис. 39, табл. X. Фіолетовый витой браслетъ.
Рис. 40, табл. X. Синій гладкій браслетъ.
Рис. 41, табл. X. Пряслица изъ гончарнаго черепка, въ натур. величину.
Рис. 42, табл. X. Пряслица большая изъ краснаго шифера.
Рис. 43, табл. X. Пряслица изъ краснаго шифера.
Рис. 44, табл. X. Буса изъ молочно-розоваго шифера (всѣ бусы въ натур. величину).
Рис. 45, табл. X. Буса изъ янтаря.
Рис. 46, табл. X. Буса изъ краснаго шифера розоваго цвѣта.
Рис. 47, табл. X. Буса изъ шифера фіолетоваго цвѣта.
Рис. 48, табл. X. Буса изъ краснаго шифера.
Рис. 49, табл. X. Вотивный терракотовый кувшинчикъ съ орнаментомъ, въ натур. величину.
Рис. 50, табл. X. Донышко этого кувшинчика.
Рис. 51, табл. XI. Желѣзный боевой топоръ Кіевской дружины, въ натур. величину.
Рис. 52, табл. VII. Мѣдная золоченая бляха басменной работы, съ акантусовыми украшеніями, въ натур. величину.
Рис. 53, табл. XII. Клыкъ дикаго кабана, въ натур. величину.
Рис. 54, табл. XII. Отпиленный кусокъ медвѣжьяго клыка, въ натур. величину.
Рис. 55, табл. XII. Клыкъ барса, въ натур. величину.
Рис. 56, табл. XII. Отпиленный кусокъ клыка, въ натур. величину.
Рис. 57, табл. XIII. Перстень коринфской мѣди, въ натур. величину.
Рис. 58, табл. XII. Костяной наконечникъ стрѣлы съ квадратнымъ остріемъ, въ натур. величину.
Рис. 59, табл. III. Похоронный кувшинчикъ темно-сѣрой глины.
Рис. 60, табл. XIII. Верхняя половина кадила съ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ.
Рис. 61, табл. VII. Гребень слоновой кости, въ натур. величину.
Рис. 62, табл. XIII. Мѣдная скоба отъ обивки гроба, въ натур. величину.
Рис. 63, табл. XIV. Вотивный терракотовый горшочекъ изъ могилы.
Рис. 64, табл. XV. Кусокъ смальту золотистаго цвѣта.
Рис. 65, табл. XV. Вишневый съ оливковыми жилками смальгъ.
Рис. 66, табл. XIII. Замокъ отъ шкафа коринфской мѣди, въ натур. величину.
Рис. 67, табл. XIII. Часть металлическаго дискоса съ рѣзнымъ орнаментомъ.
Рис. 68, табл. XVI. Шейная серебряная гривна.
Рис. 69, табл. XVII. Терракотовая амфора. Стамносъ.
Рис. 70, табл. XVIII. Изъ бѣлой глины утка, съ утятами у которыхъ отбиты головки.
Рис. 71, табл. XIV. Каменная форма для отливки серегъ Кіевскаго типа.
Рис. 72, табл. XIV. Горшочекъ для плавленія серебра или золота.
Рис. 73, табл. V. Лѣпной орнаментъ ниши.
Рис. 74, табл. VIII. Часть паникадила въ уменьш. видѣ.

Рис. 75, табл. XVI. Гончарной работы кругъ слуховаго окна, въ уменьш. видѣ.

Рис. 76, табл. XIX. Энколпіонъ растворчатый Византійскій для храненія мощей.

Рис. 77, табл. XIX. Оборотная сторона энколпіона.

Рис. 78, табл. XIX. Панагія съ мощами, съ золотымъ эмальированнымъ верхомъ, византійской работы, найденная въ Роднѣ.

Рис. 79, табл. XIX. Оборотная сторона этой панагіи.

Рис. 80, табл. XIX. Барельефная каменная икона съ изображеніемъ благословляющаго Христа, въ увеличен. размѣрѣ.

Рис. 81, табл. VII. Мѣдный подсвѣчникъ съ головою грифа.

Рис. 82, табл. XV. Каменный гробъ изъ краснаго шифера, окованный желѣзомъ.

Рис. 83, табл. XV. Часть мраморнаго зеленаго креста.

Рис. 84, табл. XX. Клинокъ меча согнутаго на похоронахъ, инкрустованнаго золотомъ, въ $^1/_5$ вел.

Рис. 85, табл. XX. Изображеніе клинка меча въ возстановленномъ видѣ.

Рис. 86, табл. XX. Орнаментъ золотой пластинки на оборотной сторонѣ меча.

Рис. 87, табл. XIII. Золотыя пуговицы.

Рис. 88, табл. XIII. Мѣдная пряжка отъ ремня колчана.

Рис. 89, табл. XIII. Мѣдный наконечникъ ремня.

Таблица XXI. Изображеніе разныхъ типовъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ въ колчанѣ, въ натуральную величину.

Рис. 90, табл. XXI. Стрѣла изъ колчана съ кускомъ древца, обвита вощенной ниткой (шпагатомъ), оканчивающаяся шаромъ формы пули.

Рис. 91, табл. XXI. Преобладающій типъ стрѣлъ въ колчанѣ.

Рис. 92, табл. XXI. Рисунокъ Великокняжескаго копья, Кіевскаго періода въ $^3/_4$ настоящ. велич.

Рис. 93 и 94, табл XXI. Наконечники дротиковъ, найденные въ Роднѣ.

Рис. 95, табл. XV. Уголъ очага, найденнаго въ землянкѣ.

Рис. 96, табл. V. Ямы, вырытыя въ материкѣ для сохраненія зерна.

Рис. 97, табл. XII. Каменный пряшъ чечевичной формы.

Рис. 98, табл. XII. Каменный пряшъ яйцеобразной формы.

Рис. 99, табл. XVII. Греческая амфора для храненія вина.

Рис. 100, табл. XVII. Амфора для переноски напитковъ.

Рис. 101 и 59, табл. III. Похоронные кувшинчики сѣрой глины.

Рис. 102 и 103, табл. XIV. Жертвенныя глиняныя мисочки на стоянцахъ.

Рис. 104, табл. XXII. Печная кафля съ изображеніемъ князя, обнимающаго богатыря, въ натур. величину.

Рис. 105 и 106, табл. XXIII. Половинки печныхъ кафель съ разнообразнымъ орнаментомъ.

Рис. 107 и 108, табл. XXIV. Кафельные печные карнизы, въ натур. величину.

Рис. 109, табл. XXV. Кафля съ изображеніемъ гуся, въ натур. величину.

Рис. 110, табл. XXV. Кафля съ изображеніемъ филина съ распростертыми крыльями, въ натур. величину.

Рис. 111, табл. XXVI. Стѣнная кафля съ изображеніемъ двухъ круглыхъ домовъ, въ натуральную величину.

Рис. 112, табл. XXVI. Стѣнная кафля съ изображеніемъ двухъ квадратныхъ домовъ съ плоскими крышами, въ натур. величину.

Рис. 113, табл. XXVI. Стѣнная кафля съ изображеніемъ двухъ малыхъ съ третьимъ высокимъ домомъ, въ натур. величину.

Рис. 114, табл. XXVI. Стѣнная кафля съ изображеніемъ подъемнаго моста, перекинутаго черезъ оврагъ, въ натур. величину.

Рис. 115, табл. XXIV. Зеленая печная кафля съ коричневымъ орнаментомъ.

Рис. 116, табл. XXVI. Гончарный орнаментъ неизвѣстнаго времени.

Рис. 117, 118, 119 и 120, табл. XXVII. Кафельные карнизы Великокняжескаго періода.

Рис. 121 и 122, табл. XXVII. Части колонокъ, сгавившихся въ окошечкахъ и печкахъ Великокняжескаго періода.

Рис. 123 и 124, табл. XVIII. Свѣтло-желтой глины двѣ головки архаической работы.

Рис. 125 и 126, табл. XVI. Фаянсовый кубикъ, внутри котораго стоятъ два идольчика.

Рис. 127, табл. XVIII. Утка со свисткомъ.

Рис. 128, табл. XVIII. Глиняный коникъ съ поврежденной головкой и хвостомъ.

Рис. 129, табл. XVIII. Глиняная голова неизвѣстнаго животнаго съ отбитыми ушами, безъ туловища.

Рис. 130, табл. XXVIII. Печная кафля Литовскаго періода, продолговатой формы съ зеленой поливой, въ натур. величину.

Рис. 131, табл. XXIX. Квадратная кафля Литовскаго періода, съ рельефнымъ орнаментомъ зеленой поливы.

Рис. 132, табл. XXVIII. Продолговатая кафля Литовскаго періода съ рельефнымъ орнаментомъ разноцвѣтной поливы.

Рис. 133, табл. XXIX. Кафельная колонка для печекъ, Литовскаго періода.

Рис. 134, табл. XV. Изображеніе князя Владиміра на его серебряной монетѣ.

Рис. 135, табл. XXV. Карнизъ-кафля вогнутой формы, Великокняжескаго періода.

Рис. 136, табл. III. Сопилка изъ кости дрофы, въ натур. величину.

Рис. 137, табл. III. Сопилка изъ трубчатой кости, въ натур. величину.

Рис. 138, табл. XIV. Шашка слоновой кости, украшенная кружочками.

Рис. 139, табл. XIV. Цѣнинная, гладкая шашка съ выступами.

Рис. 140, табл. XI. Желѣзный висячій замокъ, въ натур. величину.

Рис. 141, табл. XI. Ключъ къ висячему замку, въ натур. величину.

Рис. 142, табл. XI. Ключъ къ висячему замку, въ натур. величину.

Рис. 143, табл. XI. Ключъ къ висячему замку, въ натур. величину.

Рис. 144, табл. XIV. Мѣдный гвоздь.

Рис. 145, табл. XIV. Яшмовая, каменная форма для отливки бронзовыхъ гвоздей.

Рис. 146 и 147, табл. XXV. Верхніе кафельные карнизы Великокняжескаго періода, въ натур величину.

Рис. 148, табл. III. Кусокъ ступки волынскаго сѣроватаго мрамора, въ 16 см. діаметра.

Рис. 149, табл XI. Желѣзное кресало древнѣйшаго типа, въ натур. величину.

Рис. 150, табл. XII. Точильный брусокъ изъ глинистаго сланца, съ двумя отверстіями для привѣшиванія къ поясу (кушаку), въ натур. величину.

Рис. 151, табл. XII. Половина точильнаго бруска изъ краснаго кварцита съ желобкомъ для настриванія наконечниковъ стрѣлъ, въ уменьш. размѣрѣ.

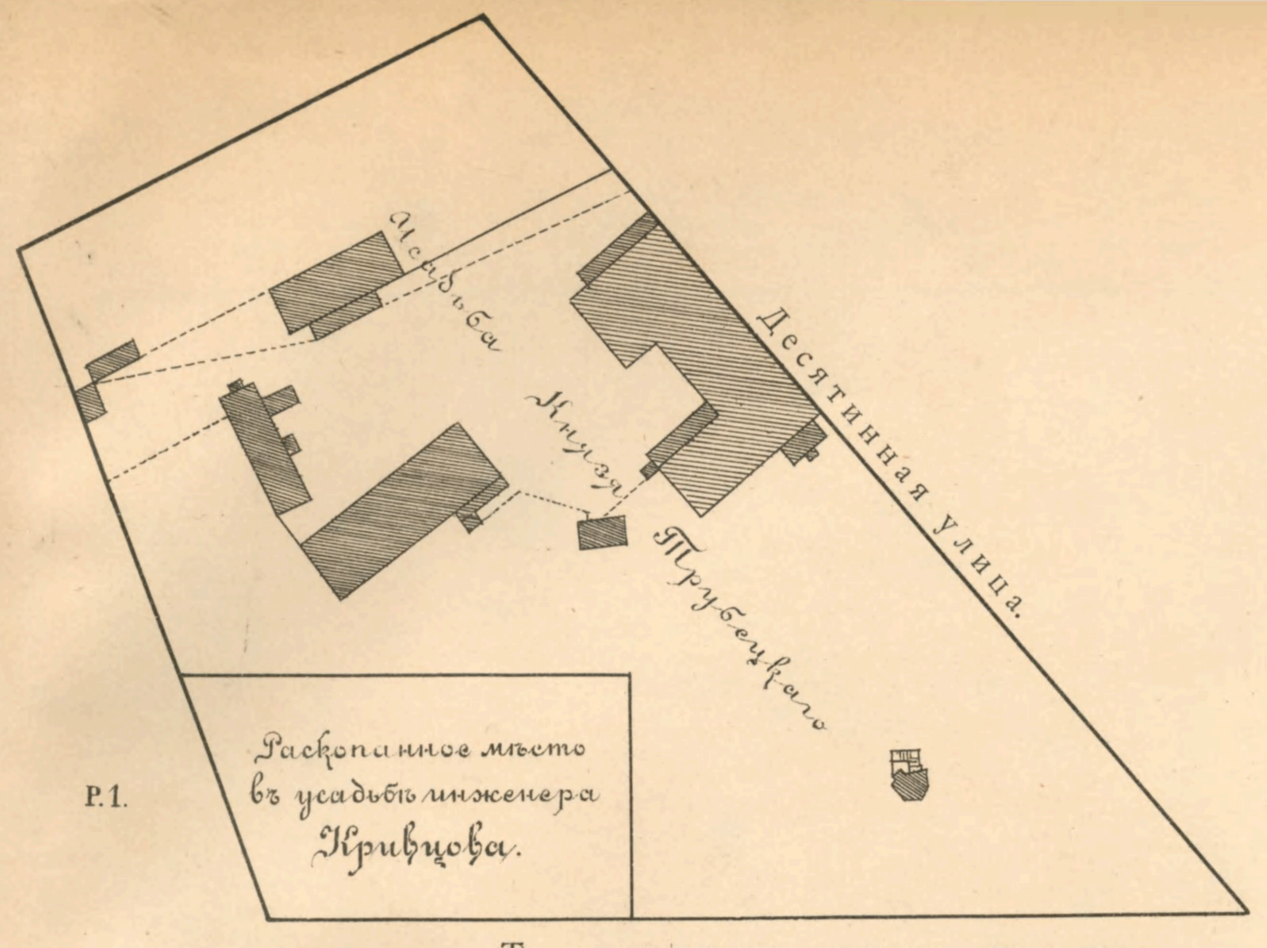
Рис. 152, табл. XIII. Перстень бронзовый древнѣйшаго типа, когда еще не знали сварки, а только загибали края.

Рис. 153 и 154, табл. XIII. Двѣ бронзовыя пуговицы, найденныя въ могилѣ при облаченіи, въ натур. величину.

Рис. 155, табл. XVI. Буса темной глины съ орнаментомъ, въ натур. величину.

Рис. 156, табл. XVI. Серебряное запястье корзна, въ натур. величину.

Рисунки исполнены свѣтопечатью и хромо-литографіей С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

Трехсвятительская улица.

Планъ раскопки усадьбы инженера Кривцова (Табл. I, рис. № 2).

Квадраты, нарисованные на планѣ, означаютъ мѣста, на которыхъ найдены могилы.

Буквой **а** обозначено мѣсто, гдѣ найденъ сплошной пластъ костей убитыхъ Монголами Кіевлянъ, сваленныхъ въ ровъ.

бук. **б**—Порубъ или темница на Княжемъ дворѣ.

в—Подмуровка подъ деревянное зданіе.

г—Связка ноженъ отъ мечей.

д—Могила съ двумя скелетами рядомъ лежащими.

е—Мѣсто, гдѣ найденъ разбитый, каменный красн. шифера гробъ.

ж—Могила, въ которой похороненъ воинъ съ копьемъ, мечемъ, колчаномъ со стрѣлами и лукомъ.

з—Мѣсто, на которомъ найдена первобытная землянка.

і—Кирпичный сводъ.

к—Могила, въ которой найдена была панагія.

л—Могила, въ которой найденъ серебряный шейный обручъ.

м—Могила, гдѣ найденъ верхъ кадила.

Р. 2.

Оставленный садъ

з.

і

е

ж

к

л

2-й Валъ.

Тумба.

м

2-й ровъ.

Валъ.

в

д

г

W

S

N

O

1-й ровъ.

а

Насыпь.

б

Трехсвятительская улица.

Планъ Древняго Града

а—Княжъ дворъ.
б—Дворецъ князя.
в—Церковь св. Василія.
г—Монастырь Янки.
д—Десятинная церковь.
е—Дворъ Мстиславовъ.
ж—Бабинъ торжокъ.
з—Монастырь Вотчь.
и—Западныя ворота съ Кожемякскаго ввоза.
і—Глѣбовъ дворъ.
к—Дворъ матери-вдовы князя.
л—Южные ворота отъ Боричева ввоза.
м—Михайловскій монастырь.
н—Теремъ на Вздыхальницѣ.
о—Теремъ на Деместниковомъ дворѣ.
п—Порубъ пересѣченскій.
р—Дворъ Брячислава.
с—Митрополія св. Софіи.
т—Георгіевскій монастырь.
у—Ирининскій монастырь.

Р. 3.

4.
str. 12

148.

136. str. 73

137. str. 73

101. str. 56

59. str. 24, 56

13. str. 12

14. patrz 13

15. patrz 13

16. str. 13

7. str. 12

8. str. 12

17. str. 13

6. str. 12

5. str. 12, 18

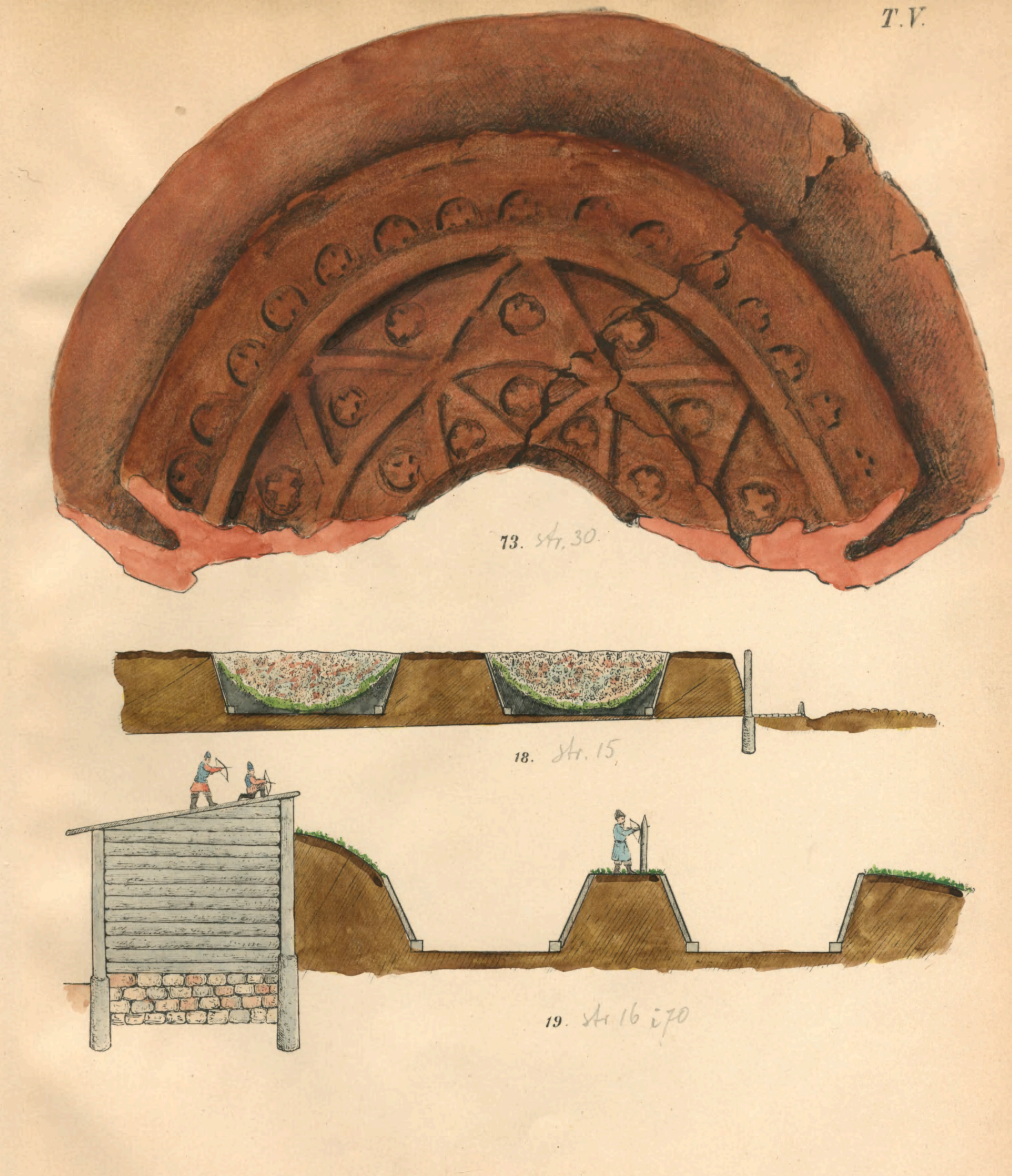
9. str. 12

10. str. 12

11. str. 12

12. str. 12

23. str. 19

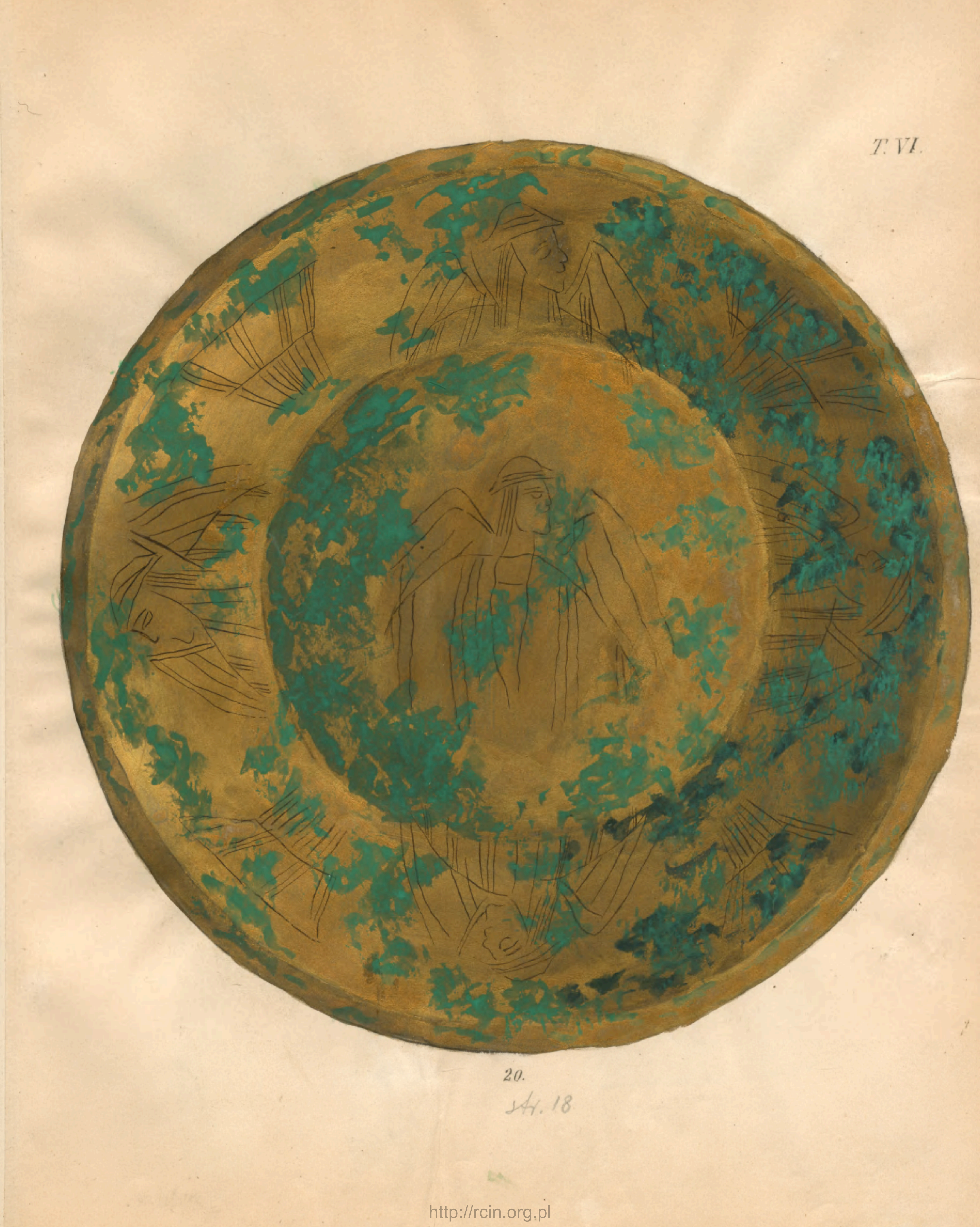

73. str. 30

18. str. 15

19. str 16 i 70

96. str. 43

20.

str. 18

81. str. 35

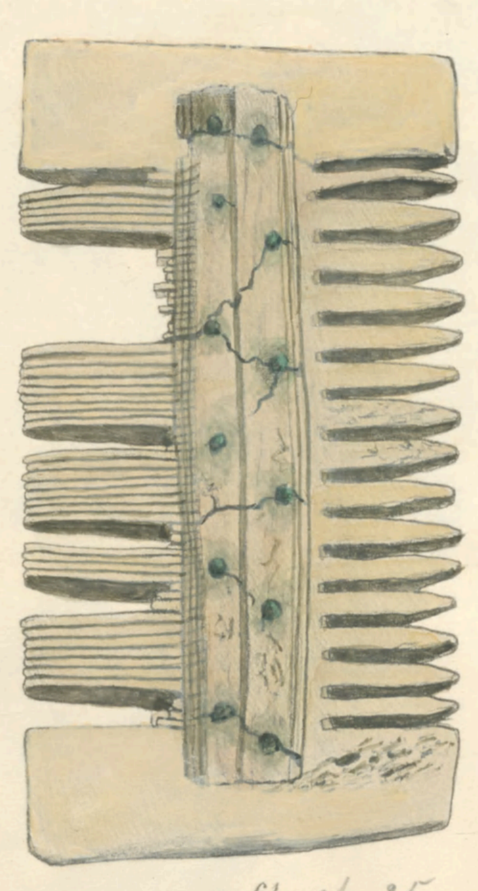

52. str. 23

21. 22.

str. 19

61. str 25

24.
str. 20, 72
74. str. 31

T. IX.
25.
str. 20
30.
str. 20
31.
str. 24
26. str. 20
27. str. 20
28. str. 20
29. str. 20

41.

42.

43.

33.

str. 21

34.

44.

45.

46.

str. 21

47.

48.

35.

str. 20 i 21

36.

50.

49. str. 21

37.

38.

39.

32. str. 20

40.

140. str. 75.
149.
141. str. 75
51. str. 22
143. str. 75
142. str. 75

98. str. 46
58. str. 24
150.
97. str. 46
54. str. 23
151.
56. str. 23
55. str. 23
53. str. 23

60. str. 24

89. str. 40

66. str. 27

62. str. 25

88. str. 40

154.

57. str. 24

153.

87. str. 39 87.

152.

67. str. 28

T. XIV.
102. str. 57
103. str. 57.
144 str. 46
63. str. 26
145. str. 46
72. str. 29
71. str. 29
138. str. 75
139. str. 75

82. str. 38
134. str. 67
64. str. 26
95. str. 42
83. str. 38
65. str 26

68.
str. 28
125. str. 62
126. str. 62
155.
116.
156.

99. St. 55

100. St. 55

69.

St. 29 i 55

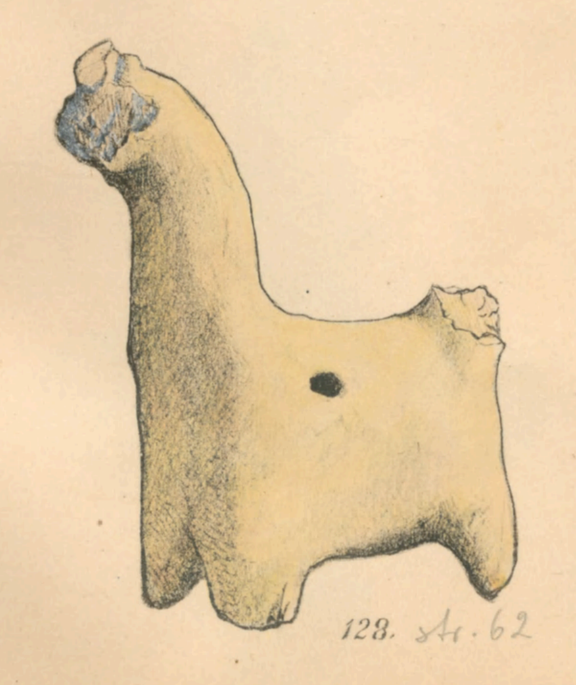
70. str. 29, 62

129. str. 62

127. str. 62

128. str. 62

124. str. 62 123.

76. str. 32

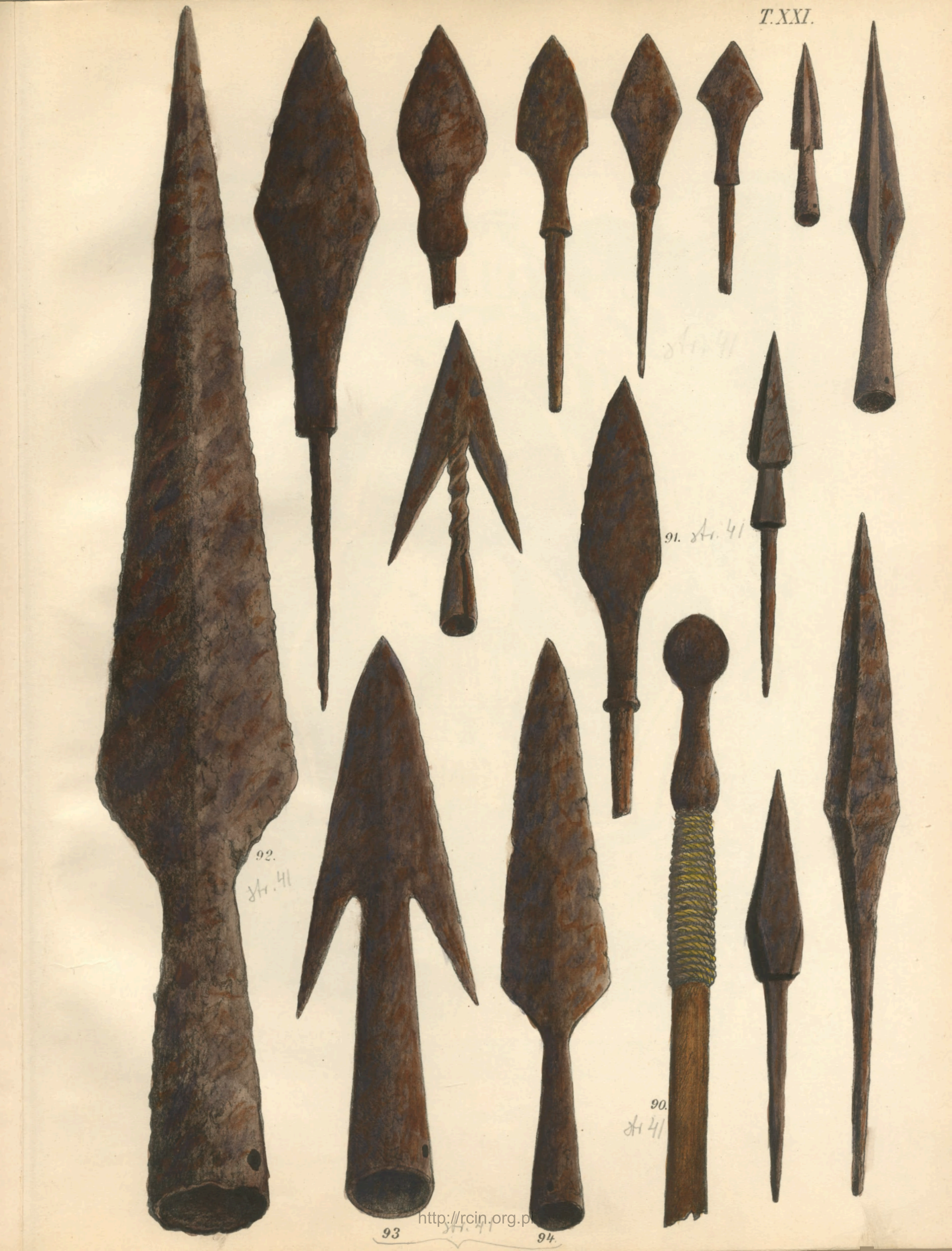
77. str. 34

80. str. 34

78 str. 34

79 str. 34

85.
str. 39
86.
84. str. 38

91. str. 41
92.
str. 41
90.
str. 41
93
str. 41
94

104. *st. 58*

105. str. 58

106. str. 58

115. str. 58

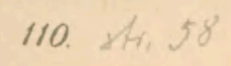
107. str. 58

108. str. 58

135. str. 71

110. str. 58

146. str. 58

109 str. 58

147. str. 58

112. str. 58

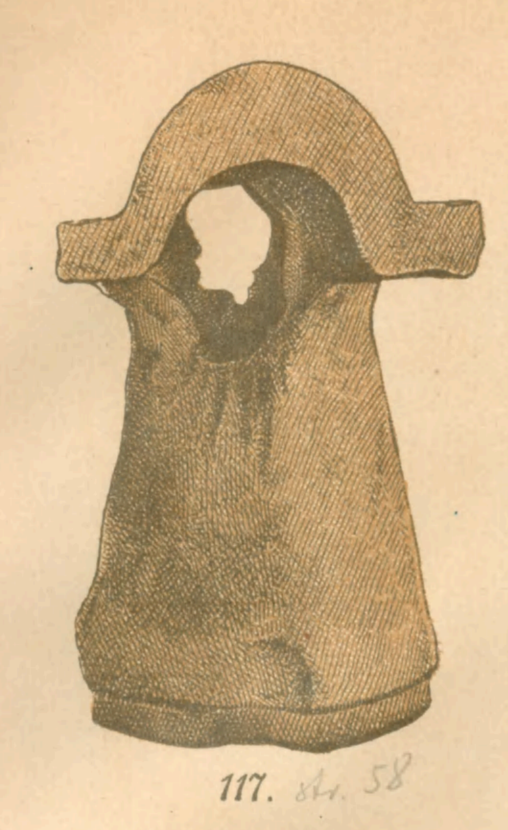
114. str. 58

111. str. 58

113. str. 58

117. str. 58

118. str. 58

119. str. 58

120. str. 58

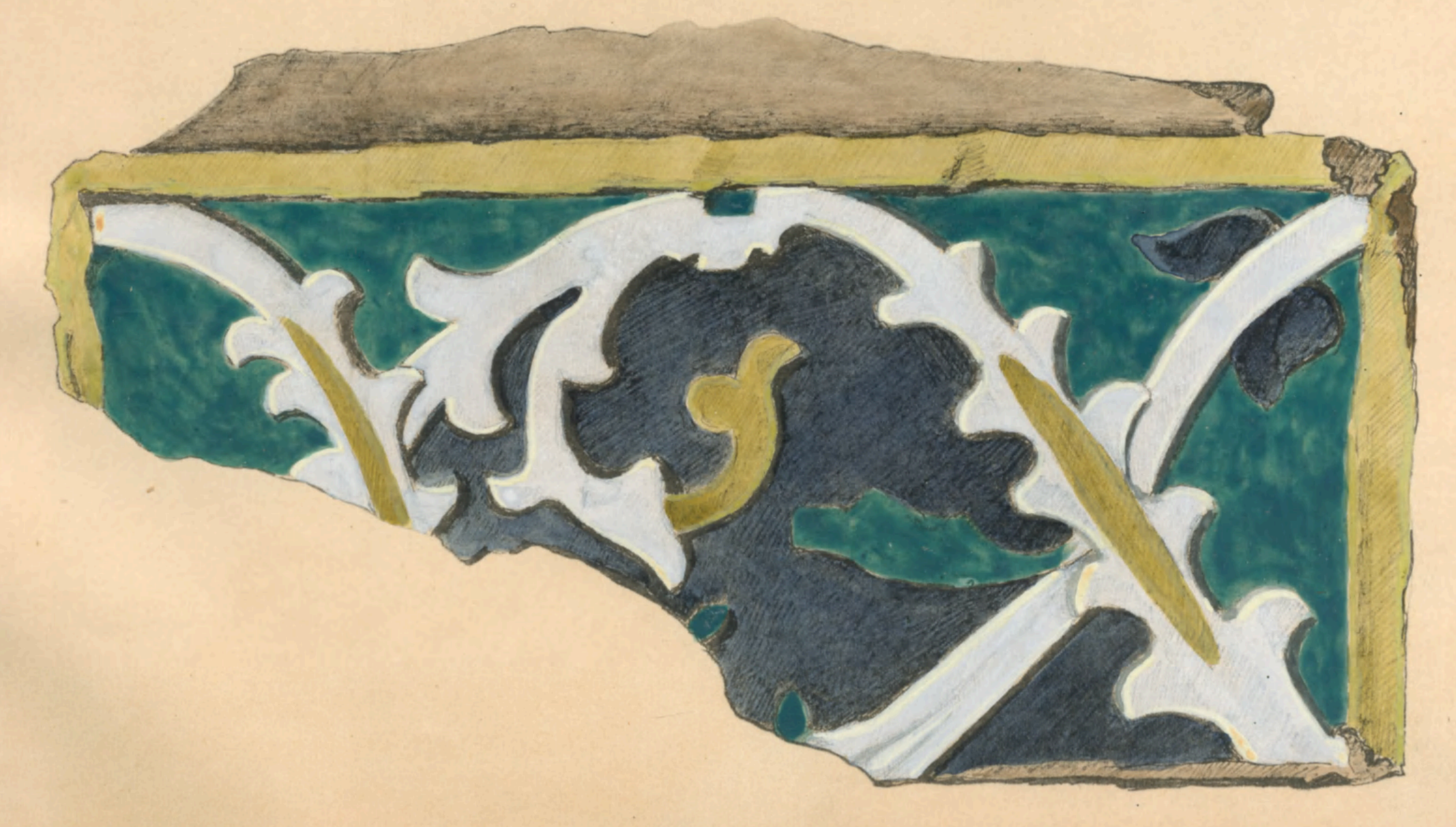
121. str. 62, 72

122. str. 62, 72

130. str. 64

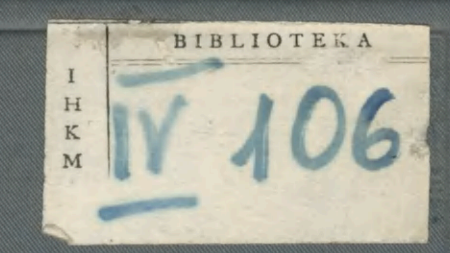

132. str. 64

131. str. 64

133. str. 64

BIBLIOTEKA
I H K M
IV 106